ВЛАСТЬ

1

2005

Журнал «Власть» сегодня

Общенациональный политический журнал «Власть» издается на спонсорские средства с августа 1993 года. На его страницах выступают отечественные и зарубежные ученые-аналитики, государственные и общественные деятели, предприниматели и финансисты, дипломаты и военные публицисты различной идеологической ориентации. Редакции удалось привлечь к совместной работе практически все ведущие аналитические центры и академические институты Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Астрахани, Ростова-на-Дону и других регионов России.

Журнал нашел не только своего читателя, свой содержательный курс, но и форму подачи материала. Являясь зеркалом политической, экономической и властных систем России, «Власть» в то же время старается сохранить свой подход и утверждать собственную позицию. Ценности либерализма, консерватизма, демократии и социальной солидарности лежат в ее основе. При этом независимый, профессиональный анализ не означает единомыслия, скорее он предполагает язык диалога, который позволяет системно рассмотреть одно и то же явление. Именно этими критериями руководствуется редколлегия журнала при подборе материалов. Сегодня, когда наиболее крупные средства массовой информации оказались идеологически и материально ангажированы финансово-промышленными группами, выживание независимых экспертно-аналитических изданий становится важнейшим условием сохранения свободной демократической прессы. По нашей информации и редакционной почте, читателями журнала являются представители как самой власти, так и органов государственного управления и в центре, и на местах. Он пользуется спросом в экспертном обществе, в среде профессорско-преподавательского состава вузов России и стран СНГ.

Журнал выходит ежемесячно объемом 10 авторских листов, его индекс в каталоге «Роспечать» 72997. За последний год число подписчиков в России и странах СНГ достигло более 1500 адресатов.

Журнал открыт для всех, кто хочет и может ему помочь сохранить и упрочить свое место в информационной системе современной России. Мы приглашаем к сотрудничеству спонсоров и меценатов. Все предложения будут с благодарностью рассмотрены.

Наш адрес:
103001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 5/1, оф. 619, гостиница «Пекин».
Редакция журнала «Власть». Тел. (095) 209-35-(15... 25), доб. 619.
E-mail: vlast@transpress.ru

ВЛАСТЬ

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**ИЗДАЕТСЯ
С АВГУСТА 1993 ГОДА**

**№ 1'2005
ЯНВАРЬ**

Содержание

Учредитель – **фонд «Евразийские цивилизации – XX век»**
Издатель – **ЗАО «Издательский дом «Парад»**

Генеральный директор: Александр Дегтярев. **Директор по развитию:** Валерий Зотов.
Технический директор: Петр Иванов. **Верстка:** Галина Немтинова. **Корректура:** Лариса Зимина.

Точка зрения авторов публикуемых материалов необязательно отражает мнение редакции.
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Власть» обязательна.

Журнал зарегистрирован Мининформпечати РФ. Рег. № 0110951 выдан 4 августа 1993 года.
Адрес редакции: 103001, Москва, ул. Б. Садовая, д. 5/1, оф. 619, гостиница «Пекин».
Телефон (095) 209-35-(15... 25), доб. 619. E-mail: vlast@transpress.ru
Представительство: Санкт-Петербург – Юрий Светов, тел. (812) 352-3137

Формат 70x100 1/16. Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Объем 5,0 п.л. Тираж 1700 экз. Заказ № 4694

В розницу – цена свободная.

Отпечатано с готовых пленок в ФГУП Издательство «Известия»
125994, ГСП-4, Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5
Контактные телефоны: 200-36-36, 200-30-20

Александр БАРСЕНКОВ

РОССИЙСКАЯ ОСЕНЬ 2004-го ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

Бесланская беда 3–8 сентября 2004 г. стала российской трагедией мирового масштаба. Жестокость содеянного потрясла общество и власть, заставила всерьез говорить о причинах обрушившегося на страну террора, а главное – о том, как уберечь от него себя и своих близких. Под огнем критики оказались предложения президента, реализацию которых он считает необходимой для борьбы с терроризмом и укрепления государственности. Его обвиняют в отходе от демократии, наступлении авторитаризма, угрозе российскому федерализму, ухудшении отношений с Западом. Насколько справедливы эти упреки?

Короткая память критиков

Нынешние критики президента не хотят помнить, что его деятельность началась не в стерильных политических условиях, а на развалинах ельцинского правления. Полученное «наследство» предопределило и последующие шаги. Фоном прихода Путина стала новая фаза чеченского кризиса: он был назначен и. о. премьера под грохот пушек в Дагестане. Острое недовольство населения вызывали результаты социально-экономической политики 90-х годов. Авторитет президентской власти был низок, отталкивали реалии олигархического правления. Общество находилось в состоянии раскола: большая часть элиты была недовольна правилами «семейной» политики. С другой стороны – массовая левая оппозиция, будучи не в состоянии бороться за реальную власть, была способна блокировать (прежде всего в Думе) любое начинание президента и правительства. Кроме того, налицо было ослабление единства страны и нарастание сепаратистских тенденций как результат падения роли центра.

Самым же тяжелым для преемника была та экономическая и политическая среда, которая сформировалась в предшествующий период. Хлипкая правовая основа приватизации и непроработанность новых механизмов функционирования экономики обусловили сомнительную легитимность слоя частных собственников и высокую степень коррумпированности чиновничества. Эта ситуация оказала влияние и на политические отношения, когда власти разного уровня выступали либо как лоббисты, либо как «крыши» различных центральных или местных кланов. Порой обретение важных государственных должностей смахивало на их покупку: достаточно вспомнить депутата от Карачаево-Черкесии Березовского, мордовского сенатора Невзлина или чукотского губернатора Абрамовича. Пощечиной верховной власти выглядело избрание алтайским губернатором обаятельного создателя образа «морды красной», ранее не уличенного в обладании какими-либо хозяйственно-политическими способностями.

БАРСЕНКОВ Александр Сергеевич – д. и. н., профессор МГУ

О нашей демократии

При характеристике российских политических процессов часто пользуются словами «демократический» – «недемократический», между тем в нашей стране они имеют свою историческую специфику. Здесь они происходят не от понятия «демократия», под которым подразумевают определенную систему политических, экономических, социальных и идеологических институтов, а от понятия «демократизация», что подразумевает процесс, движение от авторитарно-бюрократической системы. Отсюда «демократ» образца 1988–1991 гг. – это прежде всего противник «партократов», «антиконсерватор», сторонник реформ. У этих людей убежденность в том, что «Так жить нельзя!» соединялась с достаточно туманными представлениями о социальном идеале («Надо жить, как в цивилизованном мире»). Борьба «против» на том этапе была главной и оставляла открытым вопрос о том, что и как строить.

Что же касается ныне существующих демократических государств и форм их устройства, то, во-первых, они оттачивались на протяжении длительных периодов, а во-вторых, опираются на национальные и культурно-религиозные традиции и поэтому весьма между собой разнятся. Отсюда следуют два принципиально важных замечания. Во-первых, государственно-политическая система России находится в переходном состоянии, которое охватит определенный исторический период, и во-вторых, в рамках этого периода предстоят поиск и апробация оптимальных форм, которые не будут тождественны ни западным, ни восточным образцам.

Следует специально отметить, что «отцом русской демократизации» является не Путин и даже не Ельцин, а Горбачев. Именно в его правление с 1987 г. был взят курс на демократизацию всей системы общественных отношений в СССР. Однако плавно завершить этот процесс в силу ряда причин не удалось. В 1991 г. он был прерван очередной революционной ломкой. Итогом горбачевского семилетия стало разрушение прежних государственных и политических структур (запрещение КПСС, ликвидация союзного правительства, приостановка деятельности съезда и Верховного Совета СССР, расчленение КГБ, дезорганизация управления МВД и армией). При этом на уровне становящихся независимыми республик адекватной замены создано не было: в России к концу 1991 г. уже были введены отдельные элементы системы разделения властей (институт президента, Конституционный суд), которые сосуществовали с системой всевластных Советов. Новая власть России должна была заново отстраивать государство, выводить экономику из хаоса и одновременно проводить обещанные рыночные реформы. Оба эти процесса (строительство государства и экономические преобразования) не имели необходимого правового обеспечения, что деформировало и госстроительство, и экономическую политику, которые к тому же не пользовались абсолютной общественной поддержкой. Все это затрудняло процесс демократизации, который предполагает наличие определенных принимаемых и выполняемых обществом правил, а также институтов, обеспечивающих этот процесс. Полнокровной демократизации препятствовали и некоторые теоретические представления наших реформаторов.

Об авторитаризме

Нынешние критики президента обвиняют его в переходе от демократического курса к авторитарному, что, мягко говоря, не вполне корректно. Еще в середине 1991 года в руководстве тогда еще РСФСР утвердились сторонники радикального реформирования, которые обещали решительно и быстро провести рыночные преобразования. Для этого, по их мнению, было необходимо ликвидировать «отжившие союзные структуры» (де-факто – единое союзное государство), устранить с политической арены КПСС и изменить традиционный социалистический менталитет. В этой среде утвердилось представление о том, что между тоталитаризмом и демократией неизбежен достаточно продолжительный по времени период – диктатуры демократии («демократуры»), в рамках которого будут утверждаться новые ценности и нормы. А поскольку смысл и направленность перемен понимали и принимали далеко не все и существовало сопротивление проводимым мерам, то представлялось, что «диктатура демо-

кратии» должна осуществляться в форме авторитарного правления. Этот «просвещенный авторитаризм» в условиях России связывался с концентрацией значительных властных полномочий в руках президента, что и нашло отражение в нашей Конституции.

Показательно, что ныне в пользу «сохранения конкурентной политической среды» выступают те лидеры и объединения, которые в 90-е годы имели именно неконкурентный доступ к административно-властным, финансовым и информационным ресурсам. Поэтому сейчас в нашем историческом контексте речь идет не о «сохранении достижений демократии», а о консервации привилегированного положения того сегмента политической и экономической элиты, который в полной мере воспользовался выгодами 90-х годов, – «разрушительного» по выражению Е. Г. Ясина, периода российских реформ.

Отечественный опыт федерализма

В России всегда существовало и, видимо, будет существовать противоречие между необходимостью сплочения страны под эгидой центральной власти и стремлением отдельных территорий самостоятельно решать свои проблемы, так как «на местах виднее». В России до 1917 г. был обширный, хотя и небесспорный опыт управления отдельными территориями империи. Что же касается федеративных форм устройства государства, то они связаны лишь с большевистским правлением. Однако этот опыт нельзя признать исторически удачным. Во-первых, в СССР была создана асимметричная федерация (с неравноправием субъектов) с элементами конфедерации (Конституция декларировала право на выход из Союза). Во-вторых, такая конструкция могла существовать лишь в условиях господства компартии, которая строилась не по федеративному принципу, а как жестко централизованная организация. Ослабление и отстранение КПСС в 1986–1991 гг. вызвали обвал всей системы «советского федерализма», последствия которого мы переживаем до сих пор.

Что касается политики российских властей после принятия Декларации о суверенитете 12 июня 1990 г., то она столь же далека от совершенства. Всем памятно казанское выступление Ельцина в августе 1990 г., обращенное к автономиям: берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить. Сам Ельцин уже весной 1991 г. признал этот курс ошибочным, однако раскрученный маховик сепаратизма имел свою инерцию, и осенью 1991 г. бывшие автономии настаивали на превращении России из конституционной федерации в договорную. Между прочим в сентябре–декабре 1991 г., а не в 1994 г. в основном оформился военно-клерикальный националистический режим в Чечне. В 1990-е годы Россия пережила назначения и выборы губернаторов, «бюджетный сепаратизм» республик и заключение двусторонних договоров об «особых» отношениях между центром и субъектами и, без оглядки на Москву, конституционно-правовое «творчество» субъектов. Из этого следуют естественные выводы о незаконченности строительства и несовершенстве федеративных отношений к 2000 г., а также о том, что этот процесс идет методом проб, которые и позволят выявить приемлемые формы. Сентябрьские предложения Путина вполне укладываются в эту линию.

О руководящей роли партий

Наша страна имеет своеобразный опыт партийного строительства. Нравится это кому-то или нет, но КПСС была не только политико-идеологической, но и управленческой организацией, на определенных этапах достаточно эффективной. Ее реально руководящая часть (не «массы») включала в себя всю управленческую «верхушку» общества: политиков, хозяйственников, военных, дипломатов, деятелей науки и искусства – как правило, опытных специалистов в своих сферах. Сложилась достаточно уникальная конструкция «партия–государство», где партия играла ведущую роль и ее ослабление вело к резкому ослаблению государства. К середине 1980-х гг. КПСС не была организацией фанатиков-единомышленников: последующие события показали, что она включала в себя и антикоммунистов, и националистов.

Стремлением заменить КПСС другой «суперпартией» руководствовались и создатели движения «Демократическая Россия» зимой 1990 г., однако сделать

этого не удалось: «ДемРоссия» развалилась сразу после «августовской революции» 1991 г. Любопытно признание одного из лидеров «демократического» движения тех лет Г. Х. Попова. В 2000 г. он оценил как ошибочную борьбу против КПСС в 1988–1991 гг., полагая, что ее потенциал можно было эффективно использовать после глубокого реформирования.

В новой России на роль партии власти осенью 1993 г. претендовал «Выбор России» Гайдара, однако вскоре стало ясно, что он на это не годится. К 1995 г. относится попытка конструирования двухпартийной системы под эгидой власти. Предполагалось создать «правоцентристский» блок под эгидой премьера и «левоцентристский» под руководством председателя Госдумы. Однако если И. П. Рыбкину собрать блок не удалось, то В. С. Черномырдин, используя административный ресурс, все же сумел это сделать. Опыт создания организации («Наш дом – Россия») позволил ее руководителю сформулировать очередной афоризм: «У нас какую партию ни создавай, все равно получается КПСС». Тем не менее в силу ряда причин партия не смогла стать массовой и влиятельной.

Это вызвало в свою очередь новый виток партстроительства «сверху», который пришелся на 1999–2004 гг. В результате возникла новая организация – «Единая Россия», которая как «партия власти» призвана повысить эффективность управления на всех уровнях. В условиях очевидной слабости и искусственности других партий и институтов гражданского общества ЕР стремится взять на себя функцию выразителя интересов основных массовых социальных групп, выступая в качестве общенациональной организующей силы. Ее существование скорее соответствует национальной традиции, чем ее отрицает. Насколько партии удастся выполнить заявленную роль, покажет время.

Мы и Запад

Высказывают много опасений о том, что новые президентские инициативы могут испортить отношения с Западом. Между тем Запад последовательно реализует долговременную стратегию в отношении нашей страны, которую там, собственно, никто и не скрывает. Ее цели: снять угрозу, длительное время исходившую от нашей страны, и приспособить современную Россию под себя. Если раньше речь шла прежде всего о проблемах разоружения, то теперь – о включении страны в мирохозяйственные связи преимущественно в роли поставщика сырьевых ресурсов.

Примерно на рубеже 1989–1990 гг. экономическая поддержка и особенно ее обещание со стороны США стали использоваться в качестве одного из рычагов влияния на внутренние реформы. После 1991 г. западная помощь стала одним из важнейших факторов выживания нового политического режима, что предопределило «проамериканский крен» во внешней политике в 1991–1995 гг. Между тем Запад весьма условно учитывал российские интересы: американцы последовательно придерживались концепции поддержания «геополитического плюрализма», препятствуя попыткам реинтеграции на постсоветском пространстве; европейцы остались глухи к российским пожеланиям не расширять НАТО на Восток, оказались крайне нечувствительными к нарушениям прав русскоязычного населения в новых независимых государствах, не спешат снять экономические барьеры, воздвигнутые еще в период холодной войны.

В то же время в России сложилась откровенно прозападная партия, которая рассматривает давление на нашу страну в качестве одного из важнейших рычагов проведения реформ. Сторонники таких взглядов традиционно говорят о России «эта страна», ныне сетуют на «равнодушие Запада к внутренним делам, выступают за создание «новой либерально-западнической партии», которая будет противостоять «полицейски-закрытому государству», каковым они видят современную Россию.

Тем не менее становится все более очевидным, что «заграница нам не поможет» и что отношения с США и Западной Европой будут скорее конкурентными, чем партнерскими или союзническими. Появилась надежда, что российская элита научится адекватно понимать и достойно защищать отечественные геополитические и экономические интересы, что далеко не просто после многочисленных «загогулин» путинского предшественника.

Путин как политик

В нашей стране существует устойчивая традиция персонификации политики, связывая ее с определенной личностью. В российской практике это де-факто закреплено Конституцией, поэтому индивидуальные особенности главы государства имеют реальное значение.

На высший государственный пост Путин пришел не из политики, а из государственно-управленческой среды: после отставки из КГБ он был заместителем мэра, занимал ответственные посты в администрации президента, возглавлял ФСБ. Будучи назначаемым на эти должности, он проявил себя как умелый менеджер. Предшествующий опыт не мог не наложить отпечаток и на президентскую деятельность, обусловив особое внимание не только к политической сфере, но и к механизму функционирования государственной системы. В отличие от своего предшественника, часто прибегавшего к словам «демократия», «демократический», Путин чаще использует понятия «эффективность» и «эффективный», когда приоритетное значение приобретает не форма, а результативность принятого решения. Характерно его представление о своих задачах как президента, сформулированное им весьма деликатно еще в 2000 г.: в 90-е годы в России были созданы основы демократии и рыночных отношений, теперь в них нужно навести порядок. О том, как трудно это сделать в нашей стране, видимо, знает каждый.

Что делать? Хуже не будет

Исторические условия появления Путина на высшем государственном посту обусловили основные направления его деятельности. Вначале особенно важной была задача стабилизации. Удалось консолидировать управленческую элиту, ослабить сепаратистские тенденции, «укротить» оппозицию, притушить раздрай в СМИ, добиться определенной консолидации общества, в том числе и за счет повышения доверия лично к себе. Институт президента справедливо рассматривается не только как высший государственный пост, но и как один из сплачивающих нацию символов. Не случайно уровень избирательной и рейтинговой поддержки Путина зашкаливает за 70%, что его предшественнику и не снилось. При Путине достигло совершенства искусство использования политических технологий, позволяющих добиться необходимых результатов на выборах и в ходе кадровых перестановок.

Однако условия войны против терроризма диктуют необходимость консолидации общества и власти на принципиально иной основе. Здесь с одной стороны – могут быть оправданы самые различные действия власти, если они реально способствуют повышению безопасности. Выборность губернаторов законодательными собраниями, способ формирования парламента в данном историческом контексте имеют подчиненное значение: военное время не лучшее для дискуссий, а отечественная политическая и историческая практика позволяет найти аргументы для обоснования самых разных решений. Однако главное – восстановление доверия общества к власти, повышение ее авторитета на всех уровнях, что диктует необходимость не только умелых управленческих решений в сфере государственного строительства, но и существенную «перенастройку» социально-экономической политики правительства, важность сделать ее более адресной, нацеленной на улучшение положения массовых слоев населения. Это повысит шанс понимания власти всеми гражданами страны, которые с полным основанием будут считать эту власть «своей». А это на порядок повысит шансы на успех совместной борьбы против террора.

Ренальд СИМОНЯН

ГРУЗИЯ, УКРАИНА... ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ?

Люди старшего поколения помнят, как в 60–70-х годах проходило первенство СССР по хоккею с шайбой. Всеобщая воинская повинность максимально использовалась клубом ЦСКА для комплектования своей команды. Не дай Бог, появиться талантливому хоккеисту в Челябинске, Новокузнецке, Воскресенске или в других московских клубах, как его тут же «забирали в армию» по указанию тренеров армейской команды. Эта практика приводила к тому, что никакого соревнования за золотые медали не было, господствовала монополия одного клуба. Естественно, что подобная система, когда победитель был заранее известен, вызывала всеобщее возмущение. Поэтому международные встречи советской хоккейной сборной в 60–70-х гг. прошлого века рождали в душе многих болельщиков противоречивые чувства. Конечно, чаще болели за своих, но многие болели и против, так как доминировало возмущение сложившейся уродливой системой. Поэтому олицетворяющие ее тренеры армейцев, которые, понятно, являлись одновременно и тренерами сборной, вызывали естественную неприязнь. Люди, позволяющие себе разорять другие команды, чтобы гарантировать победу своей, персонифицировали несправедливую систему. А для нашего национального сознания несправедливость особенно неприемлема, она всегда вызывает глубокий эмоциональный протест.

Нынешние события на Украине рождают подобную двойственность в душах многих россиян. Когда коррумпированную, непопулярную, всем так надоевшую, сопровождаемую многочисленными скандалами, нынешнюю власть народ хочет отбросить – это рождает вполне естественные и понимание, и сочувствие. Так же, как сочувствие и понимание рождают неприятие практики передачи трона по наследству. В России предстоят выборы президента в 2008 году, и, естественно, не хочется, чтобы процедура передачи власти «своему человеку» стала политической нормой. Кроме того, нечестные выборы – это психологическая травма у значительной части населения, причем более глубокая у самой его активной и просвещенной части. Подтасовка на выборах – это наиболее действенный способ власти показать свое презрительное отношение к населению, подтвердить любимый тезис нынешней высшей российской бюрократии о том, что «пипл все схавает». Поэтому решимость людей воспрепятствовать манипуляциям властей может вызвать у россиян только чувство уважения к населению Украины. Так же, как до этого – уважения к грузинам. Там тоже выплеск народного гнева был реакцией на подтасованные итоги выборов в парламент. В холодные ноябрьские дни и еще более холодные ночи южный народ вышел на улицы и не ушел, пока режим семьи Шеварднадзе не заявил об отставке.

Сегодня многие российские журналисты наперебой кричат о том, что политика на улицах не делается. Видимо, плохо учились в школе. Именно так чаще всего народ добивается того, чтобы власть с ним стала считаться. Конец XX – начало XXI века подтвердили эту историческую закономерность со всей убедительностью. Достаточно вспомнить мирное стояние москвичей в ночь на 21 августа 1991 года. Людей с высоким гражданским самосознанием было совсем немного – вокруг Белого дома собрались не более сорока–сорока пяти тысяч. Но именно их присутствие в первую ночь путча не позволило провести штурм.

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – д. с. н.

Этот подчеркнуто мирный характер демонстраций на Украине особенно раздражает сегодня российскую власть. Так все-таки толпа или народ? Если бы, не дай Бог, победил ГКЧП, то защищавшие Белый дом оказались бы «толпой». Помните у Светлова: «Мятеж не может быть удачен, он назывался бы иначе». Революция гвоздик в Праге, революция роз в Тбилиси и вот теперь оранжевая революция в Киеве вызывает плохо скрытую неприязнь. Почему? Неужели поющая революция в Таллине, когда не только ни одного убитого или раненого – ни одной набитой физиономии не было, хуже, чем уличные побоища?

Но раздражение испытывают не только представители властных структур, но и многие простые россияне. Здесь и элемент досады, связанный с накопившимся за последние пятнадцать лет огромным национальным унижением. Еще недавно была великая страна, одна из двух сверхдержав. Сегодня скатываемся к второразрядной. Прежние отсталые этносы нас быстро опережают. Неизменные персонажи русских насмешливых и уничижительных пословиц и поговорок – турки, многократно битые нашими дедами и прадедами, ремонтируют правительственные здания, покрывают значительную часть потребностей нашего населения в товарах широкого спроса (обувь, одежда, бытовые электроприборы), организуют у себя массовый отдых россиян, а саму азиатскую страну вот-вот примут в Европейский союз. Турция в 80-х гг. за пять-шесть лет благодаря своим руководителям совершила огромный экономический и социальный скачок. Россия по тем же причинам за последние пятнадцать лет в социально-экономическом развитии скатилась назад. Являясь мостом между Европой и Азией, Россия всегда стремилась достигнуть европейского уровня благосостояния. Но российское общество вдруг с удивлением обнаружило, что за последние годы мы оказались позади очень многих азиатских стран. С Европой придется повременить, нам бы Азию догнать. А тут еще соседний славянский народ показывает пример гражданского поведения, наглядно демонстрируя нам, что «быдло» – это вовсе не про них. Они не только не хотят, чтобы вопреки их желанию на трон сели люди, главной задачей которых являются не национальные интересы государства, а гарантия сохранения и приумножения награбленного, но и добиваются этого. И вот здесь мы с горечью осознаем, что они могут, а мы – нет. Да, это восхищение, но очень уж смешанное с завистью.

За время, прошедшее после развала СССР, в общественном сознании России сложился определенный стереотип восприятия бывших союзных республик. В общественных преобразованиях Россия отставала от стран Балтии, но уж совершенно точно опережала Украину и Белоруссию, не говоря уже о республиках Средней Азии. На фоне лишенной собственных энергоресурсов, а поэтому бедной и во многом еще коммунистической Украины в 90-х годах Россия смотрелась как богатая и демократическая. Сегодня все вдруг увидели, что этот стереотип устарел. Несмотря на пятилетие сверхблагоприятной для России мировой конъюнктуры цен на энергоносители (за последние сто лет так никому не везло!), темпы экономического роста на Украине не уступают российским, гривна оказалась более твердой валютой, чем российский рубль, структура украинского экспорта более диверсифицированна. А главное – Украина значительно опережает Россию в политическом развитии. Неожиданно оказалось, что у наших соседей наличествуют необходимые атрибуты, которых у нас теперь уже нет: открытый политический процесс, дееспособная оппозиция, нормальный парламент, реальный плюрализм, независимый суд и что особенно важно – негосударственные каналы телевидения.

После распада СССР вновь образованные государства начали свою политическую практику с определения фактического состояния отношений с Россией. Это был самый насущный и приоритетный вопрос, а для ряда стран (Украина, Грузия, Армения, Таджикистан) и вопрос выживаемости. Россия как самая большая и самая богатая, как правопреемница СССР, как наконец тогда еще равный партнер США имела самый высокий статус среди других постсоветских государств. Да и среди участников одержавшего над тоталитаризмом победу демократического сообщества россияне занимали ведущие позиции. Именно в России были сосредоточены наиболее яркие и признанные лидеры демократических

преобразований. На Россию ее соседи смотрели тогда с огромным уважением и надеждой. Ее потенциал и международный авторитет в тот исторический момент предоставляли ей по существу беспроигрышный шанс стать экономическим и организационным стержнем нового регионального образования на Евразийском континенте.

В России в отличие от стран Балтии, как, впрочем, и от других европейских государств, либеральные идеи не имеют столь широкой социальной базы в обществе. Обращение общества к либеральным ценностям отличает лишь отдельные периоды в российской истории XIX–XX веков. Десятилетие, охватывающее вторую половину 80-х и первую 90-х гг. XX века было именно таким периодом. Популярность всего того, что связано со свободой личности, демократией, частной инициативой, стремительно возрастала в российском обществе. К началу 90-х гг. она захватила если не большую, то по крайней мере значительную часть населения, причем самую продуктивную ее часть, то есть в обществе возникла широкая социальная и психологическая основа для практической реализации либеральных и демократических идей. Таким образом, государственной власти представился великолепный шанс для создания цивилизованной свободной рыночной экономической системы в России и перспектив быстрого экономического развития. Но российские реформаторы не только не воспользовались этой уникальной возможностью, не только не включили огромный творческий потенциал нации в демократические преобразования, но наоборот – полностью отстранили его от участия в реформах. И что оказалось еще более трагичным – по существу сделали все, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. То, что происходило в России в 90-е гг., в конечном итоге вызывало в общественном мнении возрастающее негативное, а точнее, даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию «демократия». Либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной в общественном сознании населения нашей страны, что к концу 90-х годов масштаб агрессивного неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму. Общество, разграбленное и развращенное, «взглянуло окрест себя» и душа его переполнилась, нет, не страданием, как у Радищева, но неукротимым желанием «твердой руки». Поэтому создание полицейского государства является абсолютно логическим следствием того, что происходило в России в 90-х гг. Нынешний режим – логичное и законное детище Гайдара, Чубайса, Коха, Авена, Фридмана и других реформаторов России. Характер нынешней власти вполне отвечает потребностям существенной части общества.

Пребывающие в состоянии социальной апатии россияне на улицы выходить не будут. Миллионы людей это делали в 1989–1990 гг., после чего оказалось, что они своими собственными руками привели к руководству Россией тех, кто ответственен за ее нынешнее состояние. А это надолго отбило охоту выходить на улицу. Поэтому внутри России пока нет да и не может быть серьезной политической силы, чтобы воспрепятствовать авторитаризму.

Но человек всегда живет надеждой. И очень хочется думать, что пробуждение гражданского самосознания у наших соседей, заставившего власть относиться к нему с уважением, с одной стороны – может послужить примером для россиян, почти убедивших себя в том, что «от нас ничего не зависит». А с другой – заставит российскую властную верхушку несколько остудить административный пыл по завинчиванию гаек. Да и для социального развития России ей, конечно же, значительно выгоднее соседствовать с открытой демократической страной, чем с такой же олигархической, коррумпированной и закрытой.

Но есть и другая сторона. Источник, из которого исходит энергетика демократических требований, – это Западная Украина. Тем, кто бывал во Львове или Ивано-Франковске, хорошо знакомы здешние представления о москалях и отношение к ним. После распада СССР в 1991 году значительная часть периодики на украинском языке оказалась под влиянием «Руха» и антироссийская риторика в ней была одной из ведущих тем. Для поверхностного читателя был непонятен пафос этой русофобии. Действительно, к чему, казалось, можно придраться? Никаких претензий по поводу Крыма, пода-

ренного Никитой Сергеевичем Украине, Россия не имеет, что письменно подтвердила. О еще более царских подарках большевиков даже и не вспоминает. На постоянное воровство российского газа закрывает глаза, прощает многомиллионные долги, создает преференции в торговле, дает выгодные кредиты, поощряет отдых своих граждан в Крыму, что дает весомый вклад в бюджет страны, предоставляет работу в России многим сотням тысяч граждан Украины. И важно подчеркнуть: никак не реагирует на масштабную украинизацию русских школ, что особенно впечатляет, если учесть бурную реакцию России на притеснения русского языка в Латвии.

Понять источник необъяснимой, на первый взгляд, русофобии нельзя без обращения к поиску более глубоких причин. Украинцы – второй по численности после русских (138 млн.) славянский этнос (45 млн.), третий – поляки (40 млн.). Но сегодня это формирующаяся нация. Пока вклад в мировую сокровищницу ее не так велик, как русских, поляков, чехов. Нет всемирного значения художников, писателей, поэтов, философов, ученых. Но это всего лишь потому, что этнос молодой, только-только складывается. Когда из Киевской Руси образовались три народа, то исторически сложилось так, что русский сформировался значительно раньше украинского. Украина была то частью Польши, то частью Великого княжества Литовского, то частью российской империи, если не считать нескольких месяцев периода Гражданской войны, впервые обрела государственную самостоятельность в августе 1991 года. Формирование украинской нации впереди – после чего здесь обязательно появятся и свои Пушкины, Чеховы, Толстые, Рахманиновы, Репины, Бердяевы, Розановы, Менделеевы, Вернадские, Сахаровы, ибо украинский народ, как и все славянские народы, необычайно талантлив. У такого музыкально одаренного народа обязательно появятся и свой Чайковский, и Шопен, и Дворжак, и Сметана.

Но ведь истинный «патриот» не может смириться с тем, что задержка формирования и творческой самоактуализации этноса произошла по объективным историческим причинам. И уж если искать виноватых в нынешнем положении, то больше, чем Россия, на эту роль никто не годится. К тому же еще исторические споры о восточно-славянских народах не затихают. Еще сравнительно недавно в конце XIX века император России Александр III считал, что нет никакой украинской нации, и запретил преподавание в школах на украинском языке.

И Россия всячески показывает, что чувствует за собой вину. По крайней мере только так можно истолковывать ее поведение в течение всего периода после распада СССР. Россия постоянно идет на уступки, не реагирует на антироссийские выпады в украинских СМИ, выполняет все капризы, сохраняла молчание, когда на Украине в середине 90-х гг. происходили маневры НАТО. Можно себе представить, что было бы, если бы страны Балтии стали воровать российский газ или выбрасывать книги из библиотек на русском языке, как это было во Львове! Более того, многие русские политики стали вопреки нормам русского языка говорить «в Украине» вместо «на Украине» (Тарас Григорьевич как нормальный интеллигентный человек говорил и писал в соответствии с нормой). Подобное ублажение одной из равных сторон другой обычно свидетельствует о комплексе вины ублажающего. Но такая тактика всегда приводит только к эскалации обид и претензий. Чем больше Россия уступает, тем агрессивнее становятся настроения западно-украинских национал-радикалов. И это не может не вызывать естественной реакции в массовом сознании россиян.

Правда, Россия по праву заслужила сегодня благодарность самых крайних националистов. Неуклюжие действия российских властей в ходе президентских выборов на Украине сделали в эти дни для сплочения массы людей в единую нацию несоизмеримо больше, чем все многолетние усилия национальных идеологов. А появление украинского национального самосознания теперь навсегда останется в истории как заслуга российского президента. Учитывая уровень профессиональной компетентности и управленческой культуры нашего нынешнего руководства, который оно наглядно продемонстрировало в отношениях с Грузией, а теперь демонстрирует с Украиной, россиянам остается только надеяться на то, что большая соседняя славянская страна послужит им примером гражданской зрелости

Людмила ВАСИЛЬЕВА

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ПЕЧАТНЫХ СМИ РОССИИ

В общем виде вероятность преобладания не вполне демократических политических режимов обусловлена невозможностью мгновенного появления зрелой демократии. Такая демократия всегда формировалась в ходе длительных перемен, проходила через промежуточные ступени, имущественные, сословные, образовательные цензы. Рассмотренная в длительной перспективе демократизация везде шла от полного отсутствия демократии к ее началам, их расширению, к постепенному охвату демократическими порядками всей социально-политической системы. Такой подход четко сформулирован исследователями Л. А. Гордоном и Н. П. Плискевичем[1].

В Западной Европе этот процесс занял никак не меньше ста – полутораста лет, считая от Французской революции. В конце XX столетия развертывание демократии может идти быстрее, но в любом случае счет ведется на десятилетия и поколения. В этом смысле правы А. Мигранян и И. Клямкин, еще в 80-е годы утверждавшие, что политическое развитие России будет идти от тоталитаризма к авторитаризму и лишь затем к демократии. Подобные суждения отражают историческую реальность схематически, в абстракции. В действительности эта тенденция никогда не осуществляется в чистых формах. В живой жизни движение к демократии напоминает не последовательность ступеней или нарастающую кривую, а носит колебательный характер.

Опасности, заключенные в двойственной природе полудемократическо-полуавторитарного курса, требуют от власти, стремящейся проводить его, специальных усилий, направленных на удержание срединно-умеренной линии своей политики. Сделать это необычайно сложно, особенно в российском обществе, к достоинствам которого никак не относятся умеренность или культура компромисса. Отсюда вытекает важная роль, которую в современной России играют медийные каналы, ретрансляторы структур мифологического опыта.

Нарождающийся рынок радикально менял требования к содержанию изданий. По-прежнему выходили коммунистические газеты «Правда», «Советская Россия», «Гласность» и др., по-прежнему они исполняли роль коллективного пропагандиста, агитатора, организатора. Больше того, они получали государственные дотации. Защита гласности подразумевала не только защиту прессы, но и право каждого на выражение своей позиции. В тот период она гибла, попав в ловушку административно-государственной системы. Грабительские цены на бумагу, полиграфию, распространение в условиях полной монополии государства на все эти товары и услуги означали одно: стремление заглушить гласность и в то же время искусственно подкармливать и держать на плаву ту прессу, которая была верна интересам правящего класса. Масс-

ВАСИЛЬЕВА Людмила Алексеевна – к. и. н., член Союза журналистов России, доцент ДВГУ

[1] Гордон Л. А., Плискевич Н. П. Развилки и ловушки переходного периода. Полис 1994. № 5, стр. 96, 102

медиа первыми ощутили на себе хватку рынка и искали всяческие пути для выживания. Но парадокс ситуации заключался в том, что десятилетний диктат партийного руководства рухнул, а освобожденные СМИ не знали и не имели навыков самостоятельной работы, хотя с помощью СМИ сторонники демократических преобразований победили на первых демократических выборах. Диктат новой власти стал еще жестче и категоричнее. В Приморском крае в начале 90-х годов первыми пали старейшие газеты «Красное знамя» и «Тихоокеанский комсомолец». Газеты «Известия» и «Комсомольская правда» неоднократно писали о том, как новая власть достаточно серьезно «приручала» независимых журналистов. Например, «его пытали по инструкции гестапо: заламывали на дыбе, гасили окурки о спину, закручивали вокруг шеи проволоку. И с тупой настойчивостью выбивали «признание»: я, радиожурналист Садыков (студент III курса журфака), критиковал Владивостокского и. о. мэра Толстошеина, потому что меня купил за 100 (сто) долларов бывший мэр Черепков»[1]. Экс-губернатор Приморского края Е. Наздратенко два с половиной года на должности «инженера по научно-технической информации» держал журналиста ЦТ А. Тихомирова, который в качестве благодарности периодически выдавал благостные передачи о Приморье. а в октябре 1994 года 23 столичных репортера на военном самолете были доставлены во Владивосток для объективного освещения ситуации в крае.

В России переходного периода формировались слабое государство и слабое общество, но к середине 90-х годов стали проявляться тенденции стремления к самостоятельности и к самоорганизации при сохранении тяги к сильному государству, к сильной руке. Эти тенденции вполне соответствовали уровню развития политической культуры в стране. Их главная особенность заключалась в том, что в момент начала демократических преобразований в России фактически отсутствовали культура и традиция политического консенсуса, большинство людей были искренне убеждены в том, что существует только одна истина, которой и должны служить политика, философия, религия и т. д. Политическое мышление строилось на принципах «или – или, «свой – чужой», «друг – враг».

Реальность и осознание раскола присутствуют в российском обществе по сей день, определяя и формируя его политический дискурс. В пределах политического поля России пока не удалось достигнуть подлинно демократического консенсуса, который основывался бы на признании статус-кво, сложившегося в 1991 году, и исключении насилия как средства разрешения политических противоречий.

На начальном этапе, собственно, демократических реформ, рыночного преобразования экономики (1992–1994 гг.) СМИ, большинство которых поддерживало либерально-демократическую модель преобразований, сыграли заметную роль в обеспечении терпимого отношения общества к действиям команды «молодых реформаторов» Е. Т. Гайдара, которые не всегда были последовательными и продуманными. За эту поддержку СМИ «заплатили» утратой доверия к ним со стороны значительной части россиян. Кроме того, они столкнулись с серьезными финансовыми трудностями, падением тиражей.

Период 1995–1999 гг. во многом стал переломным для российских СМИ. Иллюзии самостоятельности, автономии СМИ по отношению к интересам крупного капитала, власти постепенно развеиваются. Их существование оказывается в зависимости от медиа-холдингов, сами СМИ играют подчиненную роль в системе политической интриги, столкновений интересов крупных финансово-промышленных групп. Постепенно складывался плюрализм в информационной сфере, на нет сошли понятия «диссидент», «инакомыслящий», теперь они открыто выступали в СМИ, многие из них возглавили центральные газеты, журналы, каналы радио и телевидения. М. Горбачев и его окружение рассчитывали на использование гласности для «обновления социализма», но именно она стала источником превращения СМИ в самостоятельную силу.

С принятием законов о печати (общесоюзного в 1990 г., российского в 1991 г.), благодаря поддержке гласности властями для СМИ, по выражению И. За-

[1] Комсомольская правда. 1994, 29 октября

сурского, наступил «золотой век». Масс-медийные каналы формировали политическую жизнь общества, выступали центром консолидации слабых и разобщенных демократических сил. С помощью масс-медиа шло развенчивание старых символов, мифов, создание новых, демократических (замена государственной атрибутики, внедрение новой модели «счастья», поведения и др.).

Первая газета перестройки и гласности – газета «Московские новости». В 1980 году стала выходить на русском языке и стала газетой своего времени, стала вехой новейшей истории отечественной журналистики. Главный редактор Е. Яковлев ситуацию характеризовал так: «И это определили не талант и отвага тех, кто собрался тогда под одной крышей, а то, что надежды и усилия, которым было отдано не одно десятилетие, сошлись со временем. Уже в 60-е годы мы работали на это время. Кто-то топчет тот период, отрекается от него, но мы должны были его пройти, чтобы эмпирическим путем постичь (на что ушла самая плодотворная и самая обширная часть жизни моего поколения) ту глубочайшую ошибку, которую, думаю, умозрительно понять было нельзя: веру в то, что это государство, этот строй можно исправить и улучшить. Я считаю, что только Солженицын – первый и единственный из авторитетных людей в стране с самого начала говорил, что его надо уничтожить»[1].

На «взлете» были издания: «Московский комсомолец», «Известия», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», журнал «Огонек». Не было в тот период разделения: кто – в служители, кто – в прислужники, кто служит труду, а кто злату. Писатель И. Васильев («Советская Россия») так определял роль публициста: «...это такой ум и такая душа, которые задолго до осознания людьми общественного нарыва обнаруживают его через боль человека и свое сострадание ей. Сострадая, публицист исследует индивидуальную боль и выходит на социальные причины. Если душа не умеет сострадать – глаза не увидят боли, а ум не найдет причины»[2].

Новая журналистика помогала обществу вырабатывать другие формулы совести, веры, власти. Но главное место в идеологии любой системы занимают идеи, теории, интеллектуальные воззрения, включающие в себя социальные мифы, транслируемые и тиражируемые посредством образно-эмоциональных комплексов (печать, радио, телевидение). Но как марксистская теория идеологии, так и демократическая при этом не учитывали роли психологических факторов и эмоций. Именно они обеспечивают живучесть социальных мифов, предрассудков, архетипов, особенно в периоды социальных катаклизм.

Психологизация познания предполагает иррациональность чувств, эмоциональность жизни, мотивацию человеческого поведения, внутренние душевные коллизии. Социальная мифология переходного периода в своем активе имеет не только образно-эмоциональные комплексы, она тяготеет и к усложненной мотивировке. Причем чем иллюзорнее и отстраненнее миф, тем активнее работает мысль, раскручивающая его и придающая ему видимость истины. Люди одинаково не реагируют на определенные обстоятельства, мифы же держат их в повиновении. Когда удается незаметно внедрить их в сознание масс посредством масс-медиа, они обретают огромную силу. Индивидуально-психологические особенности оказывают влияние на те или иные ситуации. Поэтому социальная мифология в политическом процессе транзитного типа не только общественное, но и индивидуально-психологическое, личностное явление. Сейчас, когда происходит ломка тоталитарного мировоззрения, рождение новых демократических парадигм сознания, особенно четко просматривается общественное и индивидуальное. В любой идеологии мы находим набор вечных мифов, одних и тех же мыслительных конструкций и координат. Вопрос в том, во имя каких идеалов реализуется эта истина и как она соотносится с объективным ходом развития общества. Формирование мировоззрения в условиях демократического транзита идет достаточно хаотично, неосознанно и бессистемно. Пример это-

---

[1] Яковлев Е. В. Пресса равна общественному состоянию. Пресса в обществе. М. Изд-во Моск. шк. полит. исслед. 2000, стр. 258

[2] Васильев И. Служить или прислуживать. Советская Россия. 1996, 21 октября

го – влияние на массы изданий правительственного, оппозиционного толка: «Миф является неотъемлемой частью культуры в целом. Как мы видим, он постоянно рождается снова; каждая историческая перемена производит свою мифологию, которая, однако, только косвенно связана с историческим фактом. Миф является своего рода постоянным побочным продуктом: живой веры, которая нуждается в чудесах; социальных устоев, которые требуют прецедента; морального закона, который требует оправдания»[1].

Все массовые революционные движения спровоцированы подсознательным желанием каждого улучшить жизнь логикой мифа об этой лучшей жизни, поэтому мифотворчество и ритуал бессмертны, но выступают в разных ипостасях относительно того или иного общественного строя. Нестабильность демократической идеологии, плюрализм, политизация масс-медиа, медиатизация политики, изменение соотношения: государство и СМИ, создание коммерческих СМИ и формирование российского рынка рекламы также способствуют усилению мифологизации и ритуализации. Общество, освобожденное от идеологических догм и зашоренности, внесло свои коррективы в мифотворческий процесс. Он выступает в парном качестве (герой – антигерой). Сошлемся на примеры «президентской риторики» Б. Ельцина в СМИ, под которой современные исследователи подразумевают приемы мифологизации его личности. Здесь мифы «доступности», «отца нации», «гибкости и активности», «феноменального здоровья», «простецкого мужика» и т. д. Но герой конца 80-х – начала 90-х годов Б. Ельцин к середине 90-х годов уже выступает в роли антигероя. На карикатурах зарубежных газет первое лицо России редко изображалось без бутылки. Общественность начинает критически присматриваться к чрезмерностям внешней ритуальной стороны явлений президента народу. Отмечалось, что он в последнее время неохотно шел на контакт с аудиторией, с прессой. В этой связи постоянно возобновлялась тема здоровья президента, манипулирование им при принятии решений. Программа Александра Политковского «Политбюро» показала германские гастроли такими, какими их увидел западный мир с дирижером, снятым вблизи, с перекошенным лицом. В 1989 году наличие подобных эпизодов в жизни «героя» опровергалось, объяснялось происками КГБ, коммунистов, красно-коричневых. Скандал, разразившийся после публикации в газете «Правда» статьи Витторио Дзуконы о визите Б. Н. Ельцина в США, стоил карьеры редактору газеты «Правда» В. Афанасьеву.

Но миф героя возрождался, в действие вводится пиаровский «феномен Джона Рокфеллера». Американская журналистка Ида Тарбелл опубликовала серию статей под общим названием «История «Стандарт Ойл Компани». Владельцем этой компании был не кто иной, как сам Джон Рокфеллер. Тарбелл подвергла уничижающей критике нечистоплотные методы конкурентной борьбы, а заодно «прошлась» и по самому нефтяному магнату. Вызванный статьями общественный резонанс был столь значителен, что репутация «живой легенды» оказалась серьезно подмоченной. Рокфеллер принял мудрое решение и тем самым «выпустил джинна PR из бутылки. Он нанял журналиста Айви Ли. Ли стал автором ряда статей, размещенных в известных газетах, которые были посвящены не предпринимателю Рокфеллеру, а Рокфеллеру – отцу семейства, примерному мужу и любящему папочке»[2].

«Феномен Д. Рокфеллера» использовался в ситуации с возвеличиванием и созиданием героя России – Б. Ельцина, вновь выдвигающего свою кандидатуру в президенты. Именно в этот период не удавалось даже собрать подписи за выдвижение Б. Ельцина кандидатом в президенты. Организационная беспомощность вылилась в то, что был дан приказ не выплачивать железнодорожникам зарплату, пока они не подпишутся в пользу Бориса Николаевича. После первого собрания в поддержку Ельцина, которое прошло в Екатеринбурге, куда пригласили региональных функционеров, Татьяне Дьяченко показали трехчасовую запись скучнейшего собрания в лучших традициях конца 70-х. Сказали

[1] Малиновский Б. Магия. Наука. Религия. М., REFL book. 1998, стр. 143

[2] Антипов К. В. Паблик рилейшинз. М., Дашков и К°. 2001, стр. 9

просто: «Вы видите, сколько здесь серых людей? С ними мы все проиграем»[1].

Тогда сентиментальная Россия посредством СМИ увидела в «Борисе» – отца многочисленного семейства, любящего мужа, добрейшего и справедливого дедушку, добропорядочного гражданина, энергичного делового человека[2].

[1] Будберг А. Время стучит: Т.Б.Д. // Московский комсомолец. 1998, 22–9 января

[2] Чикин М. Катя, внучка президента Ельцина, – о дедушке из Парижа // Комсомольская правда. 1998, 14 января; Будберг А. Время стучит: Т.Б.Д. // Московский комсомолец. 1998, 22–29 января; Хинштейн А. Династия // Там же – 1998, 5–12 февраля и др. Например, «Последние месяцы дедушка живет на даче практически постоянно. На Осенней появляется все реже и реже. Последний раз я его видела 10 октября, когда мне исполнилось 18 лет. Он мне сделал прекрасный подарок: красную маленькую машину. Осталось только научиться водить. Бабушка произнесла по случаю несколько слов, а он свою очередь пропустил, сказав, что поговорит со мной позже. Он вообще не любит публичных проявлений чувств и предпочитает встречаться с глазу на глаз. Когда мы с ним остаемся вдвоем, то говорим об учебе, о моем друге. Он никогда не осуждает. Дедушка уважает мое мнение. Не знаю, как там в политике, а с близкими дедушка ведет себя очень дипломатично. Он очень четко интуитивно чувствует обстановку и всегда знает, когда надо что-либо сказать, а когда молчать. Мне нередко хочется повидаться с ним и поговорить, даже не о совсем приятных вещах. Когда я с ним, мне передается его огромная сила» – Чикин М. Катя, внучка президента Ельцина, – о дедушке из Парижа // Комсомольская правда. 1998, 14 января

Масс-медийные каналы периода 80–90-х годов после «верных помощников партии», ее подручных стали называться «творцами миражей», «созидателями политических символик», «социальных мифов», «предумышленных иллюзий», «вуалью и маской». В связи с этим «по отношению к своему классу идеология предстает в качестве бессознательной вуали, искажающей образ социальной реакции внутри класса и сублимирующей его интересы. По отношению к другим классам идеология представляет собой конспиративную маску, сознательно используемую господствующим классом для обмана»[3].

Мифические волны масс-медиа 80–90-х годов декларировали свободу создания свободного общества свободных людей. Но уже к концу 90-х эта идея прошла разные стадии, использовалась различными политическими силами и представителями каждой партии по-своему. Содержание идей каждый раз конкретизировалось в зависимости от тех социальных условий, в которых она использовалась, так как идеологические представления коренятся в глубинах человеческого подсознания.

[3] Гуревич П. С. Социальная мифология. М., Мысль. 1983, стр. 110

Сергей КОМУТКОВ

ОТ ЕДИНОВЛАСТИЯ К РАЗДЕЛЕНИЮ ВЛАСТЕЙ

Монополизация государственной власти, проникновение ее во все сферы общественной жизни зачастую выдается за усиление власти, утверждение ее стабильности. Однако монополизация государственной власти, ее чрезмерная концентрация в руках одного человека отрицательно сказываются не только на жизни общества, но и не способствуют самой власти, ее органам эффективно управлять общественной и государственной жизнью.

Политическая история второй половины XX века характерна повсеместным отходом от авторитарных и утверждением демократических норм в реализации государственной власти. Мировой опыт убедительно подтвердил, что важнейшим условием успешного функционирования государственной власти является реализация принципа разделения властей.

По мнению многих ученых, разделение властей – это властно-правовая доктрина и конституциональный принцип, лежащий в основе организации системы государственной власти демократического государства. Три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная должны быть самостоятельными и независимыми. Реализация данного принципа предполагает обеспечение сбалансированности полномочий, исключение сосредоточения всех полномочий или их большей части в ведении одного органа либо должностного лица. При этом соблюдается непреложное правило, согласно которому три ветви власти не должны быть полностью разобщены или напротив – соединены под единым началом. Это позволяет каждой из властей эффективно осуществлять свои полномочия для обеспечения интересов личности, народа, а также социального прогресса общества.

Подчеркивая эту мысль, Л. А. Тихомиров в своей работе «Монархическая государственность» (1904 г.) отмечал: «Проявление государственной власти может быть трояким: 1) законодательное, 2) судебное, 3) исполнительное.

Совершенно очевидно, что эти проявления власти выражают работу одной и той же силы. Если бы мы представили себе государство, в котором существуют три независимых власти, из которых одна постановляет законы, но бессильна заставить суд и администрацию придерживаться их, а другая судит, как ей вздумается, но бессильна отразить свой опыт на законодательстве и также бессильна заставить администрацию привести в исполнение свои наставления, то мы получили бы картину сумасшедшего дома. Ясно, что законодательная, судебная, исполнительная власть имеют смысл только как проявление одной и той же силы, которая в законодательстве устанавливает некоторую об-

КОМУТКОВ Сергей Владимирович – адъюнкт кафедры политологии Военного университета

щую норму, а в суде и администрации применяет ее к частным случаям и приводит в исполнение»[1].

Обращаясь к истокам становления государственной власти в России, необходимо отметить, что в начальном периоде своего существования в ней были заложены элементы разделения властей. На Руси в Суздальско-Владимирском, Новгородском, Псковском и других княжествах успешно функционировала достаточно цивилизованная для того времени государственная власть, отличающаяся демократическим положением различных сословий, равными политическими правами. Народное собрание древней и средневековой Руси ограничивало княжескую власть, решало вопросы войны и мира, принимало законы, заключало договоры с соседями, а при определенных условиях лишало князя права управления княжеством.

Обстоятельства изменились в результате татаро-монгольского нашествия. Варварское порабощение повлияло на порядок преемственности княжеской власти и поставило препоны участию народа в управлении делами общества. Вражда между князьями за великое княжение, поощряемая захватчиками, жажда русских князей получить ярлык на управление всеми русскими землями сформировала тип государственного руководителя, основными чертами которого были жажда власти, пренебрежение нуждами и чаяниями собственного народа. Такое положение сохранилось во все времена царствования семейства Романовых, хотя и были попытки частичной реализации разделения властей в ходе судебной реформы 1864 года, а затем в 1905 году учреждения представительного правления – Государственной думы. В царской России к теме разделения государственной власти обращались такие известные ученые, как В. С. Соловьев, П. Б. Струве, Л. А. Тихомиров, Б. Н. Чичерин, и многие другие.

В советский период в нашей стране принцип разделения властей не был воспринят. В. И. Ленин считал, что пролетариату для проведения в жизнь своих интересов требуется соединение принятия законов с осуществлением их исполнения, а принцип разделения властей присущ буржуазным государствам.

Неудивительно, что Россия при переходе от советской системы Советов пошла по пути разделения властей. В результате происшедших реформ за последнее десятилетие у российских ученых заметно повысился интерес к государственной власти в целом и к отдельным ее проблемам, в том числе и к реализации принципа разделения властей. В России появились серьезные исследования по этой тематике, в учебниках по политологии стали выделяться параграфы, посвященные данной проблеме. Как положительный фактор следует отметить, что сегодня мы имеем возможность исследовать богатое научное наследие и мировую практику реализации данного принципа для творческого применения в российской действительности.

Всего десятилетие назад научную литературу буквально захлестнули восторженные публикации по поводу провозглашения Конституцией РФ принципа разделения государственной власти. Сейчас мы наблюдаем противоположную картину. Все чаще слышны призывы к единству государственной власти.

На фоне различных оценок необходимо признать, что Конституция РФ внесла значительный вклад в реализацию принципа разделения властей. В статье 10 Конституции РФ закреплено, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебных властей самостоятельны. Но в то же время, по мнению ряда исследователей, принятая после октябрьских событий 1993 года новая Конституция РФ была приспособлена в первую очередь для юридического оформления и закрепления за президентом РФ широких полномочий, ограничения роли парламента и Конституционного суда, оказавшихся до этого в оппозиции к президенту.

Для того чтобы уменьшить роль и значение парламента в принятии государственных решений и влияние на внутреннюю и внешнюю политику, в 1993 году он был разделен, по сути дела, не только на две палаты, а на два самостоятельных учреждения, расположенных в разных местах. С этой же целью

[1] Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998, стр. 58

Совет Федерации был составлен из глав исполнительной и законодательной власти регионов, что привело к нарушению принципа разделения властей. В результате вес Совета Федерации стал таким большим, что он порой не соглашался с президентом (например, в вопросе об отстранении генерального прокурора), и понадобилась реорганизация 2000 г., чтобы уменьшить его значение. В результате этого еще больше усилилась власть президента РФ.

В сложившейся в России системе разделения властей важные функции выполняет президентская власть. В настоящее время институт президента РФ объединяет в себе полномочия не только главы государства, арбитра споров между властями различных видов и уровней, но и частично главы исполнительной власти. Президент РФ обладает полномочиями, которыми не обладают большинство высших должностных лиц наиболее развитых демократических государств. Например, в отличие от США президент имеет право распустить нижнюю палату парламента. В условиях угрозы роспуска парламента неутверждение трижды предложенной президентом кандидатуры председателя правительства (она может быть одной и той же, как подтвердил Конституционный суд) означает фактический роспуск Государственной думы и является таким образом самоубийственным шагом, на который Дума обычно не идет. Вместе с тем после декабрьских 2003 года выборов в Государственную думу руководство партии «Единая Россия», имеющее конституционное большинство голосов в нижней палате парламента, неоднократно заявляло о готовности поддержать любую кандидатуру, которую внесет президент РФ.

Президент России, хоть и не провозглашен главой исполнительной власти, тем не менее, формирует состав и контролирует деятельность правительства РФ, всей системы исполнительной власти. Президенту прямо подчинены и подотчетны ряд федеральных органов исполнительной власти, среди которых три важнейших федеральных министерства РФ: Министерство обороны, Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел. Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, осуществляет руководство внешней политикой, ведет переговоры, подписывает международные договоры и ратификационные грамоты, за ним закреплены многие чрезвычайные полномочия в области подбора и расстановки кадров на федеральном уровне. Круг его полномочий настолько обширен, что он фактически стоит над тремя основными ветвями власти: исполнительной, законодательной и судебной.

Однако позиция «над властями» не проводится Конституцией последовательно. Ряд конституционных полномочий, таких, как руководство внешней политикой, Вооруженными силами, определение направления внешней и внутренней политики, имеет исполнительский характер. Очевидно, что расширение деятельности президента в рамках исполнительной власти, например, издание Б. Ельциным президентских указов вместо постановлений правительства, как это имело место в 90-х гг., ущемляло самостоятельность правительства и вносило рассогласование в систему разделения властей. В существующей системе государственной власти пост председателя правительства становится «техническим» (как это сейчас принято называть). Обязанности премьер-министра сводятся к координации экономической политики, в то время как ключевые министры – например, министр обороны, министр иностранных дел и другие «силовики» – отчитываются непосредственно перед президентом РФ.

В этих условиях президент постоянно балансирует между двумя позициями: «ограничительной», когда президент не дублирует деятельность правительства, лишь контролируя его, и «расширительной», когда президент становится по сути и главой исполнительной власти, не неся вместе с тем юридической и политической ответственности за неуспех правительственной политики. Во втором случае деятельность правительства становилась одной из функций президентской администрации. Вторая тенденция нашла свое яркое подтверждение после назначения председателем правительства М. Фрадкова, в результате чего многие наблюдатели замечают, что роль правительства РФ сводится исключительно к исполнению воли президента.

По мнению большинства государствоведов и политологов, в условиях суперпрезидентской республики происходит усиление властных функций правительства, формируемого президентом, и ослабление власти парламента. В современной России к этому еще же добавляется и внепартийность президента В. Путина, который выступает в роли арбитра и наблюдателя, а правительство получает возможность в зависимости от политической конъюнктуры играть роль джокера в парламентской партийной колоде. Поэтому ведущей политической силой в современной России, властвующей элитой, реальной «партией власти» является высшая государственная бюрократия в лице администрации президента и правительства. Согласно оценкам зарубежных экспертов от 60 до 70% всех важных политических решений готовится и моделируется в администрации президента РФ[1]. Вместе с тем деятельность администрации президента как государственного органа не урегулирована законодательно, ее полномочия законодательно не определены, ответственность неясна.

Следует отметить тот факт, что в соответствии с Конституцией законотворческая деятельность Государственной думы РФ испытывает ряд ограничений, связанных со следующими обстоятельствами:

– необходимость положительного заключения правительства РФ при принятии законов, изменяющих что-либо в экономической и финансовой системе страны, в том числе и статей бюджета;

– право президента наложить вето на принятый закон, которое возможно преодолеть лишь виртуально, а практически, при учете реального расклада политических сил в Государственной думе весьма затруднительно.

Выводы о самостоятельности и независимости законодательной ветви власти в Российской Федерации можно сделать на основе следующих статистических данных, отражающих соотношение принятых Государственной думой законопроектов, внесенных различными субъектами законодательной инициативы.

Таблица № 1

Соотношение внесенных законопроектов и принятых законов Государственной думой РФ третьего созыва (1999–2003 гг.)

Внесено всего 2125 законопроектов (в %)	Вступил в силу 771 закон (в %)
От правительства – 8%	41%
От депутатов – 50%	28%
От президента – 3%	18%
От законодательных органов субъектов РФ – 31%	9%
От членов Совета Федерации – 6%	2%
От Совета Федерации – 1%	1%
От судов – 1%	1%

Как видно из приведенных цифр, от числа внесенных законопроектов президентские и правительственные составляют 11%, в числе принятых – 59%. Такая диспропорция наряду со слабой проработанностью вносимых законопроектов со стороны депутатов показывает безусловное доминирование исполнительной власти над законодательной. В России сложился своего рода политический нонсенс: в отличие от развитых стран у нас правительство не парламентского большинства, а в парламенте преобладает правительственное большинство. Достаточно вспомнить принятие Государственной думой РФ бюджета страны на 2004 год, в который при утверждении правительственного варианта не было внесено ни одного изменения.

Слабое влияние законодателей проявляется и в реализации военной политики. Парламент недостаточно контролирует направленность доктрины национальной безопасности и военной доктрины. Предлагаемый ежегодно правительством военный бюджет носит закрытый характер, не раскрывает сути и содержания многих его статей. Приходится констатировать, что в условиях, когда парламент является не более чем декорацией, призванной придать демократический облик системе государственной власти, инструменты парламентского контроля имеют сугубо формальный характер и, как правило, закрепляют президентские механизмы контроля над Вооруженными силами.

---

[1] Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации. Перевод с немецкого: Отв. ред. В. П. Любин. М., ИНИОН РАН, 2002, стр. 62

Анализируя сложившуюся систему государственной власти, российские эксперты отмечают наличие реальных и мнимых центров власти. Упорное стремление скрыть от посторонних глаз реальные механизмы государственной власти, подчас прикрываясь ширмой официальных структур, превращают последние в послушных проводников решений, принятых узкой группой лиц. Иначе говоря, всю систему государственной власти России последовательно и небезуспешно пытаются сделать исключительно «исполнительной», лишь обеспечивающей проведение в жизнь разработанных концепций.

Связав руки парламенту как естественному противовесу бюрократии, президент РФ не получил больше власти. Он получил гораздо меньшую власть, потому что оказался беззащитным перед лицом этой самой бюрократии. Он не имеет реальных механизмов для того, чтобы эту бюрократию контролировать. На самом деле на нынешней стадии при огромном бюрократическом аппарате, при сложнейшем характере вопросов, которые приходится решать государственной власти, это сильно ограничивает власть самого президента.

В сложившейся системе государственной власти в связи с этим наиболее заметно проявляются следующие проблемы: во-первых, в России не сложилась четкая и работающая система разделения властей, необходимых сдержек и противовесов. Во-вторых, утвердившаяся в Российской Федерации модель, если и не расчищает дорогу для превращения института президента в режим личной власти, не подконтрольной народу и способной полностью игнорировать иные ветви государственной власти РФ, то во всяком случае и не содержит гарантий против этой угрозы. Более того, как показала практика президентства Б. Ельцина, при возникновении физических и психических заболеваний высшего должностного лица власть неизбежно приобретает клановый характер. На вершинах властной пирамиды оказываются люди, чьи полномочия не санкционированы демократическими процедурами.

Представляется, что государственная власть в России сегодня осуществляется не на основе сбалансированной системы сдержек и противовесов, а все более заметно смещается в сторону исполнительной власти. Особая роль в этом процессе смещения принадлежит действующему главе государства. Это приводит к чрезмерной концентрации власти в руках одного должностного лица или одной политической силы. Не случайно во время вступления в должность на второй президентский срок В. Путин отметил, что «успех и процветание России не могут и не должны зависеть от одного человека или одной политической партии, одной политической силы»[1].

Исследуя мировой опыт реализации принципа разделения властей в государствах с президентской формой правления, многие ученые отмечают, что российская модель сопоставима с моделями, распространенными в государствах Латинской Америки, где конституции провозглашают принцип разделения властей, но на практике президент и правительство по отношению к другим государственным органам занимают привилегированное положение, где ослаблены прерогативы парламентских и судебных учреждений.

Президент в этих странах либо совмещает пост главы государства и главы правительства, либо полностью доминирует как над правительством, так и над парламентом. Он является Верховным главнокомандующим Вооруженными силами, играющими решающую роль в политической жизни латиноамериканских государств. Президент, как правило, обладает чрезвычайно широкими полномочиями, избирается прямым голосованием граждан. Там нередко отсутствует пост вице-президента. Часто президент имеет право осуществлять прямое вмешательство в дела штатов или провинций и под предлогом «обеспечения» общественного порядка отстранять от власти местное руководство, назначать там своего представителя, приостанавливать действие местного законодательства, вводить чрезвычайное положение. В доброй половине этих государств он обладает исключительным правом созыва конгресса на специальные сессии, путем направления в конгресс специальных посланий активно воздействует на законо-

[1] Речь В. Путина на инаугурации. Российская газета. 8 мая 2004 г., стр. 3

дательный процесс, может наложить вето на законопроект, принятый конгрессом и направленный ему на подпись.

Важной стороной, помимо горизонтального разделения властей, является формирование вертикальной системы властных отношений. Главное в этой системе – обоснованное и организационно обеспеченное число промежуточных звеньев при осуществлении властных отношений. Особо актуальна эта проблема для России, в составе которой 89 субъектов Федерации с различным статусом, особыми договорами о разграничении полномочий и другими отличиями. Не случайно одним из первых указов президент В. Путин в мае 2000 года сформировал властную вертикаль в виде 7 федеральных округов со своими полномочными представителями. Как показала практика, это звено в системе государственного управления проявило больше эффективности, чем существовавшие до этого представители президента РФ в каждом из 89 субъектов Российской Федерации.

Наиболее остро в вертикальной системе властных отношений стоит проблема развития местного самоуправления. Для развития власти необходимо деятельное местное самоуправление, растущее снизу вверх и обеспеченное местными финансовыми средствами. В этой связи глава 8 Конституции РФ определяет широкие возможности местного самоуправления по определению структуры своих органов, управлению муниципальной собственностью, установлению местных налогов и сборов, управлению бюджетом и иных проблем местного значения. Вместо этого сегодня в России мы имеем засилье чиновников. По данным Госкомстата РФ, число чиновников в России в 2000 году достигло почти 3 миллионов человек, а после «реструктуризации» органов власти их число уменьшилось в 2003 году до 1 884 300 человек.

Да, в России еще около четверти субъектов Федерации являются дотационными, и местные бюджеты формируются за счет субсидий центра, но даже на таких «сверхдоходных» территориях, как, к примеру, город Москва, при наличии высокообразованного и политически активного населения роль местного самоуправления очень низка. Назначение всех руководителей исполнительной власти в административных округах и районных управах производится мэром города без учета мнения жителей, органов местного самоуправления и представителей законодательной ветви власти.

С учетом имеющихся проблем в развитии местного самоуправления необходимо законодательно закрепить разграничение доходных полномочий между субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления, определить, за исполнение каких функций и за предоставление каких публичных услуг они отвечают. А также из каких источников они их будут финансировать.

Функционирование государственной власти в России осуществляется под воздействием вполне определенных традиций. На ее формирование влияют инерция прежних властных отношений и методология принятия государственных решений. К сожалению, в ход идут прежние формы и методы, присущие авторитарным методам правления. Во многом этому способствует и неразвитость федерального законодательства, в особенности несовершенство той его части, которая непосредственно направлена на реализацию принципа разделения властей. Представляется, что именно это обстоятельство отражает важнейшее противоречие, являющееся источником серьезных проблем развития российской государственности и демократического содержания политического режима. Оно проявляется в несоответствии между российским историческим традиционным обликом власти (самодержавием или автократическим) и введением принципа разделения власти в современную политическую жизнь, а также между зарубежными моделями реализации данного принципа и практикой его воплощения в нынешней России.

В то же время необходимо отметить, что, несмотря на существующие издержки, система государственной власти, существующая в Российской Федерации, не менее демократична, чем иные президентские системы, и предполагает в дальнейшем возможность внесения изменений в Конституцию, уменьшающих полновластие президента. Но для того чтобы система государственной власти была действенной, необходимы подлинные, эффективные политические партии, развитое гражданское общество, а также соответствующая политическая культу-

ра, которых пока нет в современной России. Проводимая на федеральном уровне политическая трансформация, направленная на реализацию принципа разделения властей, покоится на зыбком фундаменте, что подвергает все выстроенное здание постоянному риску. Февральский 2004 года опрос ВЦИОМа показал, что 73 процента жителей России считают приемлемой и необходимой ситуацию, когда Государственная дума подконтрольна президенту и его администрации. Не случайно многие западные политики и ученые выражают обеспокоенность по поводу того, что в начале XXI века в России происходит реставрация и в руках одного человека – президента – сосредотачивается вся власть.

Слабость и весьма низкая эффективность российской модели разделения властей, а также почти полное отсутствие в России научно обоснованных, учитывающих отечественную специфику и мировой опыт программ системного реформирования государственной власти делают необходимой разработку такой ее модели, которая отвечает требованиям демократии, гуманизма и эффективности. Одним из шагов в восстановлении баланса государственной власти была бы передача части властных полномочий, принадлежащих президенту, правительству и Государственной думе РФ.

Только имея надежное и верно сбалансированное разделение властей между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти, глава государства как высший арбитр будет иметь ограниченное влияние на каждую из них. Вот перекос, который существует в нашей системе государственной власти и который в силу многовековых традиций российского государства позволяет сосредотачивать власть в руках главы государства и исполнительной власти.

При этом необходимо отметить, что в ряду факторов, позитивно влияющих на перспективы реализации принципа разделения властей, является то, что российское общество становится все более «психологически раскрепощенным», «открытым». Оно все более способно осознать противоречие между провозглашенными и в значительной мере даже принятыми и усвоенными демократическими принципами и реальностью нашей системы государственной власти – фактической независимостью от него власти и имитационным характером разделения государственной власти.

Безусловно, решить в короткий срок те многочисленные проблемы, которые ставят в повестку дня российская история и действительность, очень сложно. Этим во многом и объясняется сложность процесса эволюции системы государственной власти от единовластия к разделению властей. Но тем более недопустимо замалчивать данную проблему и не делать попыток повернуть вектор государственного развития в сторону независимости и самостоятельности различных ветвей власти. В противном случае процесс концентрации государственной власти в лице президента РФ или исполнительной власти может поставить под угрозу демократическое развитие российского общества.

Владимир МУСТАФИН

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ВЫБОРАХ

Применение федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации», «О выборах президента Российской Федерации», регионального законодательства в ходе избирательных кампаний, проведенных в 2002–2004 гг. в целом подтвердило их соответствие уровню существующих в обществе отношений. В то же время динамичное развитие отраслей права, обусловленное проводящейся в Российской Федерации реформой местного самоуправления, административной реформой, а также развитие общественных отношений в сфере функционирования партийно-политической системы диктуют необходимость совершенствования избирательного законодательства. В данной статье проблемы совершенствования электорального законодательства рассматриваются с точки зрения практического работника региональной избирательной комиссии.

Начиная разговор об электоральном законодательстве, невозможно обойти вниманием внесенный 28 сентября в Госдуму президентом России проект федерального закона «О внесении изменений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Основная суть законопроекта – переход от прямых выборов глав регионов Российской Федерации к наделению высшего должностного лица субъекта РФ по представлению президента РФ соответствующими полномочиями законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ. Сегодня это – самая обсуждаемая тема. Сложилось два противоположных мнения, которые имеют право на существование – одни говорят, что подобный шаг – это единственно правильный путь к повышению уровня управляемости государством, роли и ответственности законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, другие – что предлагаемый президентом новый порядок избрания губернаторов противоречит Конституции и недемократичен, что так называемая губернаторская реформа, с точки зрения перспектив демократического процесса, будет шагом назад.

По нашему мнению, в законопроекте есть ответы на подобные суждения. Если следовать тому, как понимаются выборы по закону об основных гарантиях избирательных прав граждан, то в прямом смысле слова новая система представления и утверждения губернаторов – это не выборы, однако говорить о том, что губернаторы будут назначаться, тоже не верно. По нашему мнению, пред-

МУСТАФИН Владимир Яковлевич – к. ю. н., председатель избирательной комиссии Саратовской области

лагается иная форма выборов, так как в данном случае выбор осуществляет законодательный орган субъекта, которому предшествует процедура представления, обсуждения кандидата, и только затем уже – голосование по представленной кандидатуре. А при осуществлении голосования могут быть разные решения, в том числе и не в пользу представленной кандидатуры. На наш взгляд, в данном процессе не ограничиваются демократические достижения и права граждан России, они будут участвовать в утверждении губернаторов через своих избранных представителей – депутатов законодательного органа субъекта.

Некоторые оппоненты проводят аналогию между президентским законопроектом и ситуацией в Алтайском крае, где было принято решение о проведении выборов губернатора местным парламентом. Конституционный суд Российской Федерации признал тогда нелегитимность выборов. Но, во-первых, принимая свое определение, Конституционный суд рассматривал целый ряд положений Устава края, которые по совокупности достаточно существенно ограничивали полномочия главы исполнительной власти. Во-вторых, сегодня речь идет не о частных случаях применения действующего законодательства, а о введении новой и причем единой системы выборов руководителей регионов в стране. В-третьих, Конституция Российской Федерации не регулирует порядок избрания региональных руководителей. Должен быть законный, правовой способ урегулирования коллизий с учетом всего законодательного массива и, естественно, с учетом постановлений Конституционного суда. Идея непрямого избрания глав регионов – отступление от идеальной формы демократических выборов. Но говорить, что она противоречит положениям действующей Конституции, оснований нет.

Далее хотелось бы остановиться на некоторых конкретных предложениях, связанных с совершенствованием законодательства о выборах. Они являются обобщением практики работы избирательной комиссии Саратовской области за последние три года. Данные предложения на первый взгляд могут показаться совершенно незначительными на фоне тех изменений, о которых шла речь выше, но в сумме они позволят повысить качество подготовки и проведения избирательных кампаний.

Особого рассмотрения, на наш взгляд, требуют вопросы выполнения избирательными комиссиями функций контроля за соблюдением участниками выборов избирательных прав и права на участие в референдуме граждан России. Следует закрепить возможность вынесения предупреждения избирательной комиссией по ее собственной инициативе при обнаружении нарушений закона, а не только в качестве реакции на правонарушение, обнаруженное при рассмотрении поступивших обращений, обязательность обнародования информации о вынесении предупреждения, а также предусмотреть, что после двукратного вынесения предупреждения комиссия вправе не своим решением, а посредством обращения в суд инициировать отмену регистрации кандидата или другой вариант – после вынесения одного предупреждения и составления протокола об административном правонарушении (и привлечения к административной ответственности) избирательная комиссия будет вправе обратиться в суд с требованием отменить регистрацию кандидата. А пока получается, что в федеральном законе существует достаточное количество норм, которые нарушаются, причем неоднократно, недисциплинированными участниками избирательного процесса. Но не всегда санкции, предусмотренные за правонарушение, являются ему адекватными.

Еще одно предложение связано со снижением допустимого процента недействительных подписей при выдвижении кандидатов на муниципальных выборах. При ограниченном числе избирателей в округах (это число в большинстве муниципальных образований будет колебаться от 100–150 до нескольких сотен человек) при выдвижении кандидатов по подписям избирателей каждая подпись будет иметь буквально решающее значение при регистрации. Ведь количество подписей, необходимых для регистрации, чрезвычайно мало: 2 процента от 150 избирателей – это всего лишь 3 подписи, и недостоверность любой из них уже чревата отказом в регистрации.

В записке ЦИКа России «О практике проведения федеральных выборов, выборов в органы государственной власти

субъектов Российской Федерации в 2002–2004 годах» предлагается уменьшить допустимый процент недостоверных и недействительных подписей с 25 до 5 процентов, а также представлять в избирательную комиссию список сборщиков подписей с их собственными подписями, нотариально заверенными. Мы считаем, что снижение допустимого процента недостоверных подписей – абсолютно верный шаг, тем более, если говорить о выборах в органы местного самоуправления. Это, безусловно, повысит ответственность кандидатов и инициативных групп по их выдвижению за итоги сбора подписей, что должно быть отражено в законах субъектов Российской Федерации о выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления и референдумах. В то же время, нотариальное заверение подписей сборщиков подписей и сведений о них гарантией качества собранных подписей напрямую стать не сможет, так как в законодательстве о выборах и референдумах отсутствует и не может существовать норма ответственности этих лиц за итоги сбора подписей, которая в соответствии с нормами гражданского права находится в плоскости взаимоотношений кандидата и сборщиков подписей.

В пункте 9 статьи 48 федерального закона «Об основных гарантиях...» говорится о правилах использования в агитационных материалах ссылок на положительное высказывание о кандидате, избирательном объединении, избирательном блоке физического лица, не имеющего в соответствии с настоящим федеральным законом права на проведение предвыборной агитации. Но почему речь идет только о положительных высказываниях, ведь пункт 1 статьи 48 прямо указывает на то, что под агитацией подразумевается в том числе «деятельность, способствующая созданию положительного или отрицательного отношения избирателей к кандидату...», а также «призывы голосовать за или против кандидата «списка кандидатов». В этой связи предлагаем в пункте 9 статьи 48 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» слова «на положительное» заменить словами «как на положительное, так и на отрицательное», так как под предвыборной агитацией понимаются призывы голосовать как за, так и против кандидата, соответственно как положительные, так и отрицательные высказывания физического лица о кандидате могут сформировать как положительное, так и отрицательное мнение и повлиять на волеизъявление граждан.

В пункте 3 статьи 54 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» констатируется, что «Экземпляры печатных агитационных материалов или их копии, экземпляры аудиовизуальных агитационных материалов, фотографии иных агитационных материалов до начала их распространения должны быть представлены кандидатом, избирательным объединением, избирательным блоком... в соответствующую избирательную комиссию...» Зачастую текст этой статьи понимается буквально, отсюда возникают требования о том, чтобы кандидат лично предоставлял указанные документы в комиссию, другие понимают иначе смысл и содержание данной нормы.

В связи с вышеизложенным мы считаем, что пункт 3 статьи 54 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» необходимо дополнить указанием конкретных лиц (доверенных лиц, уполномоченных представителей по финансовым вопросам), которые имеют право от имени зарегистрированного кандидата, политической партии, избирательного блока представлять в избирательные комиссии экземпляры агитационных материалов.

Считаем целесообразным также установить законом возможность опубликования данных, содержащихся в протоколах окружных, территориальных, участковых избирательных комиссий в специальных периодических печатных изданиях (например, в Вестниках избирательных комиссий субъектов Российской Федерации), передаваемых затем в общедоступное пользование, так как есть проблемы с опубликованием данных в периодических печатных изданиях ввиду большого объема материала. Либо четко установить, за счет какого бюджета осуществляется опубликование.

На наш взгляд, необходимы определенные изменения в статьи, регулирующие порядок финансирования избирательных кампаний. В соответствии с пунктом 9 статьи 59 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» к итоговому финансовому отчету прилагаются первичные финансовые документы, подтверждающие поступление и расходование средств избирательного фонда кандидата, избирательного объединения, избирательного блока. В настоящее время в федеральном законе нет перечня первичных финансовых документов, представляемых кандидатом, политической партией, избирательным блоком, в связи с чем целесообразно было бы закрепить его законодательно, либо подзаконным актом (постановлением).

Сегодня существует двоякое понимание пункта 17 статьи 29 федерального закона «Об основных гарантиях...», в соответствии с которым за членом комиссии с правом решающего голоса, освобожденным на период подготовки и проведения выборов, референдума от основной работы, сохраняется основное место работы (должность) и выплачивается компенсация за период, в течение которого он был освобожден от основной работы. У Министерства труда и социального развития Российской Федерации существует мнение, что законодатель не предусмотрел дополнительной оплаты труда (вознаграждения) для таких членов комиссии. Поэтому в данный пункт закона должны быть внесены соответствующие уточнения. Для исключения возможности такой трактовки текста закона предлагаем второе предложение пункта 17 статьи 29 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» изложить в следующей редакции: «За членом комиссии с правом решающего голоса, освобожденным на основании представления комиссии от основной работы на период подготовки и проведения выборов, референдума, сохраняется основное место работы (должность) и ему выплачивается средний заработок по месту основной работы, а также дополнительная оплата труда за период, в течение которого он был освобожден от основной работы», и внести соответствующие поправки в федеральные законы «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» и «О выборах президента Российской Федерации». Как нам известно, в таком уточнении закона заинтересовано большинство субъектов Российской Федерации.

Очень много возникает вопросов с подсчетом голосов избирателей на избирательных участках в день голосования. Мы считаем, что влияние человеческого фактора при подсчете голосов избирателей необходимо минимизировать. В этой связи ЦИК России в скором времени наряду с применением КОИБов начнет новый эксперимент – использование электронно-сенсорных устройств для голосования. В настоящее время ведутся консультации по внедрению кода избирателя, который, возможно, появится в паспортах нового образца.

Актуальной проблемой остается вопрос минимизации нарушений законодательства при установлении итогов голосования в участковых и территориальных комиссиях. Следует уточнить процедуру повторного ввода протоколов участковых комиссий об итогах голосования в ГАС «Выборы», предусмотрев, что такой ввод возможен по мотивированному решению территориальной комиссии, в том числе в случае, если повторный ввод обусловлен составлением участковой комиссией повторного протокола об итогах голосования.

Определенные коллизии по поводу правового статуса избирательных комиссий муниципальных образований возникают с принятием федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» исходит из того, что эти комиссии являются прежде всего элементами избирательной системы Российской Федерации. А федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» фактически рассматривает избирательные комиссии муниципальных образований как орган местного самоуправления, поместив статью 39 об избирательных комиссиях муниципальных образований в главу 6

«Органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления». В связи с этим и с учетом того, что закрепленные в настоящее время в законодательстве о выборах соответствующие нормы положительно зарекомендовали себя на практике, следует вновь проработать вопросы, связанные с участием избирательных комиссий субъектов Российской Федерации в формировании избирательных комиссий муниципальных образований, а также вопросы возложения их полномочий на территориальные комиссии (и наоборот), вопросов обжалования решений избирательных комиссий муниципальных образований в избирательные комиссии субъектов Российской Федерации. Кроме того, в связи с введением двухуровневой системы местного самоуправления необходимо уточнить положение избирательных комиссий муниципальных образований каждого из уровней в системе избирательных комиссий Российской Федерации.

Все перечисленные предложения были сформулированы как результат обобщения электоральной практики в Саратовской области, но обсуждение с коллегами из других регионов позволяет считать их актуальными и для других субъектов Федерации.

Формирование демократической политической системы в современной России и послевоенной Германии – важнейший фактор успешной модернизации государственной и общественной жизни

Уважаемый читатель!

Доброй традицией для политологического сообщества становится публикация в нашем журнале итогов работы «круглых столов» по актуальнейшим проблемам общественно-политической жизни, проводимых в России в соответствии с планом сотрудничества между Финансовой академией при правительстве Российской Федерации и представительством Фонда им. Фридриха Эберта (ФРГ). 6–7 октября 2004 г. в Москве был проведен очередной (второй) российско-германский «круглый стол», на котором более 40 специалистов в различных областях знаний – политологии, права, социологии, истории, экономики – совместно с коллегами из ФРГ при финансовом и организационном содействии Фонда им. Фридриха Эберта провели углубленное обсуждение проблем, связанных с формированием демократической политической системы в современной России и послевоенной Германии.

Участники «круглого стола» поставили перед собой цель провести исследование и научное обсуждение состояния существующих политической и партийной систем, государственного и федеративного строительства в сегодняшней России; выявить характер, этапы и тенденции модернизации действующих политической и партийной систем, реформирования государственного и федеративного устройства в современной России на основе сравнения исторического опыта трансформаций российских политической и партийной систем, государственного и федеративного строительства с идентичным международным опытом, в частности опытом ФРГ.

В работе «круглого стола», помимо ученых, приняли участие представители Государственной думы РФ и МИДа ФРГ.

В течение двух дней на «круглом столе» в соответствии с программой выступили 27 ученых-специалистов, включая ректора Финансовой академии при правительстве РФ, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д. э. н., проф. Грязнову А. Г., обратившуюся к участникам со вступительным словом, и главу представительства Фонда им. Эберта в РФ, доктора политологии Маттеса Бубе. Доклады и выступления сопровождались оживленной дискуссией, которая не только свидетельствовала о высоком интересе к теме, но и способствовала плодотворной работе форума.

В рамках научного мероприятия была проведена презентация книги «Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии», изданной по результатам первого российско-германского «круглого стола». В этой связи, очевидно, складывается еще одна добрая традиция – полный вариант материалов второго «круглого стола» также предполагается издать весной-летом 2005 г. отдельным сборником.

Основные результаты исследований и дискуссии (краткие варианты выступлений) на «круглом столе», учитывая актуальность его темы, редакция журнала «Власть», опираясь на финансовую поддержку Фонда им. Фридриха Эберта, приняла решение опубликовать в первых двух номерах 2005 года.

С удовольствием сообщаем нашим читателям, что участниками форума было решено продолжить исследования в данном направлении, а Фондом им. Фридриха Эберта и Финансовой академией при правительстве РФ – плодотворное сотрудничество, и 6–7 октября 2005 г. провести очередной (третий) «круглый стол», посвятив его теме «Парламентаризм в России и Германии». Приглашаем к сотрудничеству!

Редакция

Грязнова А. Г.,
д. э. н., заслуженный деятель науки РФ, профессор,
ректор Финансовой академии при правительстве РФ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ОТКРЫТИИ ЗАСЕДАНИЙ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА»

Уважаемые коллеги, участники заседания российско-германского «круглого стола»!

Приветствуя вас в стенах Финансовой академии, я прежде всего от всей души желаю вам успеха в поиске ответов на те непростые вопросы, которые вы определили для себя в связи с обсуждаемой темой. Надо полагать, что за этим столом речь пойдет не только об общих проблемах формирования демократической политической системы в современной России и послевоенной Германии, но и конкретных ее аспектах: о реформировании государственного устройства, поиске нового содержания федерализма, о взаимодействии партий и партийных систем с государственным механизмом и т. д. Важным представляется и то, что рассмотрение этих проблем вы собираетесь провести через призму модернизации государственной и общественной жизни. Все это очень сложные вопросы и найти на них адекватные, глубоко обоснованные ответы будет, разумеется, нелегко. Но прежде чем высказать некоторые соображения по сформулированным проблемам, которые прошу считать не более чем моими размышлениями по поводу обсуждаемой темы, я хотела бы ненадолго отвлечься от основной темы и отметить следующее.

Это уже второй российско-германский «круглый стол», проводимый в нашей академии при организационном и финансовом содействии Фонда им. Фридриха Эберта (ФРГ) по политологической тематике. Прошлогодний «круглый стол» был посвящен теме «Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии». Углубленное обсуждение проблемы партийного строительства в нашей стране и Германии позволило не только более основательно уяснить ситуацию в обеих странах, но и издать на базе ваших докладов и выступлений разнообразные материалы (обзоры, статьи и пр.) и что особенно важно – добротную книгу[1], презентация которой состоится в этом зале сегодня.

«Круглый стол» этого года можно обоснованно считать продолжением прошлогоднего. Прежде всего потому, что его содержание прямо связано с прошлогодней темой. Эта связь проявляется хотя бы в том, что в демократических странах партии и партийные системы играют исключительно важную роль в политической жизни, в организации эффективной работы всей политической системы.

Кроме того, нельзя не упомянуть также о том, о чем уже шла речь во время посещения нашей академии федеральным канцлером Германии господином Герхардом Шредером 8 июля 2004 года: все эти события происходят во время германского года культуры в России.

Теперь позвольте высказать несколько идей или, как я уже сказала, размышлений, непосредственно относящихся к теме данного «круглого стола».

Первое из этих размышлений связано, разумеется, с актуальностью самой темы, с тем, почему именно сейчас возникла необходимость обсуждения проблемы формирования новой, демократической политической системы в России?

На самом деле, конечно же, этот вопрос был крайне острым в нашей стране еще в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, когда разрушалась прежняя – советско-коммунистическая политическая система и когда на ее месте воздвигалась новая система. Эта система была для нас в то время действительно принципиально новой: новый институт выборов, основанный на свободной конкуренции кандидатов на выборные посты; многопартийность и многопартийный парламент в

---

[1] Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М., Ростов-на-Дону: изд-во СКАГС, 2004 г. (Эту книгу наш журнал представлял в № 10 за 2004 г.)

центре и соответствующие законодательные собрания на местах; избранные на альтернативной основе главы федеральной и региональной исполнительной власти; глубокая реформа федеративных отношений, взаимоотношений между центром и субъектами; радикальная административная реформа и многое другое – все это теперь хорошо нам известно. Но тогда, во времена перестройки и первые постперестроечные годы это было если не революцией в политической системе, то по крайней мере ее предтечей, приведшей впоследствии к полному разрушению прежнего политического уклада. Казалось бы, новая политическая система (демократическая по сути) была уже создана, и дело было за малым – совершенствовать ее и развивать.

Почему же в таком случае потребовалось снова перестраивать то, что было создано? И что дало нашему президенту В. В. Путину совсем недавно, 4 сентября 2004 года, по горячим следам трагических событий в североосетинском городке Беслане (событий, потрясших своей необычайной трагичностью не только Россию, но и весь мир) заявить следующее: «Мы все ожидали перемен. Перемен к лучшему. Но ко многому, что изменилось в нашей жизни, оказались абсолютно неподготовленными. Почему? Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы»[1].

Можно ли понимать слова нашего президента таким образом, что созданная в конце 80-х – начале 90-х годов политическая система непригодна и что ее в очередной раз надо перестраивать?

Наконец почему никогда раньше (в частности, в своих ежегодных Посланиях Федеральному собранию) В. В. Путин не ставил вопрос о неадекватности нашей политической системы уровню развития общества так остро и однозначно, как это было сделано 4 сентября? Что имеется в виду под этим уровнем? Подразумевается ли, что политическая система опережает этот уровень, что общество еще не доросло до нее или же наоборот?

Это первый принципиальный вопрос, который сразу же приходит на ум при чтении обращения нашего президента к гражданам страны. Вопрос, который, как я надеюсь, будет в центре вашего внимания.

Другой не менее важный вопрос: в каком направлении следует реформировать политическую систему, что конкретно и как надо менять в нашей политической системе? Менять в сторону еще большей централизации власти или наоборот – децентрализации?

И последний вопрос. Если проблема столь актуальна, то почему наш президент даже не упомянул ее в своем Послании Федеральному собранию 26 мая 2004 года? А говорил он в нем главным образом о социальных проблемах – о качестве и доступности жилья, медицине, образовании. Коротко упоминались партии, гражданское общество, некоторые другие политические аспекты. Более того, в Послании неоднократно подчеркивалось, что «никакого пересмотра фундаментальных принципов нашей политики не будет», что «преемственность стратегического курса, продолжение преобразований – уже проверенных практикой последних четырех лет – являются основой нашего дальнейшего стабильного развития». Правда, некоторое сомнение в состоянии нашей демократии и политической системы все же в Послании 2004 года прозвучало. «Вместе с тем, – отметил Путин, – мы обязаны дать критическую оценку и состоянию нашей демократии. Является ли политическая система в ее нынешнем виде инструментом реального народовластия? И насколько продуктивен диалог власти и общества? Очевидно, что молодая российская демократия добилась в своем становлении значительных успехов. И кто их сегодня упорно не замечает, не хочет замечать, тот не вполне искренен. Но все же наше общественное устройство пока далеко от совершенства. И надо признать: мы в самом начале пути»[2].

Сказанное наглядно демонстрирует: руководство нашей страны, политическая элита в целом не только видят проблему и понимают ее актуальность, но и стремятся ее решить.

Помочь ей в этом может и должно научное сообщество, в том числе посредством таких «круглых столов», как сегодняшний. Нам всем вместе следует ис-

[1] Известия. 6 сентября 2004 г.

[2] Российская газета. 2004. 27 мая, стр. 4

кать верные ответы на поставленные выше и другие вопросы и от того, какие ответы мы найдем и будут ли они оптимальны, в буквальном смысле зависит будущее России.

Определенный ответ на этот и другие вопросы по этой проблеме мы получили в выступлении нашего президента на расширенном заседании правительства с участием всех руководителей субъектов 13 сентября 2004 года. В этот день В. В. Путин предложил как минимум три масштабные реформы. По мнению многих специалистов, это самые радикальные реформы за все время его президентства. Речь идет: во-первых, о новых правилах формирования нижней палаты федерального парламента – только по партийно-пропорциональной системе представительства (представительство по одномандатным округам при этом ликвидируется); во-вторых, о замене прямых губернаторских выборов избранием местными законодательными собраниями по представлении главы государства; в-третьих, о новых принципах управления югом России. Кроме этого, в ответ на резко возросшую террористическую угрозу было принято решение о создании нового силового ведомства и воссоздании Министерства регионального раз-вития. «Борьба с терроризмом, – говорил президент на заседании правительства 13 сентября, – должна стать в полном смысле общенациональным делом и потому так важно активное участие в ней всех институтов политической системы, всего российского общества».

Одним из механизмов, укрепляющих государство и обеспечивающих реальный диалог и взаимодействие общества и власти в борьбе с террором, должны, по убеждению нашего президента, стать общенациональные партии. «И в интересах укрепления политической системы, – отметил Путин, – считаю необходимым введение пропорциональной системы выборов в Государственную думу»[1].

Новый курс руководства нашего государства вызвал двоякую реакцию внутри страны и за ее пределами. С одной стороны – одобрительную, с другой – неприязненную. Каждая сторона при этом выдвигает свои аргументы. Одна считает, что инициативы президента не ущемляют и не ограничивают демократию, усовершенствуют систему управления, консолидируют власть и т. д., другая – настаивает на обратном. Мне нет необходимости подробно останавливаться сейчас на этой дискуссии. Хотя бы потому, что вы, я надеюсь, несомненно, уделите ей пристальное внимание и обоснованно определите свое мнение.

Заканчивая свое вступительное слово, хочу еще раз пожелать вашему «круглому столу» плодотворной работы и результативного поиска аргументированных ответов на те вопросы, которые поставила перед нами жизнь. Опыт наших немецких коллег может быть нам в этом подспорьем, подсказать нам если не верные пути решения проблемы, то хотя бы помочь в определении методики ее реализации.

[1] Российская газета. 2004. 14 сентября

Пляйс Я. А.,
д. и. н., профессор, зав. кафедрой «Социально-политические науки» Финансовой академии при правительстве Российской Федерации

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Для каждого типа политической системы характерен особый тип взаимоотношений и взаимодействий с партийной системой.

При тоталитарном политическом устройстве правящая партия, выступающая идеологом и архитектором формирования нового государственного механизма, превращается в абсолютного монополиста, полноправного хозяина, а ее лидер-вождь – в диктатора. Государственный аппарат становится инстру-

ментом в руках партии и вождя. Государство приватизируется партией и превращается в партию-государство.

В таком устройстве и в таком типе взаимоотношений заключены большие достоинства и вместе с тем огромные недостатки. В чем же состоят достоинства?

На этапе, когда требуется максимальная мобилизация (например, на этапе опасного отставания страны в какой-либо жизненно важной области или на этапе ведения войны), тоталитарная система предстает перед нами как весьма эффективная. Концентрируя и направляя в соответствии с партийной идеологией и партийной программой весь потенциал страны на решение наиболее важных и сложных задач, как их понимает господствующая партия, тоталитарная система способна достичь выдающихся успехов и притом в кратчайшие исторические сроки. Высокая эффективность достигается, однако, лишь в том случае, когда у страны достаток людских и иных ресурсов. Кроме ресурсов, необходима также крупномасштабная, заманчивая, увлекательная идея, признаваемая всей нацией как жизненно важная не только на текущий момент, но и на перспективу. Эта идея, становящаяся национальной, прямо связанная с идеологией господствующей партии, становится своеобразной идефикс, ради которой общество готово терпеть не только всевозможные лишения, но и жертвовать собой.

Благодаря всему этому задачи, которые ставят партия и ее вождь, оперирующий именем партии, могут быть решены в максимально сжатые сроки и с достаточно высокой степенью эффективности. Примеров, подтверждающих сказанное, достаточно. И не только в советской истории.

Это важное достоинство со временем неизбежно превращается в серьезные недостатки. Главный порок тоталитарной политической системы состоит в том, что монополия партии–государства на все и вся сковывает энергию и предприимчивость народа, превращает большинство в вынужденного пассивного наблюдателя, ждущего команды, что, несомненно, значительно тормозит общий прогресс. Другой недостаток заключается в том, что решение цели достигается, как правило, очень высокой ценой, с большими людскими потерями и в ущерб решению других серьезных проблем, главным образом социальных. Именно поэтому можно говорить, что тоталитарная система – это система, запрограммированная на самоликвидацию.

Следующим серьезным изъяном такого типа взаимоотношений является то, что неверное определение целей и задач влечет за собой огромные затраты (нередко впустую) и самое главное – общество движется в неверном направлении. Это-то как раз и удлиняет путь прогрессивного развития, негативно сказывается на состоянии общества, обнаруживающего в какой-то момент времени, что цель была определена неправильно, что огромные ресурсы израсходованы напрасно и что многое придется переделывать. Наступает период смуты. Разочарование, растерянность, недовольство сопровождаются апатией значительной части населения, социальным брожением, недовольством властями, увеличением отставания от других стран и многими другими негативными явлениями.

Здесь следует оговориться, что общество с низким или относительно невысоким уровнем развития и соответствующими запросами относится к недостаткам системы достаточно терпеливо. Если человеку нечего или мало что терять, то цена потерь для него не столь значительна, как и переживания по поводу этих потерь. И наоборот: чем выше уровень развития общества, тем оно восприимчивее к цене преобразований и потерям и, естественно, требовательнее к действиям властей.

Устав от долгого сверхнапряжения, всевозможных ограничений и самоограничений, не видя обещанного светлого будущего, райского изобилия и несущего всеобщее процветание мирового господства, общество начинает все настойчивее требовать перемен и ослабления обручей тоталитаризма. Не реагировать на состояние социума, на социальное брожение ни одна власть, включая тоталитарную, не может. Хотя именно тоталитарная система в отличие от демократической не торопится это делать, тянет до последнего, пока, как говорится, гром не грянет или пока не станет очевидным, что время перемен неизбежно.

3 Заказ 4694

Кто же должен определить необходимость и момент перехода от одного состояния к другому и степень усталости социума? Это задача правящих сил (читай – властвующей элиты или хотя бы ее части) и, безусловно, партии как аккумулятора и индикатора настроений масс. Если эти силы, конечно, не оторвались от масс окончательно и не потеряли способность к адекватному анализу и такой же реакции.

Когда наступает момент, указывающий на необходимость отступления и тем более полного отказа от устаревшей тоталитарной модели, роль правящей партии многократно возрастает. Переход к авторитарному устройству, сопровождающийся ослаблением диктатуры сначала в экономической области, а затем постепенно в политической и идеологической, проходит успешнее там, где партийно-политическая элита уверенно руководит этим процессом, зная, почему, что и как надо делать и куда следует двигаться. Наглядным положительным примером здесь служит Коммунистическая партия Китая и не менее наглядным отрицательным примером – КПСС.

Переход к новому общественно-политическому устройству влечет за собой и изменение типа взаимоотношений и взаимодействий между государством и партиями. Если партия способна адекватно реагировать на изменения в запросах общества, понимает особенности времени и состояние развитого внешнего мира, она будет способна возглавить трансформацию и самообновиться и наоборот. Судьба ее также будет известна в обоих случаях. Но в любом случае это будет непростая судьба. К сказанному следует добавить, что, решаясь на радикальную трансформацию, партия должна быть готова к тому, что рядом с ней могут появиться мощные противовесы, оппоненты, также претендующие на первые роли.

Переход от тоталитаризма к авторитаризму с последующим развитием событий в направлении демократии или, говоря коротко, переходные периоды истории представляют для исследователя особый интерес. Главным образом из-за неоднозначности переходных процессов. Борьба нового со старым, особенно если это борьба «не на жизнь, а на смерть», всегда очень сложная борьба с запутанной расстановкой сил, с приливами и отливами. Консерватизм любой устоявшейся системы, будь то политическая или партийная, настолько велик, что бороться с ней зарождающейся новой системе всегда трудно, а результат далеко не всегда предопределен.

Особенно потому, что прежняя политическая система стремится сохранить свои позиции и сформировать новую партийную систему под себя. Их взаимоотношения в данном случае будут как минимум сложными, противоречивыми, а как максимум – враждебными, антагонистическими. Именно это мы и наблюдаем сейчас у нас в России, а также в большинстве транзитных стран. Если же к тому же переходный период сопровождается ухудшением положения основной массы населения, как это произошло, к примеру, у нас, ностальгия по «старым добрым временам» становится мощной опорой сил реванша и консерваторов. В этих условиях реформаторам приходится делать шаг вперед и два назад. При этом шаг вперед не всегда длиннее, чем два назад.

Однако движение в сторону демократии неумолимо. Прежде всего по той простой причине, что демократия – это наиболее эффективный из всех известных инструмент прогресса и решения насущных проблем общественного развития. Вместе с тем это и наиболее сложное общественное устройство.

Как же складываются взаимоотношения между демократической политической системой и адекватной ей партийной системой?

Непросто, так как механизмы согласования разноречивых интересов при демократии не только многочисленны, но и нередко громоздки и ресурсозатратны.

Несмотря на это, выявляя интересы, артикулируя их и способствуя их разрешению, демократические институты (будь то политические или партийные) наиболее адекватно реагируют на перемены в обществе и являются инструментом нахождения оптимальных решений, а также методов их реализации. Именно поэтому у демократии, при всех ее недостатках, нет равнозначной альтернативы. И именно поэтому демократия в конечном счете оказывается не только более эффективной и экономичной, но и самой прямой из всех возможных дорог к цели.

Исходя из сказанного, взглянем на то, что происходит у нас сейчас. Для этого нам надо максимально объективно оценить: во-первых, этап и уровень развития нашего общества, вектор его основных интересов; во-вторых, исторический опыт России и преобладающий вектор движения развитого мира.

Что касается этапа развития, то, на мой взгляд, мы переживаем этап перехода от авторитаризма к демократии (с приливами и отливами). Уровень развития общества, в общем, достаточен, чтобы этот переход постепенно преодолеть. Надо только позаботиться о повышении политической культуры населения, о накоплении политического опыта.

Вектор главных интересов основной части нашего населения лежит в том же русле повышения уровня благосостояния и создания более благоприятных условий для реализации индивидуальных интересов, в каком лежит основной интерес всего развитого мира.

Мой общий вывод состоит в том, что мы можем и должны продвигаться к полноценной демократии и в соответствии с этой целью формировать и политическую, и партийную систему. Постепенно, шаг за шагом мы таким образом закончим все классы демократии, а не только первый, освоим всю азбуку демократии, а не только первые ее буквы, и научимся говорить на языке социально-политического прогресса не хуже передовых стран. Главное – не бросать школу и не закрывать ее, ссылаясь на трудности и сложности учебы, а также на то, что народ для учебы еще не созрел.

Маттес Бубе,
доктор политологии, глава представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации

РОЛЬ ПАРТИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

В двадцатом столетии Германия имела четыре различные политические системы. Вследствие поражения в Первой мировой войне в 1918 году прекратила свое существование раннекапиталистическая кайзеровская империя во главе с прусской аристократией и чиновничеством. Конституционная монархия с сильным кайзером и слабым парламентом была заменена парламентской республикой с прямыми выборами президента и более влиятельным парламентом – рейхстагом. Первым президентом стал Фридрих Эберт, вождь Социал-демократической партии Германии (СДПГ), чье имя носит одноименный фонд.

Основой для возникновения этой первой германской республики, называемой также Веймарской, стал дефицит демократически мыслящих людей. Парламентаризм подвергался сомнению как в правом, так и в левом лагере. Коммунисты откололись от социал-демократов Фридриха Эберта, предпочитая завоевание власти революционным путем конкуренции с буржуазными партиями. СДПГ в отличие от них стремилась к введению социализма исключительно на основе сформировавшегося в ходе свободных выборов парламентского большинства. Многие структуры, унаследованные еще со времен кайзеровской империи, испытывали ностальгию по правому курсу или фаворизировали диктатуры в стиле Муссолини. Люди в поверженной Германии испытали в период с 1918 по 1933 год на своем собственном опыте тяжесть экономического кризиса. Сначала гиперинфляция в период 1921–1922 годов уничтожила все их накопления, а затем вследствие всемирного экономического кризиса невиданных масштабов достигла безработица. Увеличивался разрыв между избирателями и политической системой, а также ее представителями, партиями демократического лагеря. Одна из новых партий – национал-социалисты и ее вождь Адольф Гитлер объявили главными виновниками этой национальной трагедии конкуренцию между партиями. Избиратели массово переходили на

сторону Гитлера, и в 1933 году он окончательно взял власть в свои руки.

Кто виноват в этом? Кто не справился со своими задачами? Парламентаризм? Демократические партии? Гитлер превратил Европу в бойню. Этот сеявший ужас режим прекратил свое существование лишь в 1945 году благодаря победе Советского Союза и западных союзников. Германия вновь оказалась перед точкой отсчета. Система Веймарской республики была полностью разрушена национал-социалистами.

Союзники распустили партии и прочие структуры национал-социалистической системы, запретив немцам заниматься любой самостоятельной политической деятельностью. Новая, четвертая по счету в двадцатом веке политическая система должна была еще только возникнуть. В трех западных зонах оккупации сформировалась политическая система Федеративной Республики Германиии. Развитие входящей в нее партийной системы, а также роль партий в формировании этой системы в ФРГ я хотел бы, следуя предложенной Ульрихом фон Алеманом классификации, разбить на четыре этапа.

- Этап формирования партийной системы: 1945–1953 гг.
- Этап концентрации на уровне трехпартийной системы: 1953–1976 гг.
- Этап трансформации в открытую многопартийную систему: 1976–1989 гг.
- Интеграционный этап в ходе объединения двух германских государств, начиная с 1989 года по настоящий момент.

Этап формирования партийной системы: 1945–1953 годы. Новые партии формировались, начиная с 1945 года, под контролем западных союзников, которые отслеживали процесс регистрации вплоть до первых выборов в германский бундестаг в 1949 году. Вскоре после этого оккупационные власти разрешили проведение первых свободных выборов в городах и регионах, в которых участвовали самые разнообразные политики, представлявшие разные политические течения. «Политики первого часа» переработали Веймарскую конституцию, приняв новый основной закон, определявший Германию в качестве демократического федерального государства с двухпалатным парламентом. Конституция закрепила за партиями особое место: они были призваны участвовать в процессе волеизъявления граждан в политических процессах. Пропуская через себя различные политические представления граждан, представители партий, избранные в парламент, выступают за или против правительственной политики, тем самым беря на себя роль своего рода посредника между пожеланиями и требованиями избирателей и волей правительства.

Депутаты первого избранного парламента на федеральном уровне – бундестага образца 1949 года являлись представителями 12 различных политических партий. Однако три партии смогли получить фактически три четверти всех мандатов в парламенте: СДПГ, которая являлась самым традиционным политическим движением рабочего класса, Свободная демократическая партия – преемница либеральных партий времен кайзеровской Германии и Веймарской республики, а также христианские партии-союзницы ХДС и ХСС – новые образования католического пролетариата и буржуазного центра, состоявшего из представителей католических и протестантских регионов страны. В последующие годы и особенно после введения 5-процентного барьера на выборах в бундестаг количество малых партий сократилось. В 1953 году в бундестаге второго созыва осталось лишь 6 партий, а три вышеназванные партии смогли объединить более 83 процентов голосов избирателей.

Практически все малые партии не смогли преодолеть 5-процентный барьер в силу того, что имели сильную поддержку лишь в отдельных регионах, или вследствие того, что поднимаемые ими темы не являлись привлекательными для всей страны, или по той причине, что представляли радикально левый или правый фланги политического спектра. Однако на этом этапе принципиальный вопрос о характере будущего правления («слева» или «справа») все в большей степени превращался в электоральное решение избирателей в пользу мощного буржуазного объединения в лице ХДС/ХСС или в поддержку СДПГ. Радикальные и региональные партии утратили своих сторонников, голосовавших за крупные партии и считавших, что таким образом они смогут эффективнее распорядиться своим голосом. В выигрыше от этого оказался прежде всего блок ХДС/ХСС. В лице Конрада Аденауэра он имел харизмати-

ческого председателя партии, ставшего в 1949 году федеральным канцлером. В 1953 году он блестяще повторил свой избирательный успех. Впервые в германской истории возникла крупная народная партия правее социал-демократии. СДПГ заполучила демократическую партию-конкурента, способную получать на выборах даже больше голосов, чем она сама. Этот факт стал одним из важнейших стабилизирующих факторов новой политической системы. В ходе выборов избирателям предстояло сделать основополагающий выбор между небольшим количеством влиятельных игроков – объединенным буржуазным движением Аденауэра или оппозицией. Так как СДПГ, исходя из традиционного убеждения, признавала главенство большинства, в послевоенной Германии, несмотря на серьезные разногласия в отношении правильности курса, никогда не случалось серьезного системного кризиса.

Этап концентрации: 1953–1976 годы. Если в 1953 году в бундестаг были избраны шесть партий, то в 1957 году их осталось лишь четыре. В последующих пяти избирательных кампаниях (1961, 1965, 1969, 1972 и 1976 годов) в бундестаг попадали лишь три партии: ХДС/ХСС, СвДП и СДПГ. На этом этапе наряду с концентрацией партийной системы параллельно возрастало и влияние партий на все сферы общества. Чтобы быть избранным на пост бургомистра какого-либо города, стать депутатом земельного или федерального парламента и даже для того, чтобы занять достаточно влиятельный пост в административном аппарате или в муниципальном учреждении, почти обязательным условием стало наличие партийного билета одной из крупных партий.

Голоса избирателей распределялись практически лишь между тремя партиями. Таблица 1 демонстрирует эту тенденцию.

На этом этапе – этапе концентрации партийной системы социал-демократы смогли, начиная с середины 60-х годов, перетянуть на свою сторону симпатии избирателей, которые все более критично относились к курсу Аденауэра. Возглавляемая им партия не смогла противопоставить подобному снижению популярности в глазах избирателей никаких новых идей или новых лидеров. Большинство в парламенте ХДС/ХСС удавалось сохранять лишь в коалиции с либералами из СвДП. Когда же руководство СвДП, получив от СДПГ предложение о вхождении в новую правящую коалицию, согласилось на такую перемену, правительство возглавил председатель СДПГ Вилли Брандт. В период с 1969 по 1982 год в Германии существовало коалиционное правительство исключительно из представителей СДПГ и СвДП. Таким образом, после 20 лет пребывания у власти ХДС/ХСС на 13 лет перешел в стан оппозиции. Однако стоит помнить о том, что это утверждение относится исключительно к федеральному уровню. На уровне федеральных земель с самого начального этапа существования Федеративной Республики и до настоящего момента существовало большое количество региональных правительств, возглавляемых ХДС или ХСС, в то время как СДПГ формировала федеральное правительство. И наоборот – СДПГ брала на себя ответственность за формирование земельных правительств, когда на федеральном уровне правил ХДС/ХСС.

Доминирование трех демократических партий, имевших разные программы и выдвигавших интересные личности на политическую сцену страны, являлось выражением доверия со стороны избирателей к новой политической системе. В таких условиях малые партии, равно как и антидемократические течения, имели незначительные шансы на успех. По завершении этапа концентрации стало отчетливо видно, что ФРГ превратилась в партийное государство: без партийного билета карьерный рост внутри

Таблица 1

Выборы в бундестаг	**1949**	**1953**	**1957**	**1961**	**1965**	**1969**	**1972**	**1976**
Голоса (в %) за ХДС/ХСС, СвДП, СДПГ	72,1	83,5	89,7	94,3	96,4	94,6	99,1	99,1
Все прочие голоса (в %) – за партии, беспартийных и пр.	27,9	16,5	10,3	5,7	3,6	5,4	0,9	0,9

политической системы стал невозможен. В истории Германии того периода редко встречаются министры, которые сделали свою карьеру за пределами одной из этих трех партий. Премьер-министром земли, как правило, мог стать лишь руководитель земельного отделения победившей партии. Федеральным канцлером мог стать лишь председатель одной из федеральных партий, получившей большинство голосов на выборах федерального парламента.

Этап трансформации: 1976–1989 годы. В конце шестидесятых, и особенно в семидесятые годы сформировался протест против всесилия крупных партий. Студенты выступали против косного руководства в университетах, в бюрократическом аппарате и в экономике, в том числе и в духе конфликта поколений между обремененными чувством вины отцами, сделавшими свою карьеру в гитлеровские времена, и молодежью, желавшей перевернуть весь мир. Неомарксистские идеи смешивались с пацифизмом, движение противников атомной энергии – с представлениями об экологических технологиях. Гонка вооружений времен холодной войны породила невиданную концентрацию американского ядерного оружия на западно-германской территории. Война во Вьетнаме наглядно продемонстрировала безумие мышления в категориях «военных блоков» по принципу «Враг моего врага – мой друг». Низкий уровень развития в странах «третьего мира» представлялся в сравнении с огромными расходами на вооружение следствием эксплуататорской алчности капиталистического Запада.

Протестное движение было направлено против консенсуса, достигнутого между крупными партиями, включавшего в себя прочную интеграцию в НАТО, построение социального государства на основе капиталистической рыночной экономики и абсолютное главенство промышленности над экологией. Когда речь шла о реализации стратегических планов в военной сфере и в промышленности или о сохранении постов, занятых в ходе карьерного роста в политике и экономике, гражданские права отодвигались на задний план. Протест первоначально нашел сторонников вне партий и тем самым вне парламента. Так называемая внепарламентская оппозиция сумела найти способы заинтересовать общественность своими темами. Гарантированные Конституцией права на свободу собраний и мнений были использованы для организации массовых демонстраций, а также новой интерпретации права на забастовку (забастовки проходили в том числе и в университетах, а также в научно-исследовательских учреждениях). Участники сидячих забастовок блокировали подъездные пути к ядерным объектам, призывали к бойкоту товаров, произведенных на экологически вредных производствах. Особенно ненавистные личности публично забрасывались яйцами и пакетами с краской и т. д.

Спустя годы, испытав разочарование от безуспешности подобных протестов, часть представителей данного течения попыталась добиться своих целей внутри существовавшей политической системы. Упор делался на то, что можно добиться большего влияния на политику за счет участия в парламентских выборах. На этой основе возникло движение «Зеленые» – объединение сторонников экологических, пацифистских, антикапиталистических, феминистских и прочих программных идей, не представленных или представленных недостаточно внутри существовавших тогда трех крупных политических партий. «Зеленые» хотели отличаться от «обычных» партий. В ходе многолетней внутренней борьбы они попытались найти новые принципы партийной организации. Так называемые партийные фундаменталисты выступали против жесткой партийной структуры, а также против сотрудничества с традиционными партиями. Они намеревались вести фундаментальную борьбу с политической системой в целом с целью ее замены на новую. Так называемые партийные реалисты выступали за упорядоченное партийное строительство и за коалицию с СДПГ. Исходя из партийных традиций, СДПГ была более всего предрасположена к изменениям своей политики в сторону предложенных «зелеными» ориентиров. Реалисты надеялись на то, что вследствие участия в формировании правительства им удастся оказать большее влияние на выработку курса Германии в отличие от фундаментальной оппозиции.

В федеральных выборах «зеленые» впервые приняли участие в 1980 году. С тех пор они стали третьей по значению силой в рамках партийной системы. В хо-

де избирательных кампаний 1994, 1998 и 2002 годов им удавалось получить больше голосов, чем СвДП, однако их максимальный показатель, так же, как и у либералов, едва превысил 8 процентов. Народные партии ХДС/ХСС и СДПГ при выборе партнера по правящей коалиции получили определенную возможность выбора между двумя малыми партиями, что и нашло свое отражение в восьмидесятые годы на земельных выборах в форме правящих коалиций из СДПГ и «зеленых». На уровне земель партийная система, начиная с середины шестидесятых годов, стала вновь более открытой. Определенного успеха на региональных выборах смогли добиться даже правопопулистские и праворадикальные партийные образования. Однако ни одно из них не смогло попасть в бундестаг. Таким образом, партийная система допускала создание новых партий, сохраняя при этом определенную устойчивость в отношении экстремистских течений.

Интеграционный этап: с 1989 года и по настоящее время. В ноябре 1989 года пала Берлинская стена, а 3 октября 1990 года вступил в силу Договор об объединении между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой. Берлин вновь стал столицей Германии. Какую же роль сыграли партии в ходе процесса объединения, начавшегося еще до подписания этого договора и не закончившегося 3 октября 1990 года?

В ГДР существовала лишь одна политическая сила – Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ). Она была создана на основе принудительного объединения социал-демократов и коммунистов и контролировала процесс принятия всех решений в рамках политической системы ГДР. Однако и в Народной палате – парламенте ГДР до 1989 года были представлены и иные общественно-политические блоки, призванные представлять интересы «менее прогрессивных» групп общества. Все вместе взятые они имели даже больше мест в парламенте, чем СЕПГ. Две из так называемых «блоковых партий» выполняли функцию своеобразной легитимации общегерманских претензий политической системы ГДР – Христианско-демократический союз ГДР (так называемый восточно-германский ХДС) и Либерально-демократическая партия, аналог западно-германской СвДП (так называемая восточно-германская ЛДП). Не только СЕПГ, но и восточно-германский ХДС, а также восточно-германская ЛДП имели в своих рядах достаточно большое число членов. В конце 1989 года восточно-германские ХДС и ЛДП вступили в конкурентную борьбу в совершенно новых условиях развала государственной власти в ГДР. Дело в том, что в ФРГ существовали одноименные партии, заинтересованные в поддержке своих единомышленников на востоке Германии. СДПГ, однако, отказалась от сотрудничества с СЕПГ, переименовавшей себя в 1990 году в Партию демократического социализма (ПДС). ПДС, являясь партией-преемницей СЕПГ, оставалась символом социалистических ценностей эпохи ГДР. Вместо этого СДПГ поддержала вновь созданную в 1989 году партию – восточно-германскую СДПГ, которая имела небольшое число членов, однако разделяла с момента своего создания ценности западно-германской СДПГ. На этом позднем этапе существования ГДР была еще одна, пятая политическая сила: многочисленные правозащитники, мужественно оппонировавшие политическому руководству ГДР еще задолго до падения Берлинской стены и создавшие вследствие этого собственную предвыборную платформу под названием «Союз 90». Это был типичный образец регионального движения, без каких бы то ни было четких представлений о темах федеральной политики. После первых выборов в немецкий бундестаг объединенной Германии, которые состоялись в конце 1990 года, они установили тесное сотрудничество с партией «зеленых».

Политические события 1989 и 1990 годов развивались с захватывающей дух быстротой. Также стремительно осуществлялась трансформация политической системы бывшей ГДР. Сразу же после начала этого процесса стал отчетливо проявляться высокий интеграционный потенциал традиционной партийной системы прежней ФРГ. Восточно-германский ХДС и небольшие партии правее центра были поглощены западно-германским ХДС. Восточно-германская ЛДП вошла в состав СвДП на правах ее земельных организаций на востоке объединенной Германии, а восточно-герман-

ская СДПГ – в аналогичные структуры общегерманской СДПГ. «Союз 90» вошел в состав партии «зеленых». Лишь ПДС сохранила свою самостоятельность, сумев завоевать устойчивые симпатии избирателей во всех избирательных кампаниях, начиная с 1990 года, в новых федеральных землях Германии и став таким образом пятой партией в федеральной многопартийной системе страны. Ее избиратели живут преимущественно на территории бывшей ГДР, однако и этого оказалось достаточно, чтобы быть представленным в федеральном парламенте по итогам избирательных кампаний 1990, 1994, 1998 и 2002 годов.

В бундестаге в тот период времени смогли закрепиться фактически две региональные партии. Христианско-социальный союз – баварский побратим ХДС – участвует в федеральных выборах лишь на территории Баварии, однако и этого достаточно для того, чтобы начиная с 1949 года регулярно преодолевать 5-процентный барьер. Партия демократического социализма (ПДС), хотя и выдвигает своих кандидатов во всех федеральных землях, успехов добивается пока лишь исключительно на территории бывшей ГДР. Таким образом, ее электоральная поддержка имеет региональные ограничения.

И по сей день ПДС выполняет важную функцию в интересах всей политической системы Федеративной Республики, выражая голос тех избирателей, кто не согласен с процессом немецкого единства начиная с 1989 года. Она вынуждает, таким образом, и другие партии заниматься природой данного протеста. В данном случае или правящим в Берлине партиям удастся предложить гражданам такую политику, которая поможет сократить протестные настроения в бывшей ГДР, или ПДС сохранит свою силу, демонстрируя дистанцию восточно-германских регионов по отношению к тенденциям развития в объединенной Германии. Дальнейшим успехом партийной системы в послевоенной Германии стало бы то обстоятельство, если бы ПДС сумела превратиться из партии регионального протеста в федеральную партию, способную стать частью правящей коалиции на федеральном уровне. Или если бы избиратели, поддерживающие ПДС, постепенно утратили свой протестный потенциал, перейдя к поддержке иных партий, что также представляется возможным. В таком случае роль партий, предлагающих максимальному числу граждан не только политических руководителей, но и исчерпывающие, ясно различимые политические действия, основанные на воле самих граждан и конкуренции партийных программ, в обоих случаях была бы выполнена полностью.

Наряду с процессами германского единства в девяностые годы имела место и другая важная тенденция. В отличие от прежних времен избиратели стали чаще менять свои партийные предпочтения. Несмотря на то, что трансформация в сторону открытой многопартийной системы и интеграция партий бывшей ГДР увеличили количество разнообразных политических проектов, выносимых на суд избирателей, привязанность избирателей к той ли иной политической партии снизилась. Подобная многопартийность снижает степень предсказуемости в выявлении парламентского большинства. Для формирования правительственного большинства потребуется более двух партий, а правящие коалиции в отличие от сегодняшнего дня скорее всего будут чаще сменять друг друга. Приводимая ниже таблица 2 демонстрирует этот процесс, правда, недостаточно полно.

Смена власти в 1998 году и ее переход от Гельмута Коля к Герхарду Шредеру были ясными и убедительными. В 2006 году и далее процесс формирования правящей коалиции, возможно, станет более трудным.

Таблица 2

Выборы в бундестаг (%)	ХДС/ХСС	СвДП	«Зеленые»	СДПГ	ПДС
1994 – правительство: канцлер Коль (ХДС) с СвДП	41,5	6,9	7,3	36,4	4,4
1998 – правительство: канцлер Шредер (СДПГ) с «Зелеными»	35,2	6,2	6,7	40,9	5,1
2002 – правительство: канцлер Шредер (СДПГ)	38,5	7,4	8,6	38,5	4,0

Матвеев Р. Ф.,
д. п. н., профессор, зав. кафедрой прово РГГУ

ПАРТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

До сих пор много дискуссий вызывают такие, казалось бы, простые проблемы, как политическая система, политическая партия и ее место в обществе. Причинами различных оценок и разногласий в этой области является ряд обстоятельств. Первое из них – сложный и многомерный характер самой политической системы. Второе обстоятельство состоит в том, что каждая общественная наука по-своему анализирует и оценивает это явление. В связи с этим возникает вопрос: существует ли какая-либо наука, способная с наибольшей точностью и достоверностью исследовать политическую систему. В прошлом эту задачу пытались решить различные научные дисциплины – философия, история, социология, различные учения и т. п. По разным причинам эти попытки не дали и не могли дать ожидаемых результатов. Наукой, способной решить указанную проблему, стала политология.

Особые проблемы встают перед политологией в связи с тем, что современная политическая система находится в состоянии становления и быстрых изменений. Это, в частности, означает, что накопленная информация и накопленный политический опыт быстро устаревают.

Трудность анализа в этой области усугубляется тем, что сама политическая система, ее подсистемы и составные элементы представляют собой сложнейшие, неопределенные и динамические образования. В противоположность весьма распространенному подходу политическая партия, например, является сложной, нелинейной и неравновесной системой, развивающейся по законам случайности и хаоса. Созданная людьми, партия становится самостоятельной системой, подчиняющейся некоторым собственным законам. Даже руководители партии не всегда могут моделировать ее по своему произволу. Понять сущность партии и прогнозировать ее будущее невозможно, опираясь только лишь на утверждения ее официальных документов и заявления ее лидеров.

Политическая система имеет многие характеристики энергетического поля. Поэтому о многих свойствах и процессах мы можем судить по результатам их развития и взаимодействия. Отсюда – важность косвенных методов наблюдения.

Во всякой политической системе, будь то на уровне государства, или на уровне многопартийности, или отдельной партии, наблюдается свойство многомерности: в каждый данный момент в ней имеются процессы, относящиеся к прошлому, к настоящему и к будущему. Будущее создается случайно, и заранее трудно прогнозировать его особенности и параметры. Многомерность проявляется и в том, что система постоянно порождает виртуальные варианты развития. Оценка таких вариантов всегда зависит от идеологических симпатий политиков и ученых. Все эти обстоятельства объясняют, почему политическая система обладает несколькими степенями свободы и почему люди могут делать выбор из постоянно возникающих вариантов. Более того, поскольку в системе действуют многие переменные процессы, на выбор варианта и на выбор практического действия история, как правило, отводит весьма ограниченное время. Политика является таким образом последовательной серией выбираемых вариантов, а выбор варианта зависит от многих факторов, в том числе субъективных и даже произвольных.

Люди, составляющие главный компонент политической системы, обладают свободой воли. Эта свобода воли не абсолютна и в свою очередь подвержена неопределенным изменениям. Политический выбор может поэтому по-разному восприниматься различными группами населения и территориальными сообществами страны. Разной бывает и практическая реакция различных групп населения на предлагаемые решения: от пассивности и нейтралитета до поддержки и полного отторжения.

Таким образом, законам случайности и хаоса подчиняется не только в целом политическая система, но и ее компоненты. К числу таких компонентов относит-

ся, как уже было заявлено, и политическая партия.

Для политологии политическая партия есть неравновесная система, в которой происходит соединение по крайней мере трех элементов – политической активности, политической идеологии и организации. Напомним, что каждый из названных компонентов также представляет собой сложную динамическую систему, в которой действуют многие законы, в том числе и закон самоорганизации.

Для возникновения, становления и сохранения партии необходима политическая активность населения, что обеспечивает партии сторонников, избирателей, рядовых членов и активистов, и самой партии как системы, то есть ее руководства и всех партийных звеньев. Политика партии должна иметь серьезные объективные основания. Можно, таким образом, утверждать, что для возникновения и развития партии в стране должны сложиться благоприятные объективные и субъективные условия.

Иногда высказывается мнение, что партии обречены на вымирание. Действительно, мы наблюдаем кризис и крах некоторых партий, точнее – партий определенного типа. Мы наблюдаем также множество неудачных попыток создать партии. Но такие процессы были и в прошлом. В этом нет ничего нового. Конечно, многие условия для деятельности партий изменились. Но партии остаются формой организации населения (во всяком случае его части), формой политической активности, формой политического представительства интересов. Более того, партии – важный элемент парламентской системы, элемент современного гражданского общества, одна из структур, в рамках которой формируется политическая культура. В современном обществе сохраняются объективные условия для возникновения и деятельности политических партий. Конечно, формы политических партий, их структура, внутрипартийные отношения, методы действия меняются, точнее должны меняться в зависимости от новых условий. Неспособность некоторых партий адаптироваться к новой ситуации и объясняет их кризис и развал. Вряд ли в современной России возможна партия, построенная по образцу партий начала и даже середины XX века.

Вместе с тем политические партии всегда являются элементом конкретной политической системы. Поэтому в каждой стране особенности партий и всей партийной системы отражают национальные особенности. В современной России бесплодны будут попытки создать партию по образцу американских, китайских или германский партий.

Движение представляет собой основное свойство партии. Иногда понятие «создание» или «основание» партии понимается как законченный точечный акт. Весь имеющийся в этой области опыт говорит о том, что создание партии не только длительный, но и непрерывный процесс. В жизни партии нет такого момента, когда можно сказать: «Создание партии прекратилось, теперь она гарантирована от всяких неприятностей». Как и у любого живого организма, остановка процесса создания, становления и развития партии неминуемо означает ее гибель. К ней партию ведет и попытка навязать несвойственные ей функции. Особенно это касается присвоения партией функции управления обществом.

Вместе с тем в практической деятельности партии приходится решать проблему оптимального соотношения политики и организации. Значительный опыт говорит о том, что роль организации – обслуживать наилучшим образом политику партии. Судьба некоторых партий, которые ставили организацию выше политики, весьма поучительна. Никакая самая жесткая, даже военная дисциплина внутри партии не может компенсировать пороков политики. Эти недостатки накапливаются и толкают партию в тупик. К тому же военная дисциплина внутри партии обусловливает попытки активистов командовать и населением. Это путь к применению не политических методов на основе искусства убеждать и переубеждать, а методов административно-командных.

В заключение можно подчеркнуть, что партия является составной частью политической системы, во многом зависит от ее свойств и особенностей. В то же время она сама представляет собой сложную саморегулирующуюся систему, от деятельности которой в некоторых условиях может зависеть судьба государства и общества в целом.

Карамышева Н. А.,
к. ф. н., доцент кафедры «Сациальна-палитические науки» Финансавай академии при правительстве РФ

РОЛЬ ПАРЛАМЕНТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В государственной политической системе, которая характеризует современное демократическое общество, власть на высшем уровне разделена на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Законодательную власть представляет избранный народом парламент, исполнительную – правительство, а судебную – высшие судебные органы. Каждый институт власти играет свою определенную роль в политической системе той или иной страны, взаимно уравновешивая и контролируя друг друга.

Роль парламента заметно отличается в странах с различной системой организации власти. В парламентских монархиях и республиках эта роль чрезвычайно велика, так как именно через парламент формируется правительство, отвечающее непосредственно перед ним, имеется тесное взаимодействие между парламентом и правительством. В президентских системах парламент представляет собой более независимый институт, формируемый населением на прямых выборах, способный реально сдерживать, ограничивать и контролировать исполнительную власть, поскольку парламент не может быть распущен ни при каких обстоятельствах. В полупрезидентских системах роль парламента снижается в силу большого объема полномочий президента и его возможности распустить парламент при определенных условиях.

Политические режимы также влияют на роль представительных органов власти в политической системе той или иной страны. Понятно, что в условиях демократического политического режима парламент действительно является институтом взаимодействия основных политических сил, в то время как авторитарный режим характеризуется парламентом, полностью подчиненным исполнительной власти. В переходных режимах (как в России) роль парламента может смещаться как в сторону усиления его независимости, то есть демократических тенденций, так и в сторону авторитаризма.

Роль парламента связана также со степенью развитости политических партий и структурированностью партийных систем, взаимосвязанных с избирательными системами. При стабильной и развитой партийной системе, естественно, повышается роль представительного органа власти.

Учитывая происхождение партий из интересов гражданского общества, можно сделать вывод и о влиянии развития самого гражданского общества, его организаций и структур на уровень парламента как представительного политического института.

Еще одним фактором, влияющим на роль парламента в политической жизни страны, являются исторически сложившиеся традиции государственности с соответствующими политическими институтами и порядком их взаимодействия, принципами отношений народа и власти, государства и общества, традиционными для данной политической системы. Применительно к России этот фактор проявляется прежде всего в характере взаимоотношений президента и парламента.

Взаимоотношения бизнеса и власти также представляются важной характеристикой роли парламента в обществе. Если давление бизнеса на законодательную власть происходит в форме профессионального лоббирования на основе законодательства, то статус парламента достаточно высок. Если же это давление осуществляется в грубой форме прямого подкупа и коррупции, то авторитет такого органа власти невелик.

Средства массовой информации формируют общественное мнение относительно роли парламента в жизни общества. Это мнение может быть негативным, если постоянно привлекать внимание общественности к скандальным сценам выяснения отношений между парламентариями по поводу принятия тех или иных законов, нелицеприятных демагогических выступлений отдельных депутатов. В то же время акцентирование ин-

теллектуальной сложности, трудоемкости, необычайной ответственности процесса законотворчества могло бы сформировать позитивный образ парламента в глазах народных масс.

В целом же роль парламента как высшего органа законодательной власти определяется тем, насколько эффективно он осуществляет свои властные функции.

История создания современного российского парламента – Федерального собрания связана с принятием в декабре 1993 г. новой Конституции РФ, упразднившей существовавшую ранее двухступенчатую систему законодательной власти – Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, фактически проигравшего президенту в борьбе за определяющую роль в политической системе общества. Как известно, эта борьба была представлена в общественном мнении как борьба «демократического президента» с «коммунистическим парламентом».

Итоги кризисного противостояния законодательной и исполнительной ветвей власти отразились в новой Конституции страны – в урезанном объеме полномочий Федерального собрания (как Государственной думы, так и Совета Федерации) и в огромных полномочиях президента и правительства РФ. Особенно следует отметить небольшой объем контрольных полномочий российского парламента, если учесть, что именно по парламентскому контролю чаще всего оцениваются место и роль парламента в системе органов государственной власти.

Президенту нужна была послушная и управляемая законодательная власть, с помощью которой можно было бы легко проводить любые свои инициативы по реформированию страны в форме принятия необходимых законов.

В деятельности Государственной думы можно выделить два основных периода: первый – 1993–1999 гг. (его условно можно назвать ельцинским) и второй – 1999–2004 гг. (путинский).

В годы правления президента Б. Ельцина Государственная дума сформировалась как вполне самостоятельный орган власти, оппозиционирующий президенту в условиях ухудшающейся социально-экономической ситуации, развала всей системы государственного управления и формирующейся многопартийности. Именно поэтому страна жила больше по указам президента, чем по законам, исходящим из нижней палаты парламента. Многие законы не подписывались президентом и по существу основная функция парламента – законодательная не выполнялась им в должной мере. Как и прежде, исполнительная власть противопоставлялась законодательной и доминировала над ней.

Все попытки президента установить контроль за Государственной думой с помощью так называемых партий власти (пропрезидентских) успеха не имели в силу скоропалительности их создания, конъюнктурности и отсутствия настоящих партийных лидеров, имеющих четкие идеологические ориентиры.

Государственная дума третьего созыва (1999 г.) отличалась не только новой расстановкой политических сил в ней, но и тем, что она стала по-настоящему законодательным органом власти, принимающим большое количество законов. Произошло значительное обновление законодательной базы реформ. Принятие закона – достаточно сложная процедура, поэтому депутатами должны быть достаточно квалифицированные специалисты, имеющие определенные навыки работы в этой области, чтобы на всех стадиях прохождения законопроекта проявлять ответственность и компетентность.

К сожалению, в составе депутатов Думы третьего созыва оказались много случайных людей, непрофессионалов, включенных в партийные списки сверху, «депутатов-бракоделов», по меткому выражению В. Жириновского. А лидер «Яблока» Г. Явлинский в заслугу Думе третьего созыва ставил лишь то, что конфликты, происходившие в ней, не выносились на улицу.

В то же время Госдума третьего созыва потеряла свою оппозиционность, самостоятельную роль. Многие лидеры партийных фракций оценивали ее как «рабскую», «позорную», «ведомую», ставшую по существу «исполнительным органом администрации президента» или «отделом администрации президента». Это стало возможным потому, что было сформировано центристское (пропрезидентское) большинство: «Единство», «Отечество – вся Россия», «Регионы России» в совокупности набрали 37% голосов избирателей, что и позволило им су-

щественно влиять на принятие необходимых исполнительной власти законов.

Соответственно степень доверия россиян к Госдуме снизилась и в 2002 г. процент доверявших ей составил всего 14,8% против 57,6% (в то время как в 1996 г. процент доверия доходил до 40,9).

Выборы 2003 г. ознаменовались победой «Единой России» (36,84%), поражением правых партий СПС и «Яблока», которые не преодолели пятипроцентный барьер, сокращением вдвое голосов, поданных за КПРФ (12,74%), успехом ЛДПР (11,8%) и неожиданным взлетом народно-патриотического блока «Родина» (9,02%), созданного накануне выборов. Партия власти значительно укрепилась, а оппозиция практически «сошла на нет», имея в виду, что и ЛДПР, и «Родина» поддерживают действующего президента.

Итак, Государственная дума сегодня превратилась в более управляемый и контролируемый орган власти со стороны президента страны, однако свою законодательную функцию стала выполнять на более высоком уровне (в количественном и качественном отношении), хотя качество принимаемых законов иногда критиковалось самими лидерами партийных фракций за то, что многие из них не работают, устаревают очень быстро, не годятся для России.

В сентябре 2004 г. президент В. В. Путин внес предложение о реформировании избирательной системы по выборам в Государственную думу и ввести в будущем пропорциональную избирательную систему, отказавшись от смешанной. По данному предложению могут быть как аргументы «за», так и «против».

С точки зрения стратегического направления борьбы с коррупцией, партийный отбор кандидатов более подходит, чем выдвижение депутатов-одномандатников, которые легче попадают в финансовую зависимость от своих спонсоров. Кроме того, пропорциональная избирательная система не противоречит, а наоборот, способствует многопартийности – важнейшему из демократических принципов.

С другой стороны – видными политиками в Государственной думе стали депутаты, прошедшие сложную конкурентную борьбу в одномандатных округах. В партийные списки часто попадают случайные люди, не всегда способные работать на общегосударственном уровне. С лидерами партийных фракций президенту легче договариваться относительно принятия необходимых законов, что в конечном итоге приведет к большей управляемости Думы. Поэтому прогнозировать сейчас, насколько актуально было это предложение, преждевременно – время покажет.

Что касается Совета Федерации, то он был известным и авторитетным органом власти, когда в нем заседали губернаторы. После реформы 2000 г., связанной с новым механизмом формирования Совета Федерации, роль его заметно снизилась, так как снизился уровень его представительности и влияния в обществе.

В итоге можно констатировать заметное усиление авторитарных тенденций в деятельности исполнительной власти по отношению к законодательной в современной России, что вполне допустимо в условиях переходного режима, предполагающего как движение вперед по пути демократии, так и откаты в сторону авторитаризма.

Михаэль Косс,
научный сотрудник Геттингенского университета (семинар по вопросам политологии)

МЕЖПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ФЕДЕРАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ

Сразу же хотел бы сделать оговорку в отношении некоторых терминов. Говоря о «послевоенной Германии», я буду иметь в виду исключительно Западную Германию, называя иногда ее же Федеративной Республикой. Когда же речь пойдет о Германии, то будет иметься в виду объединенная Германия после 1990 года.

Первый тезис моего доклада, который многим покажется удивительным, заключается в том, что конкуренция между партиями являлась неотъемлемым условием успешной консолидации демо-

кратических структур в послевоенной Германии.

Конечно, значительно проще было бы рассматривать данную тему на примере лишь прежней Федеративной Республики, которая являет собой пример успешных демократических преобразований. В этой связи не вызывает удивления и то, что политические партии и их конкуренция между собой (по крайней мере в ретроспективе) способствовали достижению данного успеха. Именно в этой связи я и решился на критическое осмысление межпартийной конкуренции в современной Германии.

Сегодня многие критики констатируют наличие в Германии так называемого кризиса партийной политики, который зачастую проявляется в образе «затора на пути реформ». С целью более тщательного изучения этого возможного кризисного явления, необходимо более внимательно проанализировать развитие федерализма в послевоенной Германии в целом. Я беру на себя смелость утверждать, и в этом состоит мой второй тезис, что специфическая форма германского федерализма в последнее время все в большей степени препятствует межпартийной конкуренции, и именно в этом состоит причина общего кризисного восприятия ситуации, а не конкуренция между партиями как таковая.

Однако возвращаюсь к рассмотрению первого тезиса. На примере одного из важнейших политических споров в молодой Федеративной Республике, а именно – разногласий в отношении ее западной интеграции, я хотел бы продемонстрировать, какую значительную роль сыграла межпартийная конкуренция для консолидации страны, то есть для ее внутриполитического умиротворения.

Межпартийная конкуренция в первые годы существования Федеративной Республики характеризовалась двумя признаками: концентрацией, характеризующейся тем, что крупные партии смогли поглотить или вытеснить с политической арены небольших конкурентов, и поляризацией – стремлением обеих крупнейших партий – СДПГ и ХДС/ХСС к единоличной власти, начиная где-то с 1947 года (эта тенденция в значительной мере являлась следствием конфронтационной стратегии, проводимой в жизнь обоими председателями этих партий – Конрадом Аденауэром (ХДС) и Куртом Шумахером (СДПГ)).

Эта тенденция нашла свое отражение в вопросе о роли Федеративной Республики в Европе. Насколько важной являлась дискуссия вокруг западной интеграции Германии, можно увидеть на примере ее неразрывной связи с вопросом о принятии решения в пользу рыночной экономики. В отличие от Курта Шумахера Аденауэр уже с 1950 года придерживался точки зрения о неизбежности раздела Европы. Однако главное различие между партиями состояло в том, что ХДС отдавал предпочтение интеграции Федеративной Республики в западный альянс (Европейское экономическое сообщество, далее – НАТО), в то время как СДПГ выступала в большей степени за осуществление национальной политики, отдавая предпочтение объединению обоих германских государств, а не сближению с западными державами-победительницами. Когда, например, ХДС заявил о своей готовности пойти ради установления взаимопонимания с Францией на интернационализацию Саара, СДПГ усмотрела в этом предательство немецких интересов.

Каким же образом межпартийная конкуренция вокруг наиболее оптимального решения так называемого германского вопроса способствовала разрешению общественных конфликтов? С одной стороны – за счет того, что они агрегировали и артикулировали разнообразные общественные интересы: партии учитывали мнения избирателей, формируя из них однородную позицию по какому-либо центральному вопросу.

Заявленные ХДС и СДПГ позиции представляли собой не только синтез различных установок в избирательной среде, но и являли компромисс различных точек зрения, представленных внутри самих партий. Вследствие подобной агрегации интересов избиратели получали четкую альтернативу. Таким образом, даже недовольные политикой правительства могли увидеть, как их позиции учитываются в практической политике. Наглядно это можно продемонстрировать на следующем примере. Тот, кто выступал за скорейшее объединение двух германских государств и тем самым за более высокую степень национального суверенитета, мог продемонстрировать это, отдав свой голос за СДПГ.

Однако в этом вопросе наибольшие симпатии избирателей сумел снискать ХДС. Своим неоднократным переизбранием правительство Аденауэра не в последнюю очередь обязано тому факту, что до середины 60-х годов большинство избирателей рассматривали западную интеграцию Федеративной Республики в качестве надежной альтернативы, отдавая ей предпочтение перед объединением двух немецких государств на основе нейтрального статуса нового государственного образования.

СДПГ, хотя и с некоторым опозданием, сделала соответствующие выводы из этого обстоятельства. Еще в 1959 году партия выступала за создание федерации из двух германских государств. В 1960 году партия в конце концов заявила о том, что признает западную интеграцию Федеративной Республики в качестве единственно верной стратегии, и с тех пор стала публично поддерживать данный курс. Эти изменения в позиции СДПГ демонстрируют еще одну функцию межпартийной конкуренции, играющую центральную роль прежде всего в условиях молодых демократий: легитимацию и интеграцию политических систем. Первоначально изменения в позиции СДПГ рассматривались как доказательство ее ответственного подхода: СДПГ признала, что ее позиции не находят общественной поддержки, сделав из этого соответствующие выводы.

Таким образом очевидно, что в начале 60-х годов прошлого столетия по вопросу о западной интеграции Федеративной Республики в электоральной среде сформировался консенсус. Сам факт того, что СДПГ, сформировав альтернативную ХДС позицию, не смогла отстоять ее, способствовало росту легитимности политики западной интеграции. В условиях отсутствия межпартийной конкуренции по вопросу о западной интеграции этот конфликт не мог бы быть преодолен так быстро и таким всеобъемлющим образом. СДПГ прислушалась в политическом плане ко всем тем, кто был принципиально не согласен с курсом Аденауэра, интегрировав их при этом в рамки молодой Федеративной Республики.

С точностью до наоборот развивалась ситуация в отношении новой восточной политики, осуществленной СДПГ и оспаривавшейся ХДС до тех пор, пока не был достигнут общественный консенсус и по данному вопросу.

Одной из главных составляющих новой восточной политики СДПГ во времена канцлерства Вилли Брандта, начиная с 1969 года, стала гармонизация отношений Федеративной Республики с ГДР и другими государствами Восточного блока. По данному вопросу СДПГ представляла позицию общественного большинства, в то время как ХДС оказывал существенное сопротивление до тех пор, пока не исчезла сама основа для подобного противостояния. В 1983 году при вступлении в должность правительство Гельмута Коля, не церемонясь, заявило о своем стремлении внести изменения в восточную политику своих предшественников.

Федерализм также служил обузданию общественных конфликтов в первые годы существования Федеративной Республики. Эту функцию в принципе он выполняет и до настоящего момента. На первом этапе федерализм открывает перед гражданами возможность для большего участия в решении проблем на различных уровнях политической системы. Еще более весомо то обстоятельство, что партии в своей организационной структуре адаптировались к федеральной структуре Федеративной Республики. За исключением баварского ХСС в Германии, в отличие, например, от Швейцарии, нет каких-либо серьезных региональных партий.

Таким образом, существенно возрастают возможности партий в области вовлечения избирателей в политический процесс и разрешения общественных конфликтов. Даже избиратели, проголосовавшие за партию, находящуюся на национальном уровне в оппозиции, ощущают важность своего мнения («учитывается каждый голос»). В приведенном нами примере западной интеграции избиратели СДПГ могли утешаться по меньшей мере тем, что их партия в первые годы существования Федеративной Республики была представлена в правительствах практически всех федеральных земель (это преимущество федеральных систем особенно важно для молодых демократий).

С момента объединения Германии в немецкой политике можно констатировать наличие коренных преобразований:

политика все в большей степени регионализируется, то есть все чаще мы наблюдаем конфликты между федерацией и землями, а также между самими землями.

Внутри партий представители земельного уровня все чаще оппонируют представителям федерального центра. В значительной степени снизилась способность партий в области поиска превентивных способов разрешения политических конфликтов. То есть партийные системы в землях и тем самым межпартийная конкуренция на земельном уровне все больше отличаются от своих аналогов на уровне федерации. С момента объединения Германии образцы формирования правящих коалиций на уровне земель (в том числе и в западной части страны) все в большей степени отличаются от подобных тенденций на уровне федерации. Именно в этой связи все чаще можно услышать об определенной асимметрии в межпартийной конкуренции.

На уровне земель в будущем можно ожидать более резких колебаний в пристрастиях избирателей. Эту тенденцию в направлении большей регионализации в целом нельзя расценивать отрицательно, ведь в конечном итоге исходная ситуация немецкой политики после 1990 года претерпела существенные изменения. Поэтому совершенно верно и то, что межпартийная конкуренция также стала более дифференцированной.

Продемонстрированное выше переплетение федерального и земельного уровней приводит, однако, к существенным затруднениям в области межпартийной конкуренции. А в случае, если внутрипартийные механизмы оказываются не в состоянии компенсировать различия в позициях федерации и земель, партиям становится все сложнее предлагать избирателям определенные альтернативы. Партии в значительной степени теряют свою способность находить баланс в конфликте интересов между федерацией и землями, то есть не в состоянии продолжить привычную для них ранее борьбу друг с другом.

Таким образом, если выражаться несколько утрированно, можно сделать вывод о том, что политическая конкуренция осуществляется в первую очередь не между партиями, а между самими землями, а также между землями и федерацией.

Это объясняется прежде всего резко возросшим в ходе германского объединения экономическим неравенством между землями, что в свою очередь ведет к росту различий в их интересах. Германское единство создало таким образом предпосылки для региональных и прежде всего экономических диспропорций, в значительной степени осложняющих партиям задачу по выдвижению единых и отличных друг от друга позиций, на основе которых они бы и могли конкурировать друг с другом.

Таким образом, германский кооперативный федерализм функционирует успешно лишь при условии достаточно высокой степени однородности между составными частями государства. Однако начиная с момента объединения страны, степень подобной однородности существенным образом снизилась. Учитывая к тому же необходимость принятия в рамках немецкого федерализма согласованных решений, партиям все сложнее агрегировать и артикулировать интересы различных групп общества, подобно тому, как им это удавалось, например, по вопросу о западной интеграции послевоенной Германии.

Эта дисфункция в области межпартийной конкуренции имеет институциональные причины, которые прослеживаются на примере (непреднамеренных) последствий пересечения федерального и земельного уровней.

Говоря об этом, я не ставлю перед собой цель выработки каких-либо предложений по реформированию системы германского федерализма. Эксперты демонстрируют в настоящий момент, мягко говоря, определенную растерянность в отношении огромного груза необходимых согласований в рамках этой системы. Я хотел бы прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что кооперативный федерализм может стать причиной возникновения серьезных трудностей, особенно в том в случае, когда составляющая его основу политическая и общественная однородность начинает размываться или становится нежелательным элементом.

Говоря иначе, германский кооперативный федерализм теряет свою относительную гибкость по отношению к изменяющимся рамочным условиям. С нормативной точки зрения я также не

рассматриваю германский кооперативный федерализм в качестве образцовой конструкции, именно в силу того, что при определенных обстоятельствах он может выступить в виде ограничителя межпартийной конкуренции. Таким образом, кризисное восприятие современной германской политики тесно связано с дисфункцией в межпартийной конкуренции.

Однако правомерен и другой вопрос: а действительно ли в Германии имеет место «затор на пути реформ»?

Подробные эмпирические исследования показывают, что ни одно из германских правительств до настоящего момента не реализовало на практике большего количества законопроектов, чем ассоциирующееся в общественном мнении с застоем последнее правительство Гельмута Коля. В период с 1994 по 1998 год были осуществлены в том числе и некоторые кардинальные реформы.

Реформаторская политика правительства Герхарда Шредера также показывает, что в случае глубокого осознания необходимости конкретных действий, даже в условиях германского кооперативного федерализма, возможны широкомасштабные реформы. Мое личное мнение состоит в конечном итоге в том, что образ «затора на пути реформ» используется в Германии прежде всего неолиберальными критиками нынешнего понимания устройства германского государства.

Данилов М. В.,
к. п. н., Саратовский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА (на опыте Саратовской области)

Политический режим в современной России находится в состоянии трансформации уже почти 15 лет. За это время произошли значительные, подчас революционные изменения как во всей политической системе, так и в отдельных ее сегментах, в том числе и в партийной системе. Политический режим неоднократно менялся в нашей стране: от разваливающейся социалистической командно-административной системы М. С. Горбачева через этапы «очарования» либеральной демократией и выстраивания олигархического капитализма при Б. Н. Ельцине к централизации и укреплению государственных функций В. В. Путиным. Можно даже говорить о таком феномене, как «перманентный транзит», который мы переживаем все эти годы.

В связи с этим вполне очевидно то повышенное внимание к проблеме эффективности государственной власти и управления, которое мы видим и в науке, и в обыденной политической жизни. Правда, в отечественной практике при оценке эффективности и результативности власти все еще доминируют критерии, основанные на показателях потребительской динамики. Это просматривается и в посланиях президента РФ Федеральному собранию, и в документах правительства и Думы. Между тем в современной теории организации и управления эффективность системы управления характеризуется «...действенностью системы управления, ее автономностью, степенью организованности и самоуправления, гибкостью, адаптивностью, сплоченностью коллектива организации и т. п.»[1]. Таким образом, анализ эффективности управления неразрывно связан с анализом организационных культур. Поэтому возникает естественный вопрос о вписанности в систему политических механизмов власти общественных институтов вообще и политических партий в частности.

Политические партии в федеративных государствах выполняют несколько больший круг функций, чем в странах с унитарным устройством. Помимо традиционных партийных задач вроде артикулирования и агрегирования обществен-

[1] Управление организацией. Энциклопедический словарь. М., 2001, стр. 813

ных интересов, партии в условиях федерализма играют роль своеобразных скрепляющих механизмов всего федеративного политического пространства. Люди, живущие в разных субъектах Федерации, с помощью общенациональных партий могут самоидентифицироваться не только по достаточно примитивным половозрастным или этническим характеристикам, но и по политико-идеологическим пристрастиям. Особенно важен этот аспект в деятельности партий и политической системы в условиях российского федерализма, который одновременно базируется и на территориальном, и на этническом принципах деления субъектов. Разнообразие культур, языков, религий, традиций делает Россию не только очень колоритной страной, но и таит в себе реальные опасности отдаления людей, населяющих наши регионы, друг от друга. Уже сегодня не так много общего в жизни и мыслях дагестанца, якута и русского жителя Калининградской области. В таких условиях сильные общенациональные партии могли бы стать тем самым недостающим звеном в скреплении регионов России. Одновременно партии должны быть мощным инструментом повышения эффективности государственной власти.

Все многообразие теорий эффективности можно достаточно условно свести к двум основным парадигмам. Во-первых, к менеджериальной, которая не делает особых различий между управлением в сфере бизнеса и государственным управлением. Во-вторых, к политической, основной постулат которой состоит в том, что государственное управление – это прежде всего управление политическое. И в рамках этой второй, политической парадигмы есть вполне отчетливое место для политических партий.

В политике многие дискуссии об «эффективности» – это в действительности споры о том, какие ценности правительство должно проводить в жизнь. На наш взгляд, эффективная политическая власть – это легитимная власть. Даже при хорошо продуманной организационно-управленческой выстроенности она может сталкиваться с неприятием и противодействием значительной части населения и контрэлиты. В сущности основная задача политических партий состоит в обеспечении легитимности власти. Легитимация властных действий посредством политической активности партий является одним из путей повышения эффективности государственного аппарата.

Измерение эффективности власти связано с разработкой методов измерения факторов, оказывающих существенное влияние на легитимность власти. Последние научные тенденции явно обозначили сдвиг в сторону показателей, характеризующих качество жизни, а не просто использование чисто механистических и достаточно спорных индикаторов (ВВП, ВРП). Это целый комплекс показателей: экономические отношения, социальная сфера, экологическая ситуация, политические отношения, духовная сфера. Во всех этих сферах политические партии могут и должны работать на легитимность конкретной власти в частности и политического строя вообще, обеспечивать формальную и реальную связь власти и общества. Именно в роли коммуникаторов и «легитимизаторов» политические партии должны быть интересны власти в первую очередь.

Однако в отечественной, в том числе и региональной политической практике по-прежнему чаще всего используются индикаторы, типа валового регионального продукта, роста заработной платы населения и т. д. Эти показатели достаточно удобны для властных структур, так как не выходят за рамки обычной официальной социально-экономической статистики. К тому же тенденции последних лет демонстрируют достаточно устойчивый рост по основным показателям, что позволяет рапортовать власти о своей исключительной эффективности. Например, рост ВРП в Саратовской области составлял в последние годы: 2000 г. – 13,2%, 2001 г. – 3,2%, 2002 г. – 5%, 2003 г. – 8,1%[1]. Как видим, достаточно внушительные показатели. При этом хочется обратить внимание на интересный и достаточно красноречивый факт: все эти годы уровень доверия к региональной власти снижался.

Возникает вопрос: существует ли в том процессе какая-либо роль политических партий и что они могли бы сделать в данных условиях? Ответ на этот вопрос сле-

---

[1] По информации Министерства финансов Саратовской области

дует искать, на наш взгляд, в фактической беспартийности региональной власти, как исполнительной, так и представительной. Формальная принадлежность к «Единой России» не снабжает региональный политический персонал ничем, кроме административной ресурса и эфемерного имиджа соратников президента. На деле «Единая Россия» так и не смогла предложить региональному сообществу никакой антикризисной идеологии, никакой программы действий, которая была бы принята и одобрена. По существу для избирателя не имеет значения принадлежность представителей местной власти к «Единой России» как к самостоятельной политической организации. «Единая Россия» ничего не вносит в копилку легитимности региональной власти. Этой партии так и не удалось стать той политической силой, которая объединила бы региональную элиту.

В то же время опыт иных федеративных государств, прежде всего ФРГ, напротив – свидетельствует о ведущей роли партий в политическом процессе, серьезном партийном влиянии на развитие системы государственного управления.

В современных российских условиях нет реальной партийной системы как таковой. Вообще общественные организации, которые хоть как-то пытаются участвовать в политике, находятся по большому счету в загоне. Политические партии по существу дискредитировали сами себя и вряд ли в нынешнем виде способны всерьез повысить уровень доверия населения к власти, эффективности власти. Мы находимся действительно на развилке: либо серьезное продвижение ценностей гражданского общества и ответственности власти перед ним, либо переход к жесткой административной системе, где чиновники ответственны перед общенациональным лидером. Но даже выстраивание административной вертикали, которое мы можем наблюдать сегодня, само по себе еще не способно обеспечить эффективность власти. Встраивание в эту вертикаль такой партии, как «Единая Россия», лишь облегчает продвижение президентских инициатив в регионах, но не гарантирует ответственности чиновников перед этой партией. Административная вертикаль – это лишь полумера, которая должна быть дополнена наличием сильных общенациональных политических партий. О реальной эффективности власти мы можем судить, опираясь не только на статистические показатели роста среднедушевых доходов, но прежде всего имея в виду ответственность власти перед обществом и его партиями. В условиях российского федерализма с его огромными масштабами и многообразием невозможно обеспечить эффективность власти лишь репрессивными или административными мерами.

Семыкина Т. В.,
к. ф. н., доцент кафедры «Социально-политические науки» Финансовой академии при правительстве РФ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Необходимость модернизации политических институтов и подсистем политической системы общества стала особенно насущной с приходом в 2000 году к власти нового президента РФ В. В. Путина. Транзитный характер российского общества, сложность и противоречивость хода рыночных реформ порождают новые требования к уровню управляемости и регулирования общественными процессами. Новые изменившиеся условия потребовали и дальнейшего совершенствования законодательства, приведения нормативной базы в соответствие с новыми реалиями и проведения административной реформы государственного механизма. Напомним, что правление Б. Н. Ельцина сопровождалось нарастающим кризисом легитимности верховной власти, деинституционализацией, десубординацией властных институтов, ослаблением государственной машины в целом. Крайнее ослабление государства в этот период в РФ породило такие негативные явления, как разрушение управленческих связей, рост влияния олигархов и медиамагнатов, коррупцию и беззаконие.

В 2000–2003 годах политические реформы в России осуществлялись в нескольких направлениях:

- возвращение части власти в центр;
- восстановление властной вертикали в управлении регионами;
- ограничение всевластия губернаторов на местах;
- понижение статуса региональной элиты;
- рост присутствия военных во властных структурах.

Сентябрьский (2004 год) старт новых радикальных подходов президента РФ В. В. Путина к созданию новой политической модели в России можно расценивать как комплексное, системное реформирование государственной власти в стране. В системе различных мер по укреплению политической власти в России можно выделить следующие два главных направления:

1) укрепление вертикали политической власти, усиление государственных институтов;

2) развитие гражданского общества: образование Общественной палаты.

В новой системе политической власти принципиальные изменения касаются, во-первых, процедуры формирования Государственной Думы только по партийным спискам, отказ от выборов по одномандатным округам и введение пропорциональной избирательной системы. Во-вторых, изменение принципа прямой выборности губернаторов и введение новой системы формирования региональных органов власти.

Суть новой системы выборов – в регионах, где высшие должностные лица региона должны теперь избираться не прямым голосованием, а законодательным собранием региона по представлению кандидатур из федерального центра. Заметим, что избрание глав регионов местными законодательными собраниями по представлении президента РФ не противоречит Конституции РФ. Кроме того, в начале 90-х годов в российской действительности также имела место практика, когда главы субъектов Российской Федерации назначались президентом Б. Н. Ельциным. Такой шаг, когда законодательный орган в регионе одобряет предложенную президентом РФ кандидатуру, представляет собой попытку отладить механизм исполнительной власти, сделать его более четким и действенным, очистить местные органы власти от коррупции, оздоровить в нравственном отношении, улучшить качественный состав региональной элиты.

В царской России, как хорошо известно, губернаторы также назначались верховной властью и, очевидно, это – российская специфика, обусловленная необходимостью эффективного управления громадными евразийскими пространствами.

Российские избиратели, в большинстве своем игнорирующие региональные выборы, в ходе социологических опросов тем не менее демонстрируют стойкую приверженность демократическим ценностям.

Что будет означать для партийной системы РФ переход к пропорциональной системе выборов в Государственную думу РФ?

Эта мера, по замыслу ее авторов, способна сформировать в стране эффективный «партийный рынок», а если еще точнее – то речь идет о формировании нескольких (четырех-пяти) крупных партий. Встает вопрос: какая из политических партий способна оказаться в выигрыше?

Как считают в Центризбиркоме, переход к выборам только по партийным спискам уменьшит число депутатов от «партии власти». ЦИК и фракция «Родина» произвели любопытный подсчет: если бы на парламентских выборах 2003 г. действовала только пропорциональная система, то в нынешнем составе Государственной думы РФ партия «Единая Россия» имела бы всего немногим более двухсот депутатских мест.

В каком направлении может пойти дальнейшая перестройка партийной системы в России? Это покажут время и выборы в Государственную думу РФ образца 2007 г. Тем более что, по замыслу авторов реформы избирательной системы, эпицентр предвыборных баталий должен сместиться в сторону борьбы политических партий, а не отдельных кандидатов. Напомним, что одним из веских аргументов в пользу изменения избирательной системы послужило именно усиление роли и значимости политических партий в общественно-политической жизни России.

Последние инициативы президента РФ В. В. Путина свидетельствуют о

возрастании внимания к вопросу о создании крупных институтов гражданского общества. Предложенное им создание Общественной палаты при Государственной думе РФ отражает заботу главы государства о ростках гражданского общества в России. Суть проекта в том, чтобы сгруппировать все общественные инициативы и гражданские организации. Им предлагается стать своего рода народными контролерами и экспертами вносимых на рассмотрение в Государственную думу РФ законопроектов. Получается, что государственная власть «сверху» помогает организациям гражданского общества «встать на ноги» и окрепнуть, утвердиться и усилить свое влияние на государственные структуры. Эта идея сотрудничества организаций гражданского общества и государства весьма продуктивна в практическом и общественно-политическом плане.

Президент РФ В. В. Путин считает, что в идеале такая организация гражданского общества, как Общественная палата, сможет контролировать работу, в том числе правоохранительных органов и спецслужб. Правда, пока это лишь рамочный проект. Известно, что Общественная палата будет создана при Государственной думе РФ и должна обеспечить необходимый уровень поддержки всех намечаемых мер и одновременно контроль граждан над их выполнением. Это своего рода «подтягивание» гражданского общества до европейского уровня.

Президент РФ В. В. Путин всегда считал Россию органической и составной часть европейской цивилизации. Образование Общественной палаты предусматривает обсуждение ею гражданских инициатив и проведение общественной экспертизы важных решений, имеющих общенациональное значение. В. В. Путин особо подчеркнул, что «речь идет о контроле граждан за работой госаппарата, включая спецслужбы».

Понятно, что ее роль в общественно-политической жизни, влияние и вес будут определяться персональным составом и полномочиями. Пока во всех этих вопросах мало ясности: кто именно будет их определять, каковы будут критерии отбора общественных организаций, на что реально сможет влиять Общественная палата при выработке решений, имеющих общегосударственное значение. Но самое главное – как будет осуществляться общественный контроль на региональном уровне за деятельностью назначаемых, а не избираемых напрямую губернаторов? Все эти вопросы еще ждут своей практической проработки. Ясно одно, что диалог с властью в лице Общественной палаты при Государственной думе РФ необходимо вести гражданскому обществу. Весь вопрос в том, насколько само гражданское общество готово к деловому партнерству?

Соловьев А. И.,
д. п. н., профессор, зав. кафедрой политологического анализа МГУ им. М. В. Ломоносова

ТЕХНОЛОГИИ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЗОНАНСЫ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Эволюция любых политических систем всегда предполагает достаточно тонкое сочетание стихийных и сознательно конструируемых процессов. Причем по понятным причинам переходные общества в еще большей степени зависят от выбираемой властями стратегической линии, курса политического руководства. Именно эта искусственно выстраиваемая правящим классом модель становится решающим фактором выбора институтов и введения норм, определения форм и каналов коммуникций власти с населением, установления других элементов политической системы. Соответственно с выбранным курсом меняются перечень решаемых властью задач, набор функций политических институтов, формы организации государства и прочие параметры политического пространства.

Правда, Россия, как никакая другая страна, демонстрирует приверженность привычной для себя «сквозной» логике властвования, не отходя далеко от привычной для нее патерналистско-авторитарной модели. Жизненные циклы «отте-

пелей», «перестроек», «демократизации» и других временных послаблений и отступлений власть имущих со своих позиций со временем становятся все краткосрочнее, подготавливая почву для появления новых политических директорий.

Возможно, такая тенденция является следствием какого-то органического (независимого от его идеологических преференций) поражения политической оптики правящего класса, которому плюральность и несовпадающие с его позициями мнения представляются угрозой существующему порядку вещей, для которого непереносима оппозиционность, враждебна сама идея социокультурного разнообразия общества. Впрочем, даже предположение о внутренней непримиримости элит к «чужому» и «инородному» не позволяет забывать, что массовые настроения и культурные стереотипы (в том числе и низовой российский анархизм) также программируют социальную среду для такого типа развития. В этом смысле можно утверждать, что «авторитаризм» – это не только наиболее удобная и приемлемая для властей матрица существования их ценностных ориентаций, но и прямой результат соучастия населения в строительстве форм государственного правления. И именно эта авторитарная начинка политического мировоззрения той и другой части населения заставляет и следующие поколения видеть в сильном государстве форму жесткого доминирования верхов, предпочитать идеологии стейтизма разнообразные этатистские версии, тяготеть к построению монополизирующих политическое пространство государственных структур.

Наличие этой непреходящей традиции в эволюции российской политической системы, постоянно воспроизводящегося механизма соскальзывания власти к жестким формам политического диктата заставляет с большим пониманием относиться к происходящему сегодня. Ведь очевидно, что, несмотря на все вполне определенные по своему идеологическому контексту меры (в частности, по централизации политической системы), действующий президент не позволяет власти сползти к еще более консервативным формам правления, способным полностью вывести население из диалога с правящим классом. Ведь не только в правящем классе, но и в политической команде президента, его ближайшем окружении весьма много сторонников ярко выраженной консервативно-силовой формы правления, наведения жесткого социального порядка в стране.

Конечно, борьба различных сегментов политической команды президента показывает, что правящий режим сегодня все еще находится в точке выбора, месте определения своего стратегического курса. Так что, даже демонстрируя весьма прагматические преференции (но сохраняя при этом противоборствующие сегменты в ближнем и дальнем окружении лидера), режим как бы «завис» в определении политики будущего.

В то же время в формате текущей деятельности властью осуществляется ряд мер, которые по своему значению и могут стать тем балансиром, который предопределит вектор политического курса. В данной связи прежде всего речь идет о регулировании политико-административных отношений, составляющих подлинный нерв нынешней эволюции политической системы России.

В целом, как известно, управление государством всегда является атрибутом осуществления политической власти. Тот режим, что лучше управляет, политически более устойчив и стабилен. Однако, собственно, управленческие задачи нередко носят для политических режимов вспомогательный или, условно говоря, технический характер. Особенно тогда, когда необходимо в первую очередь укреплять доминирующие позиции той или иной части правящего класса. Помнится, КПСС, заботясь об идеологическом имидже своей власти и подавлении враждебных ценностей, так и не смогла стать хорошим управленцем. Что и привело ее к незавидному концу.

Сегодня же мы видим, что правящий режим обратил свой взор именно на структуры государственного управления, пытаясь сформировать системные очертания механизма принятия решений за счет изменения характера и стиля деятельности административных структур. С политической точки зрения это глубоко понятно. Во-первых, высокий рейтинг президента и как минимум четырехлетний лаг его правления позволяют упрочившей свое положение власти решать крупные социальные вопросы. Во-вторых, повышение качества управленче-

ской подсистемы или как минимум снижение ее коррупционных перегрузок само становится политической задачей, от решения которой начинают зависеть и имидж государства, и судьбы всей политической команды.

Третьей причиной повышения интереса к системе государственного управления я бы назвал необходимость выбора правильной для правящего слоя конфигурации политической и административной элиты. Другими словами, в связи с интенсивно меняющимися обстоятельствами власти просто необходимо провести внутрикорпоративный передел в этой сфере влияния.

Думается, серьезной причиной акцентирования внимания власти к административной стороне дела является и то, что президенту не удалось договориться с бюрократией о реализации политической линии, так или иначе задействующей концепт «национальных интересов». Но самое главное – это потребность в установлении механизма, гарантирующего сохранение долгосрочной преемственности нынешней власти (вспомним уже прозвучавшие из уст президента слова про будущго «наследника»). Так что и в перспективном, и в текущем формате с бюрократией надо решать серьезные политические и электоральные задачи. И хотя государственная машина вроде бы исправно работает на сторонников президента и сегодня, совершенно очевидно, что полностью взять под контроль управленческий аппарат и особенно его региональные сегменты пока не удается. Да и переговорные технологии нередко натыкаются на стремление чиновников (помимо претензий на контроль над определенной частью крупного бизнеса) самостоятельно решать и некоторые политические задачи.

Как показал опыт, ни институт представителей президента, ни политические назначенцы Кремля как инструмент контроля над чиновничеством не обеспечили должной эффективности по части управления этой группой неизбираемой элиты. Иными словами, аппарат государственного управления стал мало управляем с чисто политической точки зрения. Договорные, неформально-консесуальные методики оказались слишком слабыми, чтобы снизить коррупцию и вообще предотвратить коммерческие подходы госбюрократии к осуществлению своих обязанностей, добиться исполнительности и дисциплинированности чиновников по установлению более устойчивого порядка и управляемости обществом.

Так или иначе, но акцентация, собственно, административной проблематики в деятельности правящего режима показывает, что политическая система основывается на слабом, в чем-то даже несостоявшемся государстве как институте интеграции общества и поддержания социального порядка. Ни для кого не секрет, что современное государство исключительно слабо выполняет свои функции по обеспечению безопасности граждан, их социальной мобильности, выполнению своих материальных и финансовых обязательств перед населением. Не случайно и в самом аппарате видны многочисленные структурные пробелы, низкая мотивация госслужащих, невысокий профессиональный уровень и т. д.

Так что, выдвигая перед собой цель административной реформы, режим абсолютно верно и правильно оценивает сложившуюся в стране ситуацию. И даже вводя неоднозначную (трехзвенную) систему государственного управления или не до конца просчитав последствия шагов по армейской реформе или реформе ЖКХ, режим начинает действовать в нужном для страны направлении. В любом случае данная активность властей вполне оправданна (хотя и ряд результатов может оказаться далеко не таким радужным). Однако в этом своем рвении правящие круги переходят одну, но весьма существенную грань. Ведь одно дело, когда усиливается политическое влияние на аппарат с целью создания для чиновничества необходимых для будущего развития границ и ориентиров деятельности (причем в данном случае Путин не остановился даже перед использованием механизмов судебного преследования чиновников, конечно, в основном нижнего и среднего уровня, чтобы такими действиями не поколебать всю систему договорных отношений с ельцинскими кланами). И совсем другое дело, если происходит абсолютизация этих подходов.

К сожалению, уже сейчас можно наблюдать, как режим, пытаясь повысить управляемость своим административным крылом, распространяет методы централизации и на поле политических отношений, на сферу коммуникаций со своими

основными политическими контрагентами. Причем в данном смысле большинство действий режима связано с односторонним усечением прав населения и резким повышением контроля за его политической активностью. И прежде всего это предполагает вытеснение с политического рынка всех сколь-нибудь существенных форм политического протеста. Что особенно хорошо заметно в отношениях с крупным бизнесом, которому на примере с ЮКОСом наглядно показали все политические условия сохранения им собственности и безопасности.

С другой стороны – важно видеть и то, что в конечном счете все попытки назначения глав региональных администраций или же замены мажоритарной системы выборов на пропорциональную существенно трансформируют всю систему принятия государственных решений. И прежде всего за счет того, что минимизируют и устраняют в этом механизме контакты власти с непосредственными носителями гражданских интересов. В этом смысле власть претендует на универсальную проблематизацию и адекватное решение любых – региональных, местных, межгрупповых и прочих социальных конфликтов. Эти претензии на монополизм и гигантизм управленческих функций центральной власти, казалось бы, давно опровергнуты историей. Однако выясняется, что такие подходы вполне жизнеспособны в качестве политического проекта.

Пытаясь реализовывать эти задачи, режим пытается (и точечно, и в целом) управлять политическими контактами с бизнесом, солировать на партийном (например, за счет создания из госаппаратчиков «партии власти» – «Единой России») и медиарынках, контролировать гражданские структуры, усиливать зависимость от центра региональных партнеров и т. д. Другими словами, власти замахнулись на поистине исторические цели: подменить собственной активностью активность всех своих политических партнеров. Если же говорить более строго, то становится очевидным, что политизация государственного управления (как вполне естественный процесс ориентации аппарата управления) постоянно трансформируется в процесс управления политикой (предполагающий перехват представительских функций у населения и бизнеса, пренебрежение мнением гражданских контрагентов и торможение политической активности гражданского общества). По сути режим не хочет ждать, пока граждане естественным для себя образом выстроят снизу отношения с властью, бизнес обретет понимание социальной ответственности, оппозиция выберет более миролюбивые методы оппонирования и т. д. Поэтому режим и давит на всю политическую систему исключительно административными рычагами. В результате формируется механизм принудительного администрирования и огосударствления политической системы. «Совершенствуя» же таким образом систему управления государством, режим резко повышает политические риски для всей системы власти.

Если говорить более обобщенно, то можно констатировать, что демократическая форма организации политической власти начинает все больше и больше демонстрировать свою несовместимость с предлагаемой системой управления сложносоставным российским обществом. В результате и в обществе, и в системе управления нарастают разнообразные разломы и противоречия, создаются узлы напряжения. В конечном счете можно утверждать, что на наших глазах режим «управляемой демократии» трансформируется в «административный режим», где демократия переходит в стадию полураспада и постепенного вытеснения из политической жизни российского общества.

И если сегодня взаимоотношения административного и политического компонентов начинают разрушать демократические очертания системы власти единого государства, то в дальнейшем их подобная эволюция может иметь совсем иные последствия. Ведь пусть и постепенное, но неуклонное накопление людьми социальных ресурсов и капиталов, глобализация и информатизация политического пространства, а также неизбежное усиление позиций демократических режимов в других странах неизбежно продемонстрируют людям узость предлагаемых им сегодня каналов политической коммуникации с властью. И тогда единая форма государственного устройства власти и общества может испытать системные потрясения. И в таком случае начнут «сы-

паться» не демократические нормы и институты, а формы обустройства единого государства.

Но даже не принимая в расчет этой угрожающей возможности, надо видеть, что при предлагаемой действующим режимом логике реформации политической системы последняя становится еще более структурно неравновесной, сохраняющей способность к внезапным потрясениям и переворотам. Другими словами – укрепление административной вертикали, ведя к минимизации политического компонента, сосредоточивает потенциал этой формы (уровня) общественного регулирования исключительно в высших слоях общества. Политика ужимается до политиканства, формы узкогрупповых контактов правящего слоя, а публичность политического дискурса уступает место сугубо теневым технологиям согласования интересов. Оторванные строго централизованным механизмом управления от своей социальной базы правящие круги вместо политически легитимирующих механизмов стабилизации своего положения получают в распоряжение лишь процедуры и технологии внутрикорпоративного толка. Так что любая, возможно, даже незначительная флуктуация внутри правящего класса способна включить реверсивные механизмы власти, поменяв местами его различные сегменты и образования.

Практика же в свою очередь давно показала, что даже незначительные конфликты в высших эшелонах власти способны масштабно резонировать во всем политическом пространстве. Так что, несмотря на внешнее усиление позиций действующего режима, на деле вся политическая система становится более уязвимой для внешнего и внутреннего воздействия. Причем заложником такого положения становятся не только ныне находящиеся у власти круги, но общество в целом, поскольку при возможном перепозиционировании мощных консервативных кругов оно способно потерять последние реальные ресурсы и свободы.

Надо видеть и то, что чрезмерная, несоответствующая мультинациональному и поликонфессиональному строению российского общества централизация административной составляющей системы власти уже сейчас создает предпосылки, сужающие саму базу государственного управления. Более того, тем самым создается основа для выключения самих политических технологий из процесса принятия решений.

Нельзя не упомянуть и о том, что деполитизированные, то есть корпоративные технологии трансформации власти способны выхолостить и позитивный смысл самой административной реформы, сведя, к примеру, все ее содержание к банальному переключению бюджетных потоков с одной бюрократической группировки на другую.

На мой взгляд, существуют и еще даже более значительные последствия того курса по формированию политической системы, которую предлагает правящий режим. Речь идет о создании структурных предпосылок для складывания неономенклатуры, то есть целостного, закрытого об общественности слоя, контролирующего все рычаги власти и управления. По сути это кадровые последствия централизации госуправления и монополизации положения исполнительной ветви власти, бюрократизации партий и деформации системы представительства гражданских интересов, усиления роли силовых структур, легализации связей представителей законодательной и исполнительной власти и т. д. Причем не последнюю роль в этой гомогенизации высшего социального слоя играют криминальные и теневые альянсы элит. Так или иначе, но такие социальные метаморфозы отрывают верхи от общества и снижают формы контроля последнего. Причем эта формирующаяся социально-деловая сеть чиновников и политиков если и способна выдержать какие-то текущие политические испытания, то в любом случае неспособна выдержать испытания временем, то есть в длительной перспективе сохранить свое положение и стабильность общества.

Существуют ли выходы из ситуации с учетом установившейся тенденции к закрытости правящего слоя? Думается, что выход не в активизации задавленного административным гнетом гражданского общества, а в плюрализации элит, структурном и социальном «разжижении» корпорации управляющих. Гомеостазис, повышение сплоченности правящих кругов – самое страшное для общества, сохраняющего надежды на демократическое переустройство политической системы.

Завьялов В. Т.,
к. ф. н., доцент кафедры «Сациально-политические науки» Финансавой академии при правительстве Российской Федерации

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ САМООРГАНИЗАЦИИ И ПРОГРЕССА ОБЩЕСТВА

Самоорганизация в широком значении слова характеризует процесс возникновения, функционирования и развития к определенной цели новой системы общества. В политической самоорганизации российского общества активную роль играет политический режим, осуществляющий политическую модернизацию. Развиваются и функционируют новые как активные, так и пассивные элементы политической системы. Их различная структурированность и неравновесное соотношение создают условия функционирования двух моделей самоорганизации – неорганизованной и организованной политических систем.

В настоящее время в России функционирует первая из них. Она отличается отсутствием целостности политической системы, преобладанием авторитарно-олигархического политического режима, неразвитостью гражданского общества и партийной системы и, следовательно, неспособностью политического режима результативно отвечать на требования различных групп интересов.

Неорганизованная политическая система характеризуется слабой самоорганизацией, конфликтностью и кризисным состоянием ее элементов, преобладанием застойных, а порой и регрессивных политических процессов. Прогрессивные политические процессы слабо выражены, и как следствие в обществе отсутствует четко обозначенная перспектива политического прогресса.

Эволюция гражданского общества и новой партийной системы в России кладет начало превращению неорганизованной политической системы в организованную, которая отличается целостностью, способностью к саморегулированию и эффективностью исполнения управленческих решений, а также согласованием интересов различных групп и стабильностью развития. Для нее характерно преобладание прогрессивных политических процессов над застойными и регрессивными процессами. В данной модели четко выражены политические идеалы и перспектива развития общества. Изменяется соотношение между хаосом и порядком в пользу политического порядка, обеспечивающего выполнение всеми элементами политической системы своих функций, а также свободу и развитие граждан. Тем самым политическая система развивается динамично и прогрессирует в новую разновидность – демократическую систему.

Главным критерием политической самоорганизации можно назвать объем представительства большинства «групп интересов» в системе властвования и управления обществом, вовлеченности их в политические процессы, развитости партийной системы и регулярной сменяемости носителей власти. На политическую самоорганизацию большое влияние оказывают исторические, социокультурные, экономические и внешние факторы развития общества, а также структура политического режима и целеполагание политических процессов.

Становление организованной политической системы необходимо соотносить с прогрессом общества. В противном случае невозможно отличить различные модели политической самоорганизации в современной России и очертить типы политических процессов. Этому не способствует также и сохраняющаяся конъюнктура в отношении возможности политического прогресса современной России, которая приобретает скрытый и глубокий смысл.

В самом деле, в политической науке и практике сохраняется тенденция подмены понятия «политического прогресса» понятиями «развитие» и «процесс». Так, ежегодные статистические данные об успехах развития экономики по сравнению с прошлыми годами СМИ и члены правительства оценивают положительно и оптимистично. Но статистика умалчивает о том, как эти промежуточные показатели экономического и социального развития влияют на качественное состояние разных сфер общества. Ведь на деле

продолжается рост социальных рисков, подрывающих устои российского государства и российской цивилизации, тормозящих прогресс современной России.

Прогресс направлен на совершенствование идеалов общества и каждого человека, и он всегда исторически измеряется критериями гуманизма, нравственности, добра и социальной справедливости. Определяющая роль в прогрессирующем развитии России принадлежит политическому прогрессу, направленному на сохранение и развитие российской цивилизации, в условиях которой возможно возникновение и функционирование качественно новых элементов в политической и экономической системах, политической культуре общества, ускорение процессов самоорганизации и эффективное управление обществом, развитие и гарантированность прав и свобод граждан, контроль гражданского общества над властью.

На политическую модернизацию в современной России большое влияние имеют и результаты проводимой экономической реформы. Приватизация государственной собственности и развитие института частной собственности сопровождались сохранением и даже усилением негативных тенденций: коррумпированностью в структурах власти и экономической преступности в обществе, масштабом теневой экономики и ослаблением роли законодательства и принудительных функций нового российского государства. Политическая модернизация и экономическая реформа осуществляются в условиях не усиления, а ослабления роли государства в регулировании социально-экономических отношений (речь не идет о вмешательстве государства в дела ФПГ и других субъектов собственности). По существу основные функции государства в политической, экономической, социальной и духовной сферах не достигают своих целей.

Какими же чертами характеризуется политическая модернизация в России?

1. Вместо политического плюрализма в обществе превалирует односторонний подход к результатам политической модернизации и экономической реформы, предопределенный подбором кадров. Те кадры, которые пытались полемизировать с окружением главы государства и показать иное видение проблем развития политической системы, исключаются из правящей элиты. «Чужакам» даже с очень развитым интеллектом не находится места в президентской системе власти. А мнения и рекомендации независимых экспертов и ученых, особенно по линии РАН и российских вузов, игнорируются властью.

2. Вместо института разделения властей на основе «сдержек и противовесов» мы видим сохранение той же вертикали центральной власти, которая сложилась в России до 1917 г. и в период советской власти. Как тогда, так и теперь налицо нерасчлененность государственной власти, хотя по Конституции страны она таковой не является. Глава государства контролирует различные ветви власти, а контроль ветвей власти друг за другом фактически сохраняется в минимальных проявлениях, особенно со стороны судебной власти. Так, причины дефолта 1998 г. в России по существу не стали рассматриваться в Генеральной прокуратуре России. А публичная попытка выяснения причин дефолта обернулась увольнением с должности тогдашнего генерального прокурора России.

3. В процессе политической модернизации еще не произошли качественные изменения состава политической элиты. Модернизационный процесс осуществляется под руководством бывших номенклатурщиков периода горбачевской перестройки и ельцинской команды. В последнее время ситуация стала изменяться. В правящей элите увеличивается доля представителей частного бизнеса и квалифицированных менеджеров. Но в целом важнейшие политические и экономические решения власти принимаются закулисно в «коридорах власти», без учета принципа обратной связи в системе управления обществом.

4. В ходе приватизации государственной собственности не произошло отделения власти от собственности. Собственность и власть сосредоточены преимущественно в руках немногих, получивших название «кланов», которые относятся к модернизации инструментально с учетом своих узкогрупповых интересов в ущерб общегосударственным. Процесс демократизации политической системы ими рассматривается прагматично, и его механизм используется для прохождения своих представителей в различные ветви власти, например, посредством избирательных кампаний, преимущественно в

Государственную думу и выдвижения в администрацию президента РФ. Этому способствуют и сохраняющиеся изъяны в избирательной системе, страдающей многочисленными фактами подтасовок и вброса незарегистрированных бюллетеней при подсчете голосов.

Новая политическая система в России многими исследователями характеризуется как олигархическая или олигархически-клановая. Данная особенность указывает на нерасчлененность деятельности государственных органов и различных «кланов», опосредуемой деятельностью многих государственных чиновников.

5. Названная трактовка российской политической системы не случайна. Она отражает реальный процесс ее становления под влиянием сильной суперпрезидентской власти вместо полупрезидентской власти, обозначенной в Конституции 1993 г. Нынешний политический режим в России сконструировал политическую систему, не полностью соответствующую процессам ее демократизации. Российские политологи Л. Шевцова и И. Клямкин данный режим обозначают понятием «внесистемного политического режима», который не в состоянии осуществить эффективное решение задач политической модернизации. Именно политический режим не обеспечивает самоорганизацию политической системы по типу организованной системы.

6. В самоорганизации политической системы сохраняется значительное влияние неформальных институтов, обслуживающих интересы олигархов или «кланов». «Верховенство права» и законность в обществе еще не торжествуют. Сохраняется произвол или «групповой сговор» между представителями государственных органов и отдельными олигархами, преследующими как общие, так и специфические интересы в принятии управленческих решений. В самоорганизации не просматривается ведущая роль правоохранительных органов в обеспечении законности и правопорядка, без чего невозможно утвердить общие «правила игры» для субъектов политики.

7. Важно отметить, что в России не произошли крупномасштабные изменения в пользу демократизации общественной жизни и контроля населения за деятельностью органов власти. На этом фоне политический режим проявляет стремление неправовым путем подчинить себе или «прибрать» к своим рукам СМИ и печать. Мы видим усиление тенденции возрастания роли «партии власти» в Федеральном собрании в целях оттеснения в «тень» разноликую оппозицию. Вместо многопартийной системы в стране фактически образуется мнимая двухпартийная система с несколькими зависимыми партиями и беспомощной оппозицией.

8. Сохраняются политическая пассивность и апатия многих слоев общества. Их активность в процессах самоорганизации политической системы невелика. Тем самым политические партии по существу не имеют социальной основы борьбы за свои интересы и они в основном выражают узкогрупповые интересы.

В свете показателей процесса демократизации, уровня жизни большинства населения и снижения показателей социально-экономического развития за последние 12 лет нам думается, что в России преобладают политические процессы застойного и регрессивного типов, порожденные системой неэффективного управления обществом. Это стало следствием просчетов в политике власти в начале либерализации экономической и социальной сфер, не обеспечившей создание эффективных демократических институтов власти и системы социальных гарантий разным поколениям людей как связывающего звена между провозглашенным социальным государством и рынком. До сих пор в «коридорах власти» сохраняется предубеждение о том, что «реформаторы» знают то дело, которое возглавляют. Обратная связь в системе управления обществом ими почти не принимается в расчет. Только в начале XXI в. в этом аспекте мы наблюдаем положительные подвижки. Административная реформа дает шанс на изменение обозначенной тенденции.

Превращение неорганизованной политической системы в организованную во многом определяется особенностями партийной системы и политической культуры правящей элиты и населения. По мере изменений в партийной системе и в политической культуре правящей элиты неизбежна политическая борьба между ее группировками по проблемам прогрессирующего развития общества. Во-первых, возможно обострение внутриэлитных конфликтов по задачам закрепления прогрессивных тенденций в по-

литическом режиме страны. Возможно обострение политических конфликтов между властью и обществом из-за отрицательных результатов проводимой политики. В центре внимания станут проблемы развития правопорядка в стране и развитие экономической, социальной и духовной сфер общества, эффективность которых напрямую сказывается на функционировании политической системы. Во-вторых, приверженность различных групп общества демократическим ценностям происходит не на пустом месте, не путем нарушения связей между поколениями людей. Подъем жизненного уровня населения будет способствовать динамичному экономическому развитию и закреплению основ самоорганизации. Здесь недопустимы просчеты в политике власти. И, естественно, нужны иные критерии динамичного развития политической системы общества.

Кривогуз И. М.,
д. и. н., профессор

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНЖЕНЕРИЯ НЕОРЕФОРМАТОРОВ (2000–2004 гг.)

Одним из важных направлений стратегии и деятельности возглавляющих президентом неореформаторов является непосредственное участие государства в конструировании партий, партийной системы и других элементов еще не сложившегося гражданского общества. Эта общественно-политическая инженерия существенно отличается от функций государств, контролирующихся гражданским обществом. Она отличается и от различных вариантов общественно-политической инженерии, которой занимаются власти многих развивающихся стран.

Считая, что в РФ имеются только начала гражданского общества, неореформаторы стремятся содействовать их развитию. При этом В. Путин полагает «невозможным и даже опасным пытаться создавать гражданское общество «сверху». Сознавая, что необходимые для гражданского общества качества граждан невозможно ввести указом, неореформаторы полагают, что «гражданского общества в России пока нет, институты его только складываются. Надо 30–40 лет для того, чтобы вырастить в обществе эту новую культуру»[1].

Конечно, появление гражданского общества может быть только следствием коренной модернизации общественного сознания и поведения большинства граждан. Решающее значение имеют расширение и углубление рыночных отношений, которые при всем их несовершенстве в РФ постепенно перемалывают пережитки архаичных и советских взглядов и настроений. Но еще многое мешает гражданам на собственном опыте убеждаться в преимуществах изменения образа жизни. Процесс освоения гражданами свобод и прав, приобретения умения использовать их идет гораздо медленнее перемен в государственном устройстве и экономике.

Однако невозможность повысить эффективность власти без активной поддержки большинства граждан побуждает президентскую команду административными способами ускорять формирование организаций, подобных элементам гражданского общества. Начало было положено еще в середине 90-х годов созданием движения «Наш дом – Россия».

Но к 2000 году административными способами, уклонением от идейных разногласий и приданием необходимым реформам привлекательного для широких слоев облика, а также увязкой преобразований с обеспечением безопасности граждан неореформаторам удалось создать разнородное, но более организованное и устойчивое большинство сторонников продолжения преобразований. При традиционной персонификации политики надежды этого большинства были возложены на нового президента, доверие к которому стало основным политическим капиталом неореформаторов.

Это стало важнейшим условием, позволившим президентской команде добиться создания партии «Единая Россия» путем объединения движений «Единство» и ОВР. Сочетание организационно-массо-

[1] Политический журнал. 2004, № 4, стр. 14

вой работы, административных ресурсов и прямой президентской поддержки позволили этой партии, избегая идеологической определенности, обеспечить себе поддержку более трети избирателей на выборах депутатов Государственной думы в 2003 году, объединить свыше 2/3 депутатов новой Государственной думы и способствовать оглушительной победе В. Путина на президентских выборах 2004 года. В немалой степени этим успехам способствовали административные усилия президентской команды по дискредитации и расколу непримиримой оппозиции, а также неспособность либералов-рационалистов опираться на реальные взгляды и чувства основной части населения.

Однако получившаяся партийная система не удовлетворяет неореформаторов. Ими, в частности президентом, отмечается низкое качество партий. Даже самые крупные из них не могут обеспечить общественно-политическое единство РФ. Очевидна неспособность «Единой России» эффективно содействовать продолжению преобразований в субъектах Федерации. Стимулирование развития и усиления партий путем введения их монополии на выдвижение кандидатов в депутаты законодательных органов и разрешения высшим чиновникам вступать в партии не может стать эффективным без активизации организационно-политической и идеологической работы среди населения самих партий.

Ближайшее будущее партийной системы более всего зависит от нескольких обстоятельств. Во-первых, от способности «Единой России» преодолеть с практической деятельностью идеологическую аморфность, окрепнуть организационно и стать самостоятельной политической силой. Во-вторых, от превращения непримиримой оппозиции в конструктивную. В-третьих, от способности власти социально-экономическими мерами обеспечить расширение базы, а также идеологическую поддержку общественно-политической инженерии. Наконец от способности государства «передавать негосударственному сектору функции, которые государство не должно или не способно эффективно выполнять» («Российская газета», 27.05. 2004 г.), а также от способности этого сектора перенять и эффективно выполнять такие функции.

Президентская команда стремится определить место и функции всех общественных организаций – от профсоюзов, союзов предпринимателей до различных конфессиональных общин, активизировать их позитивную деятельность и обеспечить поддержку ими курса неореформаторов. Кроме работы администрации президента с каждой группой этих организаций и крупнейшими из них, осенью 2001 года по инициативе президента был проведен гражданский форум. Эта попытка преодолеть отчужденность между обществом и властью и наладить их диалог в рамках характерного для авторитаризма «сотрудничества общества и государства» надежд не оправдала. Но она способствовала активизации некоторых общественных организаций, повышению внимания к ним властей отдельных субъектов Федерации, появлению в немногих регионах совещательных общественных палат при органах власти.

Продолжением общественно-политической инженерии в этом направлении стали рекомендация президента создавать такие палаты во всех субъектах, его предложение сформировать федеральную Общественную палату и указ, обеспечивший государственное финансирование правозащитных организаций.

В конечном счете судьба партийной системы, как и формирование гражданского общества в целом, зависит от модернизации общества – либерализации сознания и поведения населения, его гражданской консолидации. Масштабы и темпы этого процесса определяются не столько общественно-политической инженерией, сколько эффективностью социально-экономических преобразований и их идеологической поддержкой. Опережение общественно-политической инженерией обусловленного переменами в жизни населения процесса созревания гражданского общества чревато отрывом власти от реальных возможностей общества, более значительным, чем случившийся с движением «Наш дом – Россия» в недавнем прошлом. Даже если этого не случится, то все же остается вопрос: сможет ли государство создать гражданское общество, способное это государство контролировать? Без контроля общества над государством может получиться только имитация гражданского общества.

Кулинченко А. В.,
к. ф. н., доцент кафедры «Социально-политические науки» Финансовой академии при правительстве Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ПРОЦЕССЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

Сегодня в России особую актуальность вновь приобрели рассуждения о построении «вертикали власти». Одни понимают ее как необходимое средство обеспечения единства, силы и эффективности государственной власти. Другие – как вынужденную и временную меру, вызванную террористической угрозой. Третьи – как злонамеренные действия существующей власти, направленные на свертывание демократии в России, подрыв ее неокрепших демократических институтов и традиций.

Люди, которые непосредственно осуществляют подготовку, принятие и реализацию политико-управленческих решений, в первую очередь концентрируют свое внимание на структуре и процедурах государственного управления, на проблемах организации властных структур и их взаимодействия в процессе решения стоящих перед обществом задач. Другая часть общества склонна смотреть на проблему с точки зрения полноты реализации собственных прав и интересов, с точки зрения обеспечения общественных свобод.

Важная задача науки, экспертного сообщества состоит в объективном и всестороннем анализе общественных проблем, способном уберечь властные институты от принятия губительно односторонних решений и мер.

Одной из форм такой односторонности является попытка свести повышение эффективности власти лишь к обеспечению единства системы властных органов и центров управления. Едва ли могут быть сомнения в том, что в едином государстве власть должна быть едина, в том числе и власть исполнительная. Это действительно один из источников силы власти. Но одного источника недостаточно. Сила может обернуться бессилием, если единство власти трактовать исключительно как централизацию и укрепление иерархии властных органов.

Следует выделить два важных аспекта проблемы. Во-первых, организация единой системы властно-управленческих органов не означает, что все без исключения решения и действия нижестоящих уровней управления предопределены распоряжениями вышестоящих. Такой тотальный контроль в сложной системе невозможен.

Второй важный аспект рассматриваемой проблемы заключается в том, что действенность власти обусловлена не только единством построения и функционирования государственных органов, их правильной организацией и эффективным взаимодействием. Современному демократическому обществу свойственно видеть силу власти в ее неразрывной связи с народом: в формировании власти на основе свободных выборов, в политике правящих сил, направленной на реализацию общенародных интересов, в существовании действенных механизмов общественного контроля за властью, наконец в поддержке ее действий народом.

Исторический опыт показывает, что призыв защитить общество от власти (если это не злонамеренная попытка разрушить само общество) означает на деле призыв защитить общество от самого себя, от его неспособности создать эффективную власть и адекватную уровню развития общества политическую форму его существования. Даже тоталитарные режимы, использующие в отношении общества методы идеологического диктата и террора, порождены многочисленными недугами и пороками самого общества, с которого нельзя снимать ответственность за его «выздоровление».

Поэтому попытка возложить всю полноту ответственности за отечественное неустройство только на власть затрудняет всесторонний анализ проблемы и поиск путей выхода из сложившейся ситуации.

Представляется, что данная форма односторонности возникла в результате действия ряда факторов. Прежде всего она обусловлена длительным существо-

ванием авторитарной власти и практикой сверхцентрализованного управления в СССР, которая не смогла дать ответы на вызовы времени, не отвечала чаяниям народа, завела страну в тупик и ввергла ее в пучину хаоса. Разоблачая неэффективную систему и борясь с ней, люди искали новую методологию анализа. Взоры были обращены на синергетику, поскольку она внесла решающий вклад в формирование концепции наполненного потенциями становящегося мира, который обладает многими возможностями и альтернативными вариантами развития. Обобщения и выводы синергетики обогатили методологический арсенал общественных наук, способствовали более глубокому пониманию механизмов общественного развития. Вместе с тем своеобразная научная мода, увлечение новой методологией в совокупности с тенденциозными истолкованиями ее выводов способствовали формированию однобокого видения общественных процессов. Разумеется, дело в данном случае отнюдь не в науке и новых методах, а в особой ориентации отдельных людей, склонных в борьбе против старого порядка отрицать значение порядка вообще.

Единство управления и самоорганизации вполне очевидно для специалистов[1]. Синергетика способствует научному поиску и созданию такой системы управления, которая соответствовала бы основополагающим тенденциям развития самой социальной реальности. Речь, следовательно, идет не об умалении роли государственной власти и управления, а о качественно новых требованиях к ним, которые выдвигает динамичный и взаимосвязанный современный мир.

Непреходящее значение государственной власти и государственного управления состоит в обеспечении самосохранения конкретного социума, удержания его от распада и разложения, от превращения в то, что социумом (как объединением, общежитием людей) уже не является. В этом качестве государственную власть и управление нельзя безоговорочно противопоставлять процессам самоорганизации. Осуществление реального объединения людей на основе их подчинения общепринятым нормам также является проявлением социальной самоорганизации, которое характеризовалось тем, что во имя обеспечения совместной жизни людей был создан специальный властный институт – государство.

Возникновение государства стало не только одной из важнейших форм самоорганизации социума, ее основополагающим политическим механизмом, но и необходимым этапом социальной самоорганизации.

В настоящее время исторический процесс привел к тому, что общество в наиболее развитых странах вынуждено постоянно искать новые формы обеспечения эффективной взаимосвязи между бурно эволюционирующей системой деятельности людей, творческой активностью членов общества, организациями и структурами гражданского общества – с одной стороны и властными структурами – с другой. Речь идет о новых формах сотрудничества правительственных и неправительственных организаций, гражданских инициативах, общественной экспертизе административных решений, публичных расследованиях эффективности принятых решений с участием заинтересованных сторон, формировании общественных сетевых структур и др.

Мы в России в последние годы пытались копировать образцы демократии, ушедшие в прошлое, мало обращая внимания на современные тенденции в передовых странах. Выйдя из тоталитарного прошлого, гражданин новой России попал в другие путы, плохо ему знакомые, обращению с которыми он научиться не успел. И рынок, и политическая демократия порождают такие «связанности», создают такое фундаментальное самоограничение человека, что многие неконтролируемые общественными институтами самопроизвольные процессы впору именовать не самоорганизацией, а самоуничтожением. Механизмы рынка, участие в политике, в деятельности политических (а в большинстве случаев и неполитических) организаций гражданского общества – усредняют человека, сводят многообразие индивидуальных потребностей, способностей и интересов к некоей обобщенной форме и суммарно-общей воле.

[1] Это подтверждает проведенная в июне 2004 г. в РАГС при президенте РФ крупная международная конференция на тему «Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления»

Перед Россией, как и всем современным обществом, стоит масштабная и комплексная задача перехода к новому этапу социальной самоорганизации с принципиально новыми возможностями, но и более высокими требованиями к каждому человеку, к государственным и общественным институтам. С одной стороны – система власти и управления должна быть построена таким образом, чтобы не подавлять имеющееся социальное многообразие интересов, потребностей, взглядов, позиций, а также предлагаемых мер по решению тех или иных проблем. Указанное разнообразие и творческий потенциал являются важнейшим ресурсом для управления общественной системой на основе стимулирования ее самоорганизации. С другой стороны – стремление к согласию и общественная солидарность должны стать, безусловно, доминирующей чертой личности каждого человека. Достижение новых высот самоорганизации социума станет реальностью, если люди в своем подавляющем большинстве научатся искать блага и «справедливости для других» *(И. А. Ильин).*

Именно нравственная и духовная общность людей создает общество, власть и государство, закладывая прочные основы их единства. В свою очередь в действительный, авторитетный центр политического единения государственную власть превращает только служение общему, духовному интересу народа и гражданина.

5 Заказ 4694

Н. КОРОЛЬКОВ, Е. ЦВЕТКОВА

РОССИЯ И США ДОЛЖНЫ ДАТЬ МИРУ ШАНС НА СПАСЕНИЕ

Вот бы посмотреть, какой будет Россия лет через 70–80. Да и будет ли она?! А вдруг сбудутся расчеты тех, кто, прогнозируя развал Советского Союза, и вправду рассматривал его территории как сырьевой придаток более сильных и умных государств. Что уготовила история нам да и всему остальному миру? Этого, конечно, никто не знает. Но рассмотреть некоторые возможные варианты нам сам Бог велел. Тем более что контуры будущего планеты начинают понемногу приобретать свои очертания. В первую очередь это касается объединенной Европы. Долгие поиски перспектив развития политики, экономики, демократических институтов, социальной сферы привели народы большинства европейских государств к идее объединения в Европейский союз. Причем главную скрипку в становлении и реализации ее играли отнюдь не второстепенные страны. Конечно, прошло слишком мало времени, чтобы утверждать: Евросоюз добился грандиозных успехов. Но то, что он постепенно становится серьезным мировым политическим игроком, сомнению не подлежит. Всему миру показан наглядный пример, как желание найти перспективы развития государств, пропущенное через политическую волю и амбиции различных элит, нашло свою практическую реализацию. Это тем более важно еще и тем, что впервые со времен Лиги наций и зарождения ООН объединение произошло не на совещательном уровне, а на основе реальной совместной политики и экономики.

Чего ждут народы Европы от объединения в Союз и куда он их приведет? Осмелимся предположить, что привести он может (в отдаленной перспективе, конечно) к созданию единого государства. Если наш прогноз верен, то объединенная Европа сделала серьезную заявку на решение своих геополитических задач на века.

Интеграционные процессы по сути своей стали самым ярким выражением глобализации, и мы надеемся, самым отрадным ее проявлением. Ведь совсем не случайно очень живучи идеи создания на Ближнем Востоке единого Исламского государства. В юго-восточной Азии намечается очень перспективная ось Дели–Пекин–Токио. Одним словом, процесс интеграции представляется на сегодня необратимым.

Похоже, человечество неожиданно для самого себя постепенно выходит на новый уровень развития, апофеозом которого должны стать формирование мирового правительства и появление единой оценочной категории для людей, населяющих нашу планету, которые в самом обозримом будущем будут называться ЗЕМЛЯНЕ.

Писатели-фантасты давно предрекали подобный путь развития. Более того, почти никто из них не видел, не желал видеть другого.

КОРОЛЬКОВ Н., ЦВЕТКОВА Е. – аналитики Санкт-Петербургского института перспективной политики

А как же Россия? Где ее место в будущем мире? Сегодня нам видятся два основных сценария ее исторического пути.

Первый – это неизбежный распад в результате успехов кавказского сепаратизма, который неминуемо отзовется проблемами в целом ряде российских регионов, таких, как Татарстан, Башкирия, почти все Поволжье. Последствия этого многократно описаны как

в российской, так и зарубежной литературе: глобальный конфликт, обеспокоенность «мировой общественности», миротворческие силы, контроль над ядерным арсеналом, протекторат, потеря государственности. И вот когда поистине пророческими станут слова юродивого: «Плачь Русь! Плачь православная!»

Однако есть и другой вариант, другая историческая виртуальность. Этим вариантом мог бы стать интеграционный процесс с государством, которому возможное объединение было бы выгодно буквально со всех точек зрения.

На протяжении всей своей истории Россия не раз вступала в различные союзы. Но, как правило, оказывалось так, что все они носили лишь тактический характер. Редко России что-то нужно было от партнеров, в основном партнеры хотели прикрыться и что-то получить от России.

Но есть и другой фактор. Россия всегда жила движением на восток и в этом своем движении непременно была успешна.

Что же касается Европы, то Россия ее всегда пугала своей непредсказуемостью, лихостью, размахом (как побед, так и поражений). Именно поэтому Россия даже в отдаленной перспективе вряд ли сможет стать интегрированной частью объединенной Европы.

Сегодня наши лидеры ведут поиск возможного союза с Китаем. В своей деятельности президент В. В. Путин, даже особо не скрывая этого, пытается примерить на себя политическую мантию Дэн Сяопина. Но Китай за последние десятилетия сделал огромный шаг вперед, а Россия – такой же шаг назад. К сожалению, мы интересны Китаю лишь остатками своих оборонных технологий, сырьевыми ресурсами, да свободными территориями, на которые он смотрит, как известная лисица на российский сыр.

Ползучая экспансия растревожила даже наше духовенство, наконец-то поднявшее пасторское слово в защиту российских территорий. По сути разность культуры, политического строя, стратегических интересов делает нас с Китаем лишь тактическими партнерами, каких у России было немало.

Что же касается объединения с нашими бывшими республиками, то об этом даже писать не хочется. Одним мы ничего хорошего дать не можем, другие – нам.

Так какова же все-таки перспектива интеграции? А ведь она есть! И не такая уж невероятная, как может показаться на первый взгляд. Единственным в мире государством, которому союз с Россией был бы абсолютно выгоден (бесспорно, так же, как и России), являются Соединенные Штаты Америки!

Поднимая тему объединения России и США, мы понимаем, что она вызовет естественную негативную реакцию у большинства россиян и смятение (как минимум) у мировой общественности. Но это лишь первая реакция. Она обусловлена отсутствием исторических аналогов и многолетней привычкой считать эти две державы непримиримыми врагами (хотя история помнит и другие времена).

При рассмотрении тех перспектив, которые дает объединение России и США, становится очевидным, что редкий союз народов бывает столь выгоден обеим сторонам и более того – выгоден всему миру. Попробуем подробнее рассмотреть такую невероятную и такую многообещающую перспективу .

Геополитический аспект. При объединении России и США устраняется противостояние этих двух стран, которое долгое время держало в страхе весь мир и было основной причиной гонки вооружений, поглощавшей экономические ресурсы, которые могли бы идти на другие цели. Сейчас это же противостояние (хоть об этом обычно не принято говорить открыто) является одной из основных причин распространения терроризма как механизма отстаивания геополитических интересов, в данный момент, например, направленного на эскалацию напряжения на Кавказе, борьбу за Прикаспийский регион и Среднюю Азию. При этом управляемость терроризма относительна (как джинна, выпущенного из бутылки, его очень трудно, если вообще возможно сдерживать) и вероятность того, что он и дальше будет набирать силу, – весьма высока. Поэтому ликвидация причин такого терроризма через единство России и США выгодна обеим странам и всему миру.

Объединенные Россия и США будут иметь контроль над основной частью ядерного вооружения (а косвенно – за счет сдерживания других стран и над всем ядерным вооружением) планеты,

что в сочетании с ликвидацией противостояния двух крупнейших ядерных держав (каждая из которых может уничтожить всю земную цивилизацию) существенно снизит вероятность применения этого оружия.

Новое государственное образование сможет эффективно и без серьезного ущерба для экономики противостоять возможной опасности для мира, исходящей из Китая с его колоссальными людскими ресурсами, ядерным оружием, высокими амбициями и темпами развития. И только подобное образование сможет экономически противостоять союзу Китая с Индией и, возможно, высокотехнологичной Японией. Да, подобного союза пока не существует. Но Дели и Пекин уже предприняли ряд шагов, направленных на сближение, что делает вероятность создания подобного союза очень высокой.

И Россия, и США, охватывая три части света, два континента, объединившись, получат геополитические выходы, которых не имеют сейчас.

Подобное объединение положит начало интеграционным процессам в мире. Наверняка они охватят страны СНГ, а возможно, и не только их. В частности, единые Россия и США получат столь желанное (для обеих держав) влияние на Кавказе и в Средней Азии без нагнетания конфликтов и жертв со стороны мирного населения. Появится возможность проведения и без того неизбежной глобализации мирным путем.

Создание подобной сверхдержавы позволит активизировать работу ООН, сделать эту организацию более эффективной, способной реально решать проблемы, стоящие перед человечеством.

Объединение России и США поможет эффективно бороться с терроризмом стран «третьего мира». С одной стороны – устранение причины нагнетания этой проблемы как средства противостояния между США и Россией позволит отделить так называемый исламистский терроризм от тех террористических атак, которые под него маскируются, устранив геополитические причины этих атак. С другой стороны снятие напряженности между Россией и США и объединение их ресурсов и усилий, направленных на реальную ликвидацию терроризма, позволит иначе подойти к принципам глобализации и через их совершенствование воздействовать на причины терроризма стран «третьего мира». А опора на российские нефтяные ресурсы обеспечит объединенным России и США козыри в диалоге с нефтяными магнатами арабских стран, что даст возможность ликвидировать экономическую опору так называемого исламистского терроризма.

Экономический аспект. И Россия, и США, объединившись, смогут направить на развитие те ресурсы, которые до сих пор тратились на противостояние.

Помимо этого, выгоды для России:

- опора в своем развитии на самый мощный на данный момент в мире экономический потенциал и традиции развитого рынка;
- восстановление авторитета в мире и вследствие этого благоприятная экономическая конъюнктура;
- восстановление влияния и связей на пространстве бывшего СССР и не только;
- инвестиции в экономику;
- возможность сохранить и развивать российскую науку (и все, что из этого следует).

Выгоды для США:

- укрепление доллара. Известно, что главное обеспечение доллара – не золото и иные материальные ценности, а психология людей во всем мире, верящих в силу и авторитет США. Объединение с Россией откроет новые психологические резервы укрепления этой валюты и позволит США выпускать обеспеченные доверием мировой общественности доллары, в том числе и для инвестирования их в российскую экономику;
- новые природные ресурсы, дающие полную независимость внутренней экономики от конъюнктуры, сложившейся на мировых рынках. При этом россиянам не надо бояться хищнического отношения к своим богатствам. Без мощного стимула развития, который даст это объединение, и при сохранении существующей практики Россия скорее выкачает и распродаст собственные недра (причем вырученные средства, как показывает практика, скорее всего будут вывезены в те же США, а не инвестированы в российскую экономику). Америка же (в отличие от России) склонна относиться хищнически к чужому, но не к своему.

Если российские богатства для США будут своими, они имеют больше шансов сохраниться (тем более что США активно ищут новые источники энергии), чем при нынешней российской экономической практике;

- при всех разговорах о слабости российской экономики Россия все еще располагает мощной экономической базой (то, что она работает неэффективно, – это вопрос управления) и ее правильное использование позволит США сэкономить огромные ресурсы;
- новые интеллектуальные и инновационные ресурсы;
- новые рынки.

И Россия, и США при объединении получат сильный импульс развития и возможность преодоления ряда внутренних проблем.

Внутриполитический аспект. Развитие России сталкивается с рядом сложностей, которые в основном связаны с взаимным непониманием и недоверием между обществом и властью. Иными словами, главная причина всех бед современной России – отсутствие гражданского общества. В этих условиях фактическая несменяемость элит ведет к потере управляемости. Именно поэтому титанические усилия В. В. Путина по укреплению властной вертикали не приносят желаемого результата. Как ни тасуй, как ни выстраивай потерявших свой созидательный потенциал представителей элит, эффективно работать они не могут. Без мощного притока свежей крови во власть возрождения России ждать не приходится. Но именно старые элиты, охраняя свое благополучие, сделали невозможным массовый приход в государственное управление людей со свежими идеями, способными обеспечить качественный скачок в развитии страны. Иными словами, властные структуры блокировали возможность развития в России гражданского общества и как следствие блокировали возможность развития самой России.

Устоявшиеся демократические традиции США помогут устранить это препятствие. Все это даст за счет более полного раскрытия потенциала граждан страны (в настоящее время из-за пропасти между обществом и властью он практически не задействован) мощный импульс к развитию демократического государства и становлению гражданского общества.

Не менее позитивно повлияет объединение и на внутреннюю стабильность в США. Как уже говорилось, мощь Америки – не только экономический, но и психологический фактор. А вот как раз он сегодня крайне неблагоприятен. Из-за реализуемого насильственного экспорта демократии США вызвали к себе негативное отношение мировой общественности.

Мирное объединение с Россией в единое демократическое государство вернет США (как и России) потерянный авторитет. Как следствие возрастет безопасность американцев и повысится привлекательность экономики Америки.

Социально-психологический аспект. При всем противостоянии СССР и США наши народы нельзя назвать враждующими. Скорее власти обеих держав искусственно нагнетали страх и взаимную неприязнь советских граждан и американцев, преследуя определенные цели.

С другой стороны – у россиян и американцев много такого, что нас сближает. У тех и у других доминирующей является христианская культура. И Россия, и Америка традиционно объединяют людей разных национальностей. И что очень важно – происходит это на основе равенства всех наций. Более того, как «россиянин», так и «американец» – это не обозначения национальностей, а констатация факта соответствующего гражданства. Оба понятия изначально подразумевали многонациональные народы. Более того, в этом смысле Россия и США уникальны среди других стран. И в России, и в США люди объединены без подавления одних национальностей другими. Традиции взаимной терпимости представителей разных этносов и конфессий (в условиях нормального, мирного развития, без нагнетаемых конфликтов) очень развиты в обеих странах.

Россиян всегда волнует вопрос сохранения российской самобытности. Не так давно наша интеллигенция боялась американизации россиян. Но американизация, насколько она могла произойти, уже произошла. А традиционная российская самобытность в значительной мере (настолько, насколько она оказалась необходима нашему населению) сохранилась. В случае же объединения с США, которые известны фактическим отсут-

ствием выраженной национальной культуры (недаром говорят, что Америка пришла к цивилизации, минуя культуру), яркая российская культура не только не исчезнет, но и может обогатить новый союз народов. При этом очевидно, что новое объединение Россия – США будет двуязычным, так как русскоязычные народы войдут равноценным партнером к англоязычным: по численности население России составляет примерно половину от населения США, а Россия вместе с СНГ по этому показателю примерно равны США.

Стоит заметить, что и россияне, и американцы видят себя спасителями мира (о чем свидетельствуют, например, фантастическое кино и литература). Так почему бы им не спасти мир, объединившись. Тем более что такое объединение вчерашних врагов заставит многих иначе взглянуть на взаимоотношения между странами и даст всему миру психологически важный позитивный импульс к преодолению противоречий и объединению.

Обе державы – и Россия, и США на данный момент фактически утратили психологическое мировое лидерство. Новое государственное объединение на мирных принципах станет не только экономическим, но и психологическим лидером мирового сообщества.

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В НАУКУ О БЕЗОПАСНОСТИ

Вышел в свет второй выпуск Энциклопедического словаря-ежегодника «Безопасность Евразии»[1]. Его появление является не только новым шагом в изучении проблемы безопасности, но и важным событием в научной и общественно-политической мысли России.

Можно только приветствовать активное желание и настойчивость руководителя и составителей данного проекта, весь коллектив журнала в реализации ими поставленной перед собой задачи: глубоко и всесторонне исследовать проблему безопасности, представить ее как одну из базовых общественных потребностей нашего времени. Такой подход и такие намерения авторов заслуживают всяческого внимания и поддержки.

Проблема безопасности, как известно, всегда была одной из ключевых проблем человеческого общества. С решением этой проблемы связано само его существование, создание необходимых условий для удовлетворения жизненных потребностей и интересов людей. Исключительно острой и животрепещущей она является в нынешних условиях, особенно для России. Ее реальная жизнь, все изменения, которые в ней сегодня происходят, – убедительное тому подтверждение. Какую бы сферу общественной жизни мы ни взяли, отчетливо и всюду видим многообразие таких явлений и процессов, которые самым негативным образом влияют на ее безопасность. Если к этому добавить тот факт, что продолжают существовать и даже усиливаться внешние угрозы национальной безопасности России, не прекращаются террористические акты, то значимость данной проблемы становится еще более очевидной.

Наряду с осознанием ее актуальности сегодня значительно расширяются и усиливаются меры, предпринимаемые различными странами и на различных уровнях по противодействию возникающим опасностям. Многие правительства, в том числе и правительство России пытаются реагировать на такого рода события, увеличивая затраты на национальную безопасность. В силу этого, как справедливо подчеркивают составители Энциклопедического словаря, теория и практика обеспечения безопасности, силы и средства, которые при этом используются, приемы и методы их эффективного применения остаются важным предметом научного осмысления, а выработка адекватного и одинакового понимания содержания и форм безопасной жизнедеятельности приобретает принципиальное значение для утверждения в мире культуры безопасности, формирования у людей гражданской ответственности за собственную безопасность, за безопасность семьи, общества, государства и мировой цивилизации.

Новое издание словаря, безусловно, будет содействовать решению этой чрезвычайно важной социальной задачи, послужит необходимой методологической основой для правильного понимания и выработки путей и средств реализации такого решения. Научное осмысление и упорядочение основных понятий, относящихся к сфере безопасности, а также основных персоналий, реалий, прежде всего их гуманитарного аспекта может стать самостоятельным вкладом в возрождение и развитие России.

Второй выпуск Энциклопедического словаря-ежегодника отличают логика, структура и содержание материала. Неотъемлемой частью его содержания является толкование понятий и терминов, составляющих тезаурус безопасности. Она серьезно увеличена за счет включения новых терминов. Кроме того, в книге выделены самостоятельные разделы, которые позволяют на более широком пространстве и в более конкретизированном виде представить проблемы безопасности, определить пути и средства ее обеспечения. Все это говорит о том, что составители словаря подошли к это-

[1] Безопасность Евразии-2003. Энциклопедический словарь-ежегодник. Автор Идеи и Концепции, руководитель Проекта В. Н. Кузнецов. М., Книга и бизнес, 2004, 624 стр.

му вопросу самым серьезным образом. Глубокое и всестороннее понимание проблемы, тщательный отбор материала, скрупулезный подход к выявлению в нем самых необходимых аспектов, придают книге особую ценность и научную значимость. Обращение к ней и использование ее в своих научных и практических целях окажет интересующимся проблемами безопасности самую необходимую помощь.

Особый интерес в Энциклопедическом словаре вызывает раздел «События и факты». Его главная ценность состоит в том, что в нем дается всесторонняя характеристика состояния безопасности в России, Евразии и мире, показываются усилия различных акторов, их практические меры по ее обеспечению и укреплению, осуществлявшиеся в 2003 г.

Перед нами – хронология безопасности, представляющая собой событийно-фактологическое описание явлений и процессов, имевших место в данной области в прошедшем году. Такой подход, конечно, не позволил составителям словаря дать всеобъемлющее и исчерпывающее описание всего, что произошло за год (точнее за январь–ноябрь) в этой сфере. Да и сделать это практически невозможно. Однако на основе тщательно продуманного отбора материала, выделения наиболее значительных актов и действий субъектов политики мирового, регионального и национального уровней им, на наш взгляд, удалось дать необходимое представление о безопасности как многогранном явлении, зафиксировать наиболее значимые события, которые могли бы привлечь внимание общественного мнения.

В то же время в интересах формирования наиболее полного понимания феномена безопасности в хронологический экскурс включены не только факты международного и национального масштаба, имевшие большое социально-политическое значение и широкий общественный резонанс (создание организации Договора коллективной безопасности, война в Ираке, распространение атипичной пневмонии и т. д.), но и относительно частные и в какой-то мере неожиданные события, представляющие также определенный интерес. Например, митинг Московского центра защиты животных против жестокого обращения со слонами в Таиланде; выделение России Соединенными Штатами 1 млн. 200 тыс. долларов на трехлетнюю программу по противодействию незаконному вывозу женщин и девушек; сообщение о наиболее высоком уровне преступности в мире, зарегистрированном в Ватикане, население которого составляет около 1000 человек.

О четкой структурированности материала свидетельствуют представленные в данном разделе комментарии ученых о явлениях и процессах, либо зародившихся в 2003 году и, по общему правилу, еще не вошедших в словари и справочники, либо получивших в том году новые импульсы и динамику. К таким явлениям, получившим свое категориальное выражение, прежде всего относятся: «Дорожная карта», представляющая собой план мирного урегулирования палестино-израильского конфликта, разработанный США, Россией, ООН, Евросоюзом и предусматривающий отказ Палестины и Израиля от применения силы друг против друга; «Буша доктрина», дающая определение американской позиции и политики, которая приравнивает государства, поддерживающие террористов, к самим террористам; «Единое экономическое пространство», представляющее собой способ и форму организации хозяйственной деятельности Белоруссии, Казахстана, России и Украины, предполагающие, что их экономики будут функционировать по единым принципам, обеспечивающим свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы; «Кимберлийский процесс» – движение международного сообщества, направленное на установление системы строгого контроля над торговлей алмазами, исключение из легального торгового оборота «конфликтных алмазов», служащих в качестве средства финансирования гражданских и межгосударственных войн, главным образом в Африке; «Киотский протокол», представляющий собой международный договор в области охраны окружающей среды, направленный на сокращение концентрации в атмосфере Земли газов, прежде всего CO^2 , которые, как предполагается, вызывают парниковый эффект и глобальное потепление; «Болонская конвенция» о создании общеевропейского про-

странства высшего образования, предусматривающая гармонизацию систем европейского образования с учетом опыта и особенностей развития высшей школы в каждой из стран – участниц Болонского процесса.

Введение этих и других понятий в научный лексикон, на наш взгляд, значительно расширяет пространство исследований современных социально-политических процессов, способствует наиболее углубленному пониманию специфики их содержания и развития. К этому следует добавить и то обстоятельство, что наряду с введением в научный оборот новых понятий, отражающих различные аспекты безопасности, авторами дается их глубокое и всестороннее толкование.

В отличие от другой справочной литературы во втором выпуске Энциклопедического словаря теория безопасности значительно расширила свои горизонты, обогатилась новыми положениями и выводами. Например, термину «мобилизация» в словаре не просто дается научное определение, приводится его диффиниция, но и подробно раскрываются его многие содержательные аспекты, такие, как мобилизационная готовность, мобилизационная готовность сил и средств гражданской обороны, мобилизационная подготовка, мобилизационная подготовка экономики, мобилизационная экономика, мобилизационное развертывание, мобилизационные возможности государства, мобилизация Вооруженных сил, мобилизация политическая, мобилизация экономики.

В таком же ключе авторы пытаются раскрыть и такой термин, как «мониторинг». На страницах книги он получает достаточно широкую характеристику. В ней, в частности, выделяются следующие его разновидности: мониторинг авиационно-космический, мониторинг атмосферы, мониторинг гидросферы, мониторинг земель государственных, мониторинг окружающей среды, мониторинг опасных природных процессов и явлений, мониторинг радиационный, мониторинг социально-гигиенический, мониторинг фоновый, мониторинг энергетической безопасности.

Нельзя не обратить внимание читателей и на термин «охрана», который на страницах словаря получает также довольно широкую и развернутую трактовку. Для более углубленного понимания сущности и содержания данного понятия авторами выделяются такие его аспекты, как охрана внутренняя, охрана государственной границы, охрана государственной границы в очагах локальных войн и вооруженных конфликтов, охрана здоровья граждан, охрана здоровья населения, охрана земель, охрана исключительной экономической зоны, охрана общественного порядка, охрана общественного порядка в зоне чрезвычайной ситуации, охрана объекта, охрана окружающей природной среды, охрана природы, охрана труда и т. д.

В такой же логической интерпретации раскрывается в книге и такой исключительно важный термин, как «режим». Его основными видами называются режим безопасности, режим государственной границы, режим конфиденциальности, режим наибольшего благоприятствования, режим охраны, режим пограничный, режим полицейский, режим пропускной, режим противоэпидемический, режим секретности, режим таможенный, режим чрезвычайный.

Такого же подхода авторы придерживаются и при освещении других разделов книги, что, безусловно, заслуживает всяческого одобрения. Интересен в этом плане раздел «Досье», в котором содержатся статьи о государственных учреждениях, общественных объединениях, коммерческих структурах, международных организациях, научных и учебных центрах, предназначенных для обеспечения безопасности личности, общества, государства. Спектр этих институтов и организаций достаточно широк и разнообразен. При их характеристике особый акцент делается не столько на организационно-структурный аспект, сколько на их функциональную принадлежность, на их возможности в решении этой сложной и многогранной задачи.

В первую очередь авторы к ним относят государственные силовые структуры и военные академии, всероссийские центры, организации и комиссии, службы различного рода, деятельность которых прямо или опосредованно связана с обеспечением безопасности. Причем некоторые из них называются впервые или о них говорится в свете именно тех прерогатив, которые отражают общественную потребность.

Сюда же включены нормативно-правовые документы международного права и национальных законодательств, регламентирующие деятельность по обеспечению безопасности. В этой связи не могут быть незамеченными такие из документов, как конвенции о защите прав, свобод и безопасности человека, договора, направленные на снижение порога наступательных потенциалов государств и обеспечение международной и национальной безопасности, различного рода соглашения и декларации, ведущие к все большему взаимопониманию государств в этой области и объединение их усилий по достижению безопасности и мира между народами.

Акцентируется также внимание на различного рода структурах и организациях в лице советов, комиссий, комитетов, хартий, деятельность которых прямо подчинена решению этой задачи.

Достаточно привести только один из таких документов, чтобы убедиться в их гуманистическом предназначении, ориентации на защиту прав и свобод человека, его безопасность. Например, «Конвенция о защите прав человека и основных свобод», принятая 4 ноября 1950 г. в Риме. Ее участники, подтверждая приверженность принципам Всеобщей декларации прав человека, взяли на себя обязательства добиваться большего единства в поддержании и дальнейшем осуществлении прав человека и основных свобод, осуществлении коллективных и согласованных действий по их реализации. В соответствии с положением конвенции каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, включая право свободно менять свою религию или убеждения и свободно использовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и совместно с другими лицами. В конвенции провозглашено право на свободу мирных собраний и свободу ассоциаций, включая право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов. Пользование правами и свободами гарантируется без какой-либо дискриминации по признакам пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения или иным признакам.

Раздел «Тезаурус» составляют понятия, раскрывающие феномен безопасности, ее угрозы, формы и методы их реализации в различных областях жизни личности, общества и государства, силы и средства противодействия им.

Чем привлекает этот раздел? В чем его ценность? Что прежде всего может заинтересовать читателя? Как нам представляется, этим является сама постановка авторами научной задачи: собрать воедино все термины, которые описывают, анализируют и оценивают безопасность как явление и понятие. Удалось ли им этого достичь? Думается, да, если считать, что во главу угла решения этой задачи авторы поставили не столько введение в научный оборот новых терминов, сколько систематизацию уже имеющихся, четкую ориентацию на выявление главных сущностных признаков рассматриваемых явлений.

Поэтому, следуя такой логике, многие термины в рассматриваемом разделе не ограничиваются лишь диффиницией, дающей обобщенную характеристику конкретного явления, процесса. Авторами делается попытка их дифференцировать на составляющие, которые позволяют проникнуть в глубь такого явления, процесса, выявить их специфические качества и особенности. Например, термин «война» в словаре представлен именно таким образом. В нем не только дается определение этого понятия, но и осуществляется детальный анализ войны через ее составляющие. Таких составляющих мы находим в книге 29. Знакомство с ними позволяет нам иметь наиболее полное представление о войне как общественном явлении, отчетливо видеть ее специфические особенности.

Чтобы убедиться в этом, достаточно привести в качестве примера такие разновидности войн, как войну ядерную и войну гражданскую. Особенность первой состоит в том, что она представляет собой вооруженную борьбу между государствами (коалициями государств), основным средством поражения противника в которой является ядерное оружие. Ядерная война является самоубийственной, в ней победителей не будет, а потому она не может быть рациональным средством политики. Поэтому миролюбивые силы во всех странах выступают за предотвращение любой ядерной вой-

ны, укрепление режима нераспространения ядерного оружия и его последующее запрещение.

Вторая характеризуется тем, что она является наиболее острой формой разрешения социальных противоречий внутри страны, вооруженным противоборством социальных, этнических, религиозных общностей и групп за реализацию своих коренных экономических, политических и других интересов. В гражданской войне главным предметом противоборства является государственная власть, а основным средством – вооруженная борьба, которая, как правило, характеризуется сложностью, неопределенностью, изменчивостью состава воюющих сторон, так как в гражданской войне, помимо регулярных вооруженных формирований, участвуют массы вооруженного населения. Это обусловливает многообразие форм вооруженной борьбы в гражданской войне, в том числе боевые действия Вооруженных сил, вооруженные восстания, партизанское и повстанческое движение.

С такого взгляда на войну у читателя складывается конкретное представление о ней как феномене, занимающем определенное место в развитии человеческого общества.

Интересно представлен в Энциклопедическом словаре раздел «Персоналии». В нем даются биографические справки о лицах, чья политическая, общественная, научная, издательская и другая деятельность непосредственно связана с безопасностью. Его позитивной стороной следует считать прежде всего избирательный подход авторов к составлению списка этих лиц, включением в него тех, кто исключительно проявил себя в этой области, внес значительный вклад в теоретическую разработку проблемы безопасности и ее практическую реализацию. Кроме того, значительно расширен список персоналий за счет включения статей, посвященных деятелям нового и традиционного зарубежья.

Внимательно отнеслись авторы книги и к тем лицам, в положении которых за последнее время произошли кадровые изменения. Статьи о названных персоналиях подготовлены на высоком профессиональном уровне, их отличают глубокое содержание и четкое понимание авторами социального статуса и предназначения тех, о ком идет речь в этих статьях.

Есть в книге также раздел под названием «Мемориал». Его место в ряду других разделов не вызывает сомнения. Он полезен тем, что составители словаря сделали нужную, на наш взгляд, попытку экскурса в историю, обратили внимание на те памятные даты, а также имеющие отношение к безопасности события из прошлого, на которые в 2003 году приходится круглая дата. Конечно, таких событий в истории было много. Поэтому большой заслугой авторов книги является то, что они сумели из всей их многочисленности выбрать те, которые не просто оставили свой след в мировой истории и жизни нашей страны, но и оказали огромное влияние на их развитие. Следует указать также на исключительную скрупулезность и внимательность составителей словаря в отборе такого материала, понимания его значимости для нашей современной действительности.

Кроме названных разделов, во втором выпуске Энциклопедического словаря-ежегодника содержится и много другого нужного и полезного материала. В нем, в частности, помещены справки об издательских проектах, периодических изданиях, отдельных произведениях, выбор которых определялся, как нам кажется, их значимостью для теории и практики безопасности. Большой интерес у читателей вызовут и те приложения, которые приводятся в книге. В них содержатся Указы президента Российской Федерации, нормативно-правовые документы Российской Федерации, а также другие материалы, которые окажут большую помощь всем, кто интересуется вопросами безопасности и кто непосредственно связан с этой сферой деятельности.

Второй выпуск Энциклопедического словаря-ежегодника «Безопасность Евразии-2003» – несомненный и очень важный вклад в науку о безопасности.

Е. УШАКОВ,
д. ф. н., профессор кафедры политологии Военного университета

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ РОССИИ

Поиски политической стабильности как определяющего условия внешнеполитических успехов и правильности курса общегосударственного реформирования неоднократно декларировались президентом Путиным.

До какой степени на фоне современных политических процессов – баталий, локальных вооруженных конфликтов может быть актуальна тема исторической памяти как важнейшего вектора достижения политической стабильности России?

Можно ли и своевременно ли предлагать общественному сознанию сюжеты 500-летней давности, приближенные и озвученные до такой степени эмоционально, что за ними встают даже не отдельные страницы истории, а целые эпохи, способные безошибочно определить искомый вектор, побуждая лишь к его освоению?

Это талантливо осуществил в своей монографии «Лики четвертого Рима»[1] известный писатель, краевед-философ Гречухин В. А., знаток духовной культуры Верхневолжья, поставивший острейшие вопросы соотношения власти и нравственности, достоинства и холопства, цены мужества и народного героизма, отразившиеся в общественном сознании – вопросов, не всегда имеющих исчерпывающие ответы. Автор выдвигает на первый план фактор исторической памяти по ряду причин. Во-первых, она представляется как объединительная вертикаль общественного сознания, даже если кому-то кажется его отсутствие в исторически обусловленном контексте России. Конечно, «настоятельное желание, как же надобно честно и грозно вести народ и держать государство? Для этого мы «вглядываемся в прошлое, для сего и тревожим свою и общерусскую память» *(стр. 275)*. Во-вторых, именно историческая память сохраняет и транслирует ту систему ценностей поведения и мышления, которая стала столь актуальна в условиях формирования нашего плохо структурированного в политическом отношении общества. В условиях противостояния процессов глобализации и арсенала духовных ценностей культуры, во многом утраченных к XXI в.

Между тем историческая память, заключенная в историко-культурном наследии и обладающая незаемной энергетикой и устойчивым основанием является необходимым условием обретения политической стабильности общества как главной задачи России на пути сохранения ее единства.

Именно об этом от главы к главе напоминает автор, восхищаясь духовным наследием России и ее творцами-просветителями, всегда утверждавшими путь Добра и идею единства, получающих ныне общественную востребованность в самых различных сферах жизни, что все острее осознается общественным сознанием.

Наконец историческая память помогает обнаружить ту самую «национальную идею», по которой давно тоскуют наша власть и политология.

Таким образом, вполне очевидно, что размышления об исторической памяти сводятся к выводу о ее определяющей роли в возведении фундамента политической стабильности России, хотя процесс этот небыстрый и многосистемный, что предопределяет необходимую дистанцированность от происходящих событий (избранное автором 500-летие может быть лишь одобрено). «Величайшее напряжение духовной жизни в России, великая подготовка к большим и спасительным делам происходит потаенно, придавая выводам и оценкам выверенный многоаспектный характер, основанный на вписанности одного времени в другое, как одной из характерных черт российской культуры, о чем поведал автор на основе отложившихся в общественном сознании ряда событий.

Куликовская битва, как известно, стала примером массового героизма, триумфа, итогом сплочения национальных

[1] Гречухин В. А. Лики четвертого Рима. Ярославль, 2004

сил. Вместе с тем нетрадиционность общенациональной оценки состоит в том, что автор подчеркивает отложившееся в общественном сознании стоическое отношение к общенациональным утратам. «...Когда не оказалось на Руси воинов, не вдосталь отваги» для новых схваток с татарами, тогда, наверно, дрогнуло и потеряло опору то, что вело князя Дмитрия. ...Должно быть душа этого неутомимого воинника и соединителя русских сил зашла с горьким сомнением: то ли я делал? Почто положил лучших русских людей на диком степном поле? Стало быть все напрасно?» *(стр. 16).* Это довольно смелый шаг корректирования доступных документов, позволяющих обозначить «цену победы» и построить подлинную эмоциональную видеокартину России, важную для XXI века.

Уйти от мифологизированной истории – значит открыть реальные пути для подлинного и всестороннего освоения историко-культурного наследия России, столь важного для оценки перспектив ее внутреннего развития и не менее актуального понимания ее облика в системе общецивилизационных связей нашей эпохи. Что связано не в последнюю очередь с отрывочным знакомством с высокой духовной культурой России, ее творцов и деяний, позволивших автору озаглавить свое исследование «Лики четвертого Рима».

К числу еще более значимых эпизодов, зафиксированных исторической памятью, автор относит изменения, определившие новые черты функционирования политических структур российского государства (при Иване III). Произошло замещение «братского, дружинного единства, царившего в обществе», служившего главным обручем империи московских Рюриковичей системой страха и «переборов людишек». «Каждый робел и каждый боялся за завтрашний день. Каждый холопствовал и унижением казал свою безусловную послушность». Это случилась первая Смута попрания Права, Чести и Совести, водворившая в стране всеохватывающее холопство, унижение и бесправие всего народа. Все остальные беды – отсюда».

И эти перемены установились надолго, почти навсегда. Поэтому, наверное, очень интересным представляется итоговое наблюдение, сделанное в 2003 г. князем Г. И. Горчаковым о прошедших изменениях последнего десятилетия в облике России. «Исчез физический страх в людях, бояться люди перестали».

И еще. Одно из важных масштабных переживаний, отложившихся в исторической памяти, не подверженных политическим страстям, легко преодолевавших переходы России от эпохи к эпохе, представляет ее историко-культурный ландшафт, в основе которого всегда лежала неизменная категория красоты. Она относима автором к системообразующим элементам российской культуры как стихийная объединяющая просветительская сила общества, как высокий способ мышления. «Ежели мыслить в плоскости научной конкретности, то исследователь имеет очень много и очень мало. Он имеет ряд отрывочных свидетельств, связанных лишь нитями исторической логики, исследовательского осмысления и научной интуиции».

Автор использует категорию красоты в масштабе историко-культурного ландшафта, выделяя ее место в исторической памяти как иррациональной величины духовной культуры России, позволяющей выделить как извечное стремление к единству общества, способного стать залогом так необходимой будущей политической стабильности XXI века. По словам М. Бахтина, «идти вперед может только память, а не забвение». Единственно о чем сожалеет автор – недостаточная широта поля распространения всех аспектов духовной культуры России, столь важной для умножения сил единства России.

Т. СНЕГИРЕВА,
к. и. н.

ПАТРИОТИЗМ – СЛУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ, НАРОДАМ РОССИИ И ОТЕЧЕСТВУ

В современных условиях переустройства всех областей жизнедеятельности российского общества особо остро актуализировалась проблема формирования позитивных основ духовной жизни российских граждан из-за возрастания количества негативных факторов и расширения сфер их влияния. Стабильность и устойчивость российского общества определяются сегодня во многом уровнем безопасного функционирования духовности россиян, их сознания, мировоззрения и социальных качеств.

Сегодня очень важно сохранить и укрепить общую ориентацию российских граждан, в том числе и военнослужащих на совокупность базовых духовных ценностей, которые способны выступить единым духовным консолидирующим началом. Одним из факторов укрепления духовного единства общества выступает понятие патриотизма как фундаментальная ценность человека.

На этом фоне монография Рудольфа Григорьевича Яновского[1] явилась по своей сути давно ожидаемым серьезным и глубоким исследованием.

Исходным посылом предлагаемого исследования для автора послужил поиск ответа на извечный вопрос о смысле жизни как отдельного человека, так и общества в целом. По мнению автора, универсальной идеей, способной наполнить жизнь реальным и ясным смыслом, является национальная идея. Естественно, в современном мире такая идеология не может не учитывать реалии глобализации. И в этой связи автором обосновывается необходимость поиска путей к мирному существованию различных государств, религий, цивилизаций. Ориентиром для этого поиска является гуманизация мировых общественных отношений. Огромную роль в этом процессе призваны сыграть современные наука и образование, проявляющие себя как один из важнейших факторов глобализации. По мнению Рудольфа Григорьевича, наука должна развиваться на основе гуманизации. Уже сегодня интерес к проблемам человека становиться превалирующим в научной среде.

Автором высказывается обоснованное беспокойство о состоянии экономической безопасности современной России, о пагубности приоритета материального потребления, навязываемого российскому обществу. По мнению профессора Яновского, в нынешнем столетии человечество сможет выжить, только следуя некоторым критериям самоограничения и самодисциплины. Автор говорит об утверждении «новой этики», основанной на нравственных принципах.

Автором утверждается необходимость в выработке новой концепции самоуправления, основанной на необходимости жить в ладу с существующей биосферой в каждом из регионов планеты. Власть просто обязана проявлять умеренность в материальном потреблении, чтобы иметь моральное право требовать добросовестного труда от управляемого ею народа. И акцентируя внимание на том, что в основе концепции самоуправления общества должна лежать мораль, Р. Г. Яновский указывает на возрастающее значение философии, так как в отличие от других наук философия не только не индифферентна по отношению к нравственности, но и органично с ней связана. Рудольф Григорьевич обоснованно считает, что необходимо существенно откорректировать концепцию гуманизма, выработанную классической европейской философией. Необходимо, по мнению автора, уходить от обожествления и оправдания индивидуализма и преодолевать кризис традиционных систем ценностей. В центр новой этики должно быть положено внимание к человеку творческому, с развитыми материальными и духовными сторонами личности.

Немаловажное значение для укрепления национальной безопасности России, по утверждению автора, имеет триада «государство–армия–народ». Должен быть

[1] Яновский Р. Г. Патриотизм: О смысле созидающего служения Человеку, Народам России и Отечеству. М., Бизнес и книга, 2004

поднят социальный рейтинг армии, что вполне возможно осуществить за счет расширения ее функций и поиска новых форм материально-морального стимулирования. Ведущее место в этой системе должен занять патриотизм, но с обязательным бережным отношением к отдельной личности, с усилением внимания к таким ее качествам, как достоинство, чувство долга, гражданственность. Автор рассматривает патриотизм как комплексную, эмоциональную, рациональную самоидентификацию личности, как свойство и качество субъекта истории, как предмет воспитания личности. Патриотизм объединяет массу индивидов в одно целое. При этом ни в коем случае нельзя снижать уровень внимания к отдельной личности. В монографии говорится о необходимости воспитания русского, российского патриотизма. Критерием истинности патриотизма является его проявление на практике, причем не только через ратные подвиги, но и добросовестный, общественно полезный труд.

Автор вводит понятие «культура патриотизма», которая представляет собой положительное отношение к общественным ценностям государственной власти своего и других народов, расширение дружбы и сотрудничества людей различных национальностей, религий и культур. Формирование такой культуры патриотизма лежит через развитие всего лучшего, самого патриотичного в человеке и нивелирования возможных негативных последствий идей лжепатриотизма. Огромное значение в этом процессе принадлежит обращению к историческим национальным истокам. Автор считает, что понятие гражданственности является ключевым в идеологии патриотизма.

Сегодня, по мнению Р. Г. Яновского, складывается сложная система теоретического и практического человековедения, которое в ближайшие годы станет одним из важнейших направлений научного развития, в котором ведущую роль здесь призвана сыграть интеллигенция – духовный фермент истории. И весьма символично, что автор постоянно обращается к образам замечательных российских ученых, посвятивших свою жизнь науке. Это и Николай Дмитриевич Кондратьев, и Софья Васильевна Ковалевская, и Михаил Алексеевич Лаврентьев, и Виктор Григорьевич Афанасьев, и Валентин Афанасьевич Коптюг, и Пелагея Яковлевна Кочина, и Питирим Александрович Сорокин, и Гурий Иванович Марчук, благодаря целеустремленности и самоотверженности которых наука продолжает свое развитие в направлении гуманизации, в основу которой положена культура патриотизма.

В заключение хотелось бы подчеркнуть значимость и своевременность выхода монографии в плане формирования патриотического сознания народа. Несомненно, что данное издание будет интересно всем, кому небезразлична судьба России.

П. ПЕТРИЙ,
д. ф. н., профессор,
начальник кафедры философии
и религиоведения
Военного университета
Министерства обороны РФ

